

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2016

ВЫПУСК 4 (18)

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2016**

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

Institute for International Studies

INTERNATIONAL ANALYTICS

Issue 4(18)

**Moscow
IIS MGIMO-University
2016**

УДК 327
ББК 66.4
М 43

Научно-экспертный совет:

*А. В. Торкунов (председатель), В. Б. Кириллов, Е. М. Кожокин, Н. Б. Кузьмина,
А. В. Мальгин, С. А. Орджоникидзе, А. Н. Панов, А. И. Подберезкин,
Н. А. Симония*

Главный редактор

А. А. Орлов

Редакционный совет:

*И. М. Бусыгина, Н. П. Грибин, В. В. Дегоев, А. А. Казанцев, А. В. Лукин,
В. А. Морозов, В. М. Муханов, А. И. Никитин, Л. С. Окунева, П. Б. Паршин,
В. В. Попов, В. М. Сергеев, А. В. Федорченко, С. И. Чернявский,
А. Л. Чечевишников*

Редакторы выпуска:

П. Б. Паршин, Н. А. Самойловская, А. Л. Чечевишников

УДК 327
ББК 66.4

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin,
S. Ordzhonikidze, A. Panov, A. Podberezkin, N. Simoniya*

Editor-in-chief:

A. Orlov

Editorial board:

*I. Busygina, N. Gribin, V. Degoyev, A. Kazantsev, A. Lukin, V. Morozov,
V. Mukhanov, A. Nikitin, L. Okuneva, P. Parshin, V. Popov, V. Sergeyev,
A. Fedorchenko, S. Chernyavskiy, A. Chechevishnikov.*

Editors of the issue:

P. Parshin, N. Samoilovskaya, V. Chechevishnikov.

Содержание

Константы и переменные современных международных отношений	7
Европа	7
<i>В. И. Мизин</i>	
Перспективы и дилеммы европейской системы безопасности	7
<i>Л. Р. Садыкова</i>	
Проблема идентичности западноевропейских мусульман	19
Ближний Восток.....	24
<i>Т. А. Карасова, М. Штерениш</i>	
Политический режим современного Израиля	24
<i>В. В. Попов</i>	
Возможно ли арабо-израильское урегулирование при жизни нынешнего поколения?	33
<i>Ю. Н. Зинин</i>	
Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты.....	46
Центральная Азия	56
<i>А. А. Казанцев</i>	
Угроза международного терроризма на центральноазиатско-афганском направлении: ключевые факторы	56
<i>Л. Ю. Гусев</i>	
Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах — членах ШОС	66
Исторические ракурсы	71
<i>В. В. Чернявский</i>	
Февральская революция 1917 года и судьба военнопленных	71
<i>В. М. Муханов</i>	
О несостоявшейся итальянской интервенции в Закавказье в 1919 г.	84
<i>М. А. Волхонский</i>	
История Лазаревского института в первой половине XIX в. в контексте политики Российской империи в Закавказье: «Заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере»	91
Научная жизнь.....	103
Работа кавказоведческого семинара во втором полугодии 2016 г.	103

Contents

Constants and Variables of Contemporary International Relations	7
Europe	7
<i>Victor Mizin</i>	
Prospects and Dilemmas of the System of European Security.	7
<i>Lyudmila Sadykova</i>	
The Problem of Muslims' Identity in Western Europe.	19
Middle East.....	24
<i>Tatiana Karasova, Michael Sterenshis</i>	
The Political Regime of Modern Israel	24
<i>Veniamin Popov</i>	
Is Arab-Israeli Settlement Possible During the Lifetime of the Present Generation?.....	33
<i>Yuri Zinin</i>	
Relations of Iran and Arab Countries of Persian Gulf: Some Aspects	46
Central Asia.....	56
<i>Andrey Kazantsev</i>	
The Threat of International Terrorism in the Central Asian and Afghan Directions: Key Factors	56
<i>Leonid Gusev</i>	
The Fight Against Terrorism and Extremism in the Central Asian Countries – Members of the SCO.	66
Looking into the Past	71
<i>Stanislav Chernyavskiy</i>	
The February Revolution of 1917 and the Fate of Prisoners of the First World War.	71
<i>Vadim Mukhanov</i>	
On the Failed Italian Intervention in Transcaucasia in 1919	84
<i>Mikhail Volhonsky</i>	
The History of the Lazarev Institute in the First Half of the XIX Century in the Context of the Policy of the Russian Empire in the Caucasus: «The School, where Eastern Languages Will Be Taught Widely»	91
Academic Life.....	103
Caucasian Workshop: the Activities in the Second Half of 2016	103

Константы и переменные современных международных отношений

ЕВРОПА

В. И. Мизин

Перспективы и дилеммы европейской системы безопасности

Виктор Игоревич Мизин, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра постсоветских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: vmizin@hotmail.com

Хотят ли русские войны?..
Евгений Евтушенко

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты развития взаимоотношений России и НАТО в области евроатлантической безопасности. По мнению автора, присоединение Крыма к России и кризис вокруг Украины ещё больше обострили напряжённость в двусторонних отношениях, которые во многом напоминают сегодня конфронтацию времён «холодной войны». На европейском континенте усиливается военное противостояние. Фактически прерваны контакты между Москвой и Альянсом. В этой ситуации автором предлагается ряд первоначальных шагов, которые смогли бы повысить уровень доверия между сторонами, позволили бы в идеале перейти к содержательному диалогу о будущем европейской архитектуры безопасности.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, выстраивание мер доверия, Европа, НАТО, ОБСЕ, Россия, транспарентность, Запад, США.

Россия в XXI в. остаётся — несмотря на трудности диалога с западными партнёрами и приверженность новомодной концепции «евразийства» державы-острова (континента) — ведущей европейской державой, какой она и была уже с XVII в.

Окончание «холодной войны» и распад «мировой социалистической системы», как казалось многим экспертам и политикам в 1990-х гг. прошлого века, создавали радикально новую парадигму стабильного развития Европы — колыбели мировой цивилизации, культуры и научно-технического прогресса, арены многих войн и революций, ведущей политической силы мира на протяжении столетий. «Какой же путь прошла Европа, чтобы достигнуть этого этапа развития (независимой идентичности — *авт.*), — писал патриарх американской дипломатии и политологии Генри Киссинджер. — Она пустилась в глобальные изыскания, распространила свои подходы и ценности по всему миру. В каждом веке она изменяла свою внутреннюю структуру и изобретала всё новые способы мышления относительно мирового порядка. Сегодня, в кульминационный момент этой эры, Европа, для того чтобы принять участие в ней, посчитала необходимым отбросить политические механизмы, которыми она пользовалась на протяжении трёх с половиной столетий» [4, р. 91].

Между тем затяжной кризис вокруг ситуации на Украине и воссоединение Крыма с Россией не только драматическим образом изменили расклад сил в мировых политических процессах, но и резко ухудшили отношения Москвы с Западом, особенно с рядом ведущих стран НАТО во главе США, осложнили диалог с Европой. Если и нельзя констатировать, что мир стоит на

пороге нового кризиса подобного комплексному системному противостоянию периода «холодной войны», то, по крайней мере, по политико-дипломатической риторике и целому ряду шагов в военной области с обеих сторон положение в Европе остается крайне тревожным.

Администрация Д. Трампа, вопреки первоначальным ожиданиям многих российских экспертов, в принципе нацелена на продолжение курса — пусть и с «прагматическими» нюансами — на тесное взаимодействие с союзниками по НАТО и весьма недвусмысленное противостояние с Россией. В этой связи вряд ли оправдана ранее проявлявшаяся у нас зачастую эйфория в отношении каких-то новых возможностей начала равноправного диалога с США. Он вряд ли будет более продуктивным, (а возможно, в чем-то и более наступательным), чем политика президента Обамы. Это следует из того, что позиции сторон по вопросам Украины и Крыма не меняются, а расхождения в ценностных оценках сохраняются и даже укрепляются. Следовательно, будут сохраняться и взаимные санкции, и жесткая риторика, напоминающая иногда «холодную войну». Об этом, в частности, свидетельствуют и итоги Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г., которые показали, что, несмотря на заявления о готовности диалога с Москвой, большинство натовских стран продолжает считать её источником нестабильности в Европе. Как сказал в своей речи там министр иностранных дел России, которую многие в НАТО расценили чуть ли не как угрозу: «Говорят, что войны начинаются в головах людей. По логике там же и должны заканчиваться. Однако с «холодной войной» этого пока не произошло»¹.

Даже в разгар «холодной войны» на Западе сохранялись иллюзии относительно возможности будущей «трансформации» советского режима, успехов в реализации концепции «конвергенции», а затем, с приходом политики перестройки и гласности, — и о перспективах вхождения России в «общеевропейский дом», в сообщество демократических индустриальных держав с построением единого пространства развития и безопасности от Лиссабона до Владивостока. Сегодня такие настроения в политическом классе ведущих западных стран — большая редкость.

Москву откровенно обвиняют в подрыве основ послевоенного порядка на европейском континенте, в нелегитимных противоправных шагах по слому общепринятых международно-правовых норм, в том, что ей даже нравится подрывать Ялтинский режим и играть на повышение дестабилизации западных акторов. Звучат обвинения также в нелегитимных агрессивных намерениях, угрожающих европейской стабильности, безопасности соседних с Россией стран.

НАТО после 2011–2014 гг. фактически получило «второе дыхание» и новую повестку дня для наращивания пусть пока довольно ограниченного присутствия на востоке континента, как заявляется, для сдерживания «гегемонистских поползновений России»². В НАТО Москву обвиняют в невыполнении Минских соглашений и заявляют, что никогда не признают «аннексию» Крыма и результаты незаконного, проведённого в нарушение Конституции Украины — под дулами автоматов и после разгрома украинских баз и инфраструктуры — референдума на юго-востоке. По словам министра иностранных дел и избранного президента Германии Ф.-В. Штайнмайера, во многом повторяющим известные заявления канцлера А. Меркель, «российская аннексия Крыма нарушила международное право и поставила под вопрос сами основы архитектуры безопасности в Европе. Более того, драматически изменилась, как продемонстрировала ситуация на Украине, природа конфликта. Всё большую роль начинают играть так называемые «гибридные войны» и негосударственные игроки»³.

Множится поток взаимных обвинений в недобросовестности, «демонизации» друг друга и недружественной направленности политики, в реализации стратегии и практики «гибридной войны»⁴.

В то же время для западных стран характерна и определённая двойственность в подходах к «российскому вопросу», когда введение всё новых санкций сочетается с признанием необходимости диалога с российским руководством, расширения контактов с российскими властями

¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе 53-й Конференции по вопросам безопасности. — Мюнхен, 18 февраля 2017 г.

² Kaim M. Reforming NATO's Partnerships // SWP Research Paper. Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs. — Berlin, 2017. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2017 RP01_kim.pdf

³ Reviving arms control in Europe. Article by Foreign Minister Frank-Walter Steinmeier in «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Цит. по: URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Interview/2016/160826_BM_Arms%20Control.html

⁴ Thomson Adam, Sir. Europe's Security: Winter is Coming, European Leadership Network, URL: http://www.europeanleadership-network.org/europes-security-winter-is-coming_4273.html

и гражданским сообществом. В такой ситуации ждать скорой отмены санкции было бы вряд ли реалистично. Что же мешает выправлению ситуации?

Можно согласиться со многими экспертами, которые считают, что двусторонние отношения с Западом стали осложняться у нас задолго до украинских событий. Свой вклад в отказ от эйфории относительно будущего «сердечного согласия» в начале 1990-х гг. после распада СССР и социалистической системы внесли и антитеррористическая война на Северном Кавказе, и неприятие российским политическим классом и обществом в целом действий НАТО на Балканах (которые на Западе виделись как защита от сербского геноцида и обеспечение демократического развития) в середине того десятилетия, и действия США на Ближнем Востоке, особенно в Ираке. Свой весомый вклад внесла и известная внутренняя трансформация российского общества и недореформированных элит с середины 1990-х гг., принятие, пусть и неформальное, идеологии «величия суверенной державы», а зачастую, как считали западные партнёры, и отказ от многих всемирно признанных демократических ценностей, нежелание стать «нормальной страной» (по названию нашедшей статьи Андрея Шляйфера и Дэниела Трейзмана в «Foreign Affairs» в 2004 г.) [8] — во имя пресловутых идеологических «скреп» и якобы традиционных, исторически присущих и не созвучных западным ценностям особенностей развития Святой Руси.

Видимо, сказался, как считают многие западные «кремленологи», ограниченный, неадекватный и половинчатый характер реформ в России, отсутствие после развала советской системы таких типичных для демократического транзита стран Восточной Европы мер, как тотальная декоммунизация и десоветизация, запрет на профессии и люстрация высших официальных лиц компартии, советских органов управления и старших офицеров силовых ведомств. В целом в России с середины 1990-х гг. как реакция большей части общества на фактический провал мало продуманных реформ и резкое падение уровня жизни, на невозможность и неумение вписаться в новые реалии рыночной экономической инфраструктуры стало преобладать торжество пресловутой «левой идеи» и ностальгии по былому величию и жизни в СССР.

Трудно отрицать сегодня, что нынешнюю российскую и западные элиты разделяют диаметрально противоположные взгляды на существо демократии и государственного устройства, на принципы функционирования государственной системы и разделения властей, парламентского контроля над органами исполнительной ветви власти, военным строительством и силовыми структурами, бюджетом и внешней политикой, равно как и на ответственность власти перед законом и независимость судопроизводства.

Это приводит к заметно разнящимся подходам к большинству международных проблем и вообще характеру мировых процессов.

Нормой российской политической жизни, комментариев официальных лиц, экспертов и СМИ стали обвинения НАТО и США в попытках военного давления на Россию, ущемления её законных интересов и выдавливания из мировой политики, неприятии укрепления внешнеполитических позиций страны и её внутренней стабильности, желании поддержки несистемной деструктивной оппозиции и переноса «оранжевых» революций через украинский кризис на российскую территорию.

Страны «большой семёрки» вновь и вновь осуждают «аннексию Крыма» и предупреждают Россию о возможном ужесточении санкций в случае, если «её действия потребуют этого». Для Евросоюза Россия сегодня уже в основном не стратегический партнёр, а стратегическая угроза⁵. Множатся заявления западных военных и политиков о том, что Москва уже не партнёр в процессах контроля над вооружениями, но главная проблема поддержания безопасности Запада⁶. В качестве условий для возобновления диалога выдвигаются требования о строгом соблюдении Москвой и под её давлением её сателлитами Минских договоренностей 2015 г.; уважении территориальной целостности Украины, включая Крым; полном выводе российских войск, волонтеров и вооружений с Украины; прекращении поддержки и помощи сепаратистам в украинском Донбассе и прекращении в целом дестабилизирующей военной активности⁷. Из этого

⁵ Gotev G. EU to label Russia a 'strategic challenge'. URL: http://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-to-label-russia-a-strategic-challenge/?nl_ref=13913636

⁶ Trevithick J. Get Ready, Russia: America Just Placed Lethal M-1 Abrams Tanks Close By. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/get-ready-russia-america-just-placed-lethal-m-1-abrams-tanks-16143>.

⁷ Резолюция Европарламента P8_TA(2015)0225 «State of EU-Russia relations». European Parliament resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations (2015/2001(INI)) <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2015-0225+0+DOC+XML+V0//EN>

перечня ясно, что кризис в отношениях будет иметь затяжной характер, так как на эти уступки Западу Кремль никогда не пойдёт, и возможно лишь снижение его остроты в будущем.

Ещё одна тема — наращивание вооружённых сил, создание новых баз и складов техники и вооружений НАТО в Европе в последние месяцы⁸. Вместо попыток поиска подходов к новой разрядке в Европе наблюдается резкое наращивание военной активности. Явно возросла интенсивность внезапных военных учений и манёвров как на Востоке, так и на Западе.

Развитие событий на Украине стимулировало и оправдало новый виток в наращивании военной активности НАТО, усилении военного потенциала блока у границ России. При этом российские заверения в отсутствии экспансионистских планов уже не вызывали доверия⁹. Многие в Европе понимают, что Россия не собирается нападать на страны НАТО, что было бы сопряжено для неё с огромными издержками и грозило бы ядерным конфликтом, хотя и не исключают теоретической вероятности того, что Москва рискнёт «проверить» натовские взаимные обязательства в отношении защиты Польши или государств Балтии на прочность — ниже порога военной конфронтации включая ст. 5 Вашингтонского договора¹⁰. Москва якобы постоянно посылает сигналы о готовности к масштабной эскалации¹¹. Однако российские вооружённые силы продолжают усиливаться для противостояния НАТО в регионе. Новые дивизии и армии размещаются в районе Ростова-на-Дону, Воронеж и Смоленска, на границе с Украиной в Клинцах. В тревожной обстановке в конце 2015 г. было принято решение о развертывании на западных рубежах России трёх общевойсковых дивизий: в Ельне (144-я мотострелковая дивизия, Смоленская область), Богучаре (10-я танковая дивизия, Воронежская область) и Новочеркасске (150-я мотострелковая дивизия, Ростовская область). Дополнительное укрепление наблюдается в Центральном военном округе (сформирована танковая дивизия в Чебаркуле, в Туве развернута 55-я горная бригада)¹².

НАТО обвиняет Москву в нарушении положений Основопологающего акта 1997 г. и готовится пересмотреть стратегию сдерживания Альянса, чтобы предотвратить возможные вызовы со стороны России по «крымскому сценарию»¹³.

В ответ Германия в развитие идеи «интегрированной обороны» и трансатлантического партнёрства, заложенной в Лиссабонском договоре 2007 г. о функционировании расширенного Евросоюза, пыталась продвигать в июне 2016 г. в ЕС проект создания общеевропейской армии как инструмента отстаивания интересов Европы. Однако эта идея поддержки не нашла. В то же время Берлин и Париж заявили, что выход Великобритании из Евросоюза не ослабит усилия по наращиванию его военного потенциала перед лицом новых угроз¹⁴. Такое объединение национальных вооружённых сил, стремление к координации военного сотрудничества на постоянной основе в рамках общих структур и проведение внешней политики, курс на унификацию вооружения и военной техники, совместное производство вооружений, линия на разработку общих подходов к обеспечению кибербезопасности служат единственной цели — защите от пресловутой «агрессии России». «Это было бы сигналом для России, что мы серьёзно относимся к защите европейских ценностей», — сказал Ж.-К. Юнкер в интервью газете «Die Welt»¹⁵.

На саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. в развитие и дополнение к решениям Уэльско-

⁸ Russia: A Test for Transatlantic Unity. Ninth annual report from the Transatlantic Academy, a [Washington-based partnership of the German Marshall Fund of the United States, the ZEIT-Stiftung Ebelin und Gerd Bucerius, the Robert Bosch Stiftung, the Lynde and Harry Bradley Foundation, and the Fritz Thyssen Stiftung, Washington D.C. URL: <http://www.gmfus.org/publications/russia-test-transatlantic-unity>

⁹ Orzechowski P. Plant die NATO Krieg gegen Russland? Die Anzeichen mehren sich // Kopp Online. 2016. May 20. URL: <http://info.kopp-verlag.de/hintergruende/europa/peter-orzechowski/plant-die-nato-krieg-gegen-russland-die-anzeichen-mehren-sich.html>.

¹⁰ Gaddy C., O'Hanlon M. Toward a 'Reaganov' Russia: Russian Security Policy after Putin // The Washington Quart. 2015. 38 (2). P. 205–221.

¹¹ Russia stocks up nuclear weapons in Crimea // Ukraine Today. 2016. May 19. URL: <http://uatoday.tv/politics/russia-stocks-up-nuclear-weapons-in-crimea-664024.html>.

¹² Новые дивизии российских ВС появятся в Ельне, Воронеже и Ростове-на-Дону // Интерфакс. 2016. 4 мая. URL: <http://www.interfax.ru/russia/506841>

¹³ Россия-2030: Державные мечты и маленькие победоносные войны: политологи Фредрик Весслау и Эндрю Уилсон с прогнозом внешней политики Кремля // Ведомости. 2016. 30 мая. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/30/642873-derzhavnie-mechti>

¹⁴ Von der Leyen: Brexit ebnet Weg für EU-Kooperation bei Verteidigung und Rüstung // EurActiv. 2016. 13 Juli. URL: http://www.euractiv.de/section/eu-innenpolitik/news/von-der-leyen-brexit-ebnet-weg-fuer-eu-kooperation-bei-verteidigung-und-ruestung/?nl_ref=16943049

¹⁵ Juncker will EU-Armee Experten von SPD und CDU fordern zügige Umsetzung // Die Welt. 2015. 8 März. URL: <http://www.welt.de/print/wams/article138170362/Juncker-will-EU-Armee.html>

го саммита в сентябре 2014 г. были приняты документы о коллективной обороне и присутствии войск в странах восточного фланга НАТО на «ротационной основе», что ещё больше обостряет напряжённость в сфере безопасности в регионе. По существу, под давлением стран Балтии и Польши, пусть и на уровне риторики, было заявлено о создании «единого фронта» для отпора политике и военной активности России в Европе. При этом, что примечательно, никаких действительно существенных новаций в плане военного строительства согласовано не было. В Варшаве была сделана заявка на принятие далеко идущих решений, направленных на обоснование жизнеспособности Альянса, адаптацию ключевых подходов, закрепление курса на конфронтацию, «сдерживание» России¹⁶. Сегодня эти планы уже реализуются по границам России. Нам надо быть к этому морально готовыми. Хотя все эти силы с учётом наших ресурсов по другую сторону границы и не представляют реальной опасности, но они явно свидетельствуют о векторах стратегического мышления НАТО и не могут не учитываться в нашем военном планировании.

НАТО заявляет о необходимости новой редакции, уточнения Стратегической концепции НАТО в новых условиях безопасности и необходимости директив по дальнейшей адаптации вооружённых сил Альянса, об укреплении потенциала ядерного сдерживания. В подходе к отношениям с Москвой страны НАТО в принципе едины — они выступают за активное противодействие якобы существующим планам России по дестабилизации Европы и внесению раскола в евроатлантическую солидарность, критикуют Москву за неоправданное с их точки зрения массированное перевооружение и модернизацию вооружённых сил, что якобы свидетельствует о далеко идущих планах оказания давления на НАТО и попытках обретения военного превосходства над ней (неслучаен в этом свете недавний доклад RAND Corporation с утверждением, что Россия в случае войны разобьёт силы НАТО в Прибалтике за 60 часов)¹⁷, стремление разместить новые военные базы и ракетные комплексы «Искандер» в Белоруссии и Калининградской области России. Особенно возмущает НАТО тот факт, что Россия создала с помощью новейших ракетных комплексов С-400 несколько «запретных для полётов зон» (anti-access/area denial zones), которые частично охватывают территории и акватории стран НАТО и якобы создают им угрозу. Многоуровневые системы ПВО созданы над Крымом, Калининградской областью, Камчаткой и Сирией¹⁸.

Лидеры стран — членов НАТО по итогам саммита в Варшаве тем не менее заявили, что готовы к «конструктивным отношениям» с Россией, когда будет к этому готова Москва. Все это происходит в рамках своего рода натовской «шизофрении» — курс на продолжение санкций с одновременным выражением готовности к диалогу с Россией. Пока же сам Альянс готовится к отражению возможного наступления российских «вежливых людей» в Прибалтике и Польше, где уже решено разместить батальонные группы натовских войск. Военные силы Альянса, как заявлялось, могут быть использованы для отражения угрозы «гибридной войны» в этих государствах. По мнению представителей НАТО, «гибридная атака» может произойти, например, под предлогом защиты русскоязычного населения в Прибалтике — если оно вдруг задумает восстать против местных властей по «крымскому сценарию».

Опасность сегодня заключается в том, что просчёты и непредвиденная эскалация конфликтности могут быстро перерасти в серьёзное военное противостояние. К сожалению, множатся и крайне опасные инциденты с военными кораблями и самолётами в зоне соприкосновения у границ России и стран НАТО, в частности в зонах Балтийского и Чёрного морей. Только в 2015 г. самолёты НАТО 400 раз перехватывали российские самолёты¹⁹. Примером того, к чему могут привести такие «проверки нервов на прочность» могут служить трагедия с российским бомбардировщиком Су-24, провокационно сбитого Турцией, и многочисленные взаимные облёты самолётов и конфронтация военных кораблей России и НАТО на Балтике и Тихом океане. Эта тема — предотвращение опасной военной деятельности и введение системы во избежание провокационных инцидентов — явно должна стать сегодня приоритетной в переговорах с натовскими структурами — но прежде всего с США.

¹⁶ Аксенов П. Четыре батальона против миллиона: как НАТО собирается сдерживать Россию // Би-би-си. Русская служба. 2016. 1 июня. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160601_poland_nato_battalion

¹⁷ Shlapak D. A., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank: Wargaming the Defense of the Baltics? URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1253.html

¹⁸ Rogoway T. Russia's Buildup of S-400 Missile Batteries In Kaliningrad Is Freaking Out NATO // Foxtrot Alpha Blog. 2016. Jan. 14. URL: <http://foxtrotalpha.jalopnik.com/russias-buildup-of-s-400-missile-batteries-in-kaliningrad-1752792417>

¹⁹ Kulesa L., Frea Th., Rainova D. Managing Hazardous Incidents in the Euro-Atlantic Area: A New Plan of Action, European Leadership Network, 2 November 2016, p. 8. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/managing-hazardous-incidents-in-the-euro-atlantic-area-a-new-plan-of-action_4211.html

Крайне беспокоящими являются тенденции идеологически трактовать отношения с Россией в духе «холодной войны» — с потоком бездоказательных обвинений. Выражением таких подходов стали доклады ведущих западных исследовательских центров (RAND Corporation, Атлантического совета, Королевского института международных отношений — Chatham House), в которых рассматриваются сценарии военных конфликтов в Европе в результате агрессии России по «крымскому сценарию» против Польши или стран Балтии²⁰. Бывший заместитель верховного главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе генерал Р. Ширрефф в своей нашедшей книгу «2017: Война с Россией: Экстренное предупреждение от высшего военного командования» [7] призвал Запад срочно готовиться к отражению российской агрессии, которая «уже неизбежна»²¹.

Расширение НАТО на восток уже названо в таких российских официальных документах как новая редакция «Военной доктрины Российской Федерации» и «Концепция национальной безопасности», «угрозой безопасности России». Из Москвы звучат в адрес США обвинения в поддержке киевского руководства, пришедшего к власти — как официально заявляется — в результате «государственного переворота» и осуществляющего «политику геноцида» собственного народа в ряде районов украинского Донбасса, а также якобы в тайном стремлении Вашингтона использовать незатухающий конфликт для оказания давления на Россию. Критиковала Москва и намерения администрации Обамы увеличить в четыре раза ассигнования на вооружённые силы и их подготовку в Европе — до 3,4 млрд долл., её давление на союзников по НАТО в Европе в пользу увеличения их военных расходов.

К сожалению, такое беспокоящее развитие событий происходит на фоне практически полного отсутствия прогресса в процессах контроля над вооружениями в регионе, да и общего глубокого кризиса процесса контроля над вооружениями, практически обозначившегося сломом всей системы европейской безопасности²². Фактически похоронен Договор об ограничении обычных сил и вооружений в Европе. Недостаточно эффективно проявляет себя в вопросах безопасности ОБСЕ, остающаяся здесь единственным форумом по проблемам безопасности. Заморожен диалог по вопросам европейской системы ПРО. Не видно перспектив диалога по вопросам «достратегических» ядерных вооружений на континенте. И лишь Венский документ и Договор по открытому небу продолжают функционировать, хотя и с их имплементацией появились проблемы.

События на Украине и вокруг неё поставили вопрос и о действенности Хельсинкского процесса, значении таких документов, как Будапештский меморандум. В этой связи Минский процесс видится в НАТО как единственный путь стабилизации ситуации на континенте. Но и здесь стороны говорят как бы «мимо друг друга», умножая взаимные обвинения в несоблюдении его положений.

В этой ситуации, как полагает большинство европейских экспертов, *требуется разработать новую систему конкретных шагов по стабилизации обстановки в европейском и евроатлантическом регионах*, переходу от нарастающей сейчас конфронтации через меры доверия и транспарентности — к постепенному возобновлению диалога по тематике контроля над вооружениями и снижения военной опасности.

Россия, как известно, подтвердила свою принципиальную приверженность соблюдению режима Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, не намерена возвращаться к производству ракет средней и меньшей дальности, не намерена «ломать» Договор (хотя ряд его положений и требует технических уточнений) в связи с появлением новых видов вооружений. Действия США, в том числе в контексте развертывания глобальной системы ПРО, по мнению Москвы, прямо нарушают Договор. Москва не отказывается от сформулированной в совместном заявлении России и США на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и на Конференции по разоружению, а также в Сочинской декларации президентов России и США о стратегических рамках российско-американских отношений от 6 апреля 2008 г. идеи «сохранения и укрепления РСМД и его универсализации, распространения запрета на РСМД на все ядерные державы» — хотя такие шаги частично или полностью «обнулили» бы ракетные потенциалы Китая

²⁰ Monaghan A. A “New Cold War”? Abusing history, Misunderstanding Russia // Chatham House. — London, May 22, 2015. URL: <http://www.chathamhouse.org/publication/new-cold-war-abusing-history-misunderstanding-russia>

²¹ Whitworth D. Make no mistake: if Russia marches into the Baltics, it means nuclear war // The Times. May 21 2016. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/make-no-mistake-if-russia-marches-into-the-baltics-it-means-nuclear-war-8qkqw5djz>

²² Arbatov A. An Unnoticed Crisis: The End of History for Nuclear Arms Control? — Moscow: Carnegie Moscow Center, June 2015. URL: http://carnegieendowment.org/files/CMC_Brief_CP_Arbatov_2015_n_Eng.pdf

и многих азиатских стран (Индии, Пакистана, Израиля, Ирана, Саудовской Аравии, КНДР и некоторых других).

Как известно, США в 2014 г. обвинили Россию в нарушении Договора РСМД, хотя до сих пор не могут пояснить: об испытаниях какой ракеты, якобы нарушающей его, идёт речь. Сначала заявлялось, что это была крылатая ракета Р-500 для системы «Искандер», теперь намекают, что речь идёт о крылатой ракете семейства «Калибр» (хотя она имеет дальность до 2 600 км при старте с авиационных платформ и с моря, теоретически её можно запускать и с наземных носителей, что запрещено Договором РСМД)²³.

Ответ Россия выдвинула свои претензии²⁴. Во-первых, речь идёт об испытании систем ПРО по ракетам-мишеням с характеристиками, аналогичными ракетам средней и меньшей дальности, а также об ударных боевых беспилотниках, которые, по мнению российских экспертов, подпадают под определение крылатых ракет средней дальности наземного базирования по Договору РСМД (MQ-9 Reaper, Avenger). Главную озабоченность с российской стороны вызывают наземные системы ПРО США Aegis Ashor (в частности, размещённые в 2016 г. в Румынии, а в будущем — и в Польше), использующие такие же многофункциональные пусковые установки, как и морская Mk-41VLS, которая может запускать крылатую ракету «Томагавк». США утверждают, что у этих наземных «Иджисов» есть наблюдаемо различные функционально присущие признаки и что их пусковые установки не могут запускать крылатые ракеты, хотя и отказываются конкретизировать эти заявления. Российские представители парируют, что такие туманные рассуждения их не могут удовлетворить, и заявляют, что рассматривают эти противоракетные системы как ударные наземные средства средней дальности (что и подтвердил В. В. Путин в ходе визита в Грецию в мае 2016 г.). Консультации сторон к разрешению противоречий не привели.

Однако представляется, что и здесь возможен компромисс. Вполне реально согласование новых меморандумов о взаимопонимании или согласованных определений (по аналогии с Договором по ПРО), которые описывали бы характеристики вновь появившихся технологий систем вооружения и позволяли отличать их от систем средней и меньшей дальности наземного базирования²⁵. Речь, в частности, могла бы идти о согласовании параметров испытаний ракет-мишеней (этот вопрос впервые поднимался десять лет назад), разработке новых определений для ударных беспилотников и принятии мер контроля и проверки для их дифференциации от запрещённых крылатых ракет наземного базирования. Кроме того, можно было бы договориться о мерах транспарентности в отношении размещённых на объектах ПРО США в Польше и Румынии многофункциональных вертикальных пусковых установок SM-Ib и SM-IIA — с согласованием функционально обусловленных наблюдаемых отличий²⁶. В свою очередь Москва могла бы прояснить вопрос о вызывающих озабоченность испытаниях своей новой крылатой ракеты.

Полезной площадкой для углублённой проработки вопроса — с тем, чтобы закрыть имеющиеся в связи с Договором РСМД правовые лакуны, — могла бы стать образованная в ходе возобновления российско-американских консультаций Группа технических экспертов, которая могла бы сформулировать соответствующие конкретные рекомендации с параметрами и техническими характеристиками для их разрешения. Такие шаги, безусловно, были бы весьма позитивно встречены в Европе и способствовали бы укреплению региональной безопасности. В то же время отсутствие новых договорённостей — даже при заявлениях сторон о готовности соблюдать Договор РСМД — серьёзно осложняет перспективы продвижения в вопросах контроля над вооружениями в двустороннем формате и европейском контексте.

В области *достратегических ядерных вооружений* пока наблюдается традиционно тупиковая ситуация. Россия не намерена раскрывать места хранения своего ядерного оружия и предоставлять информацию о его количестве, считая тему российского «тактического» ядерного ору-

²³ 2016 Report on Adherence to and Compliance With Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments / U.S. Department of State. — Washington D.C., Apr. 11 2016. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/2016/255651.htm>

²⁴ Комментарий Департамента информации и печати МИД России по Докладу Госдепартамента США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. 2016.15 апреля.

²⁵ Meier O. Die Krise des INF-Vertrages Das Risiko eines nuklearen Wettrüstens in Europa wächst, Stiftung Wissenschaft und Politik. — Berlin, 2015. URL: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2015A11_mro.pdf; Thielmann G. Moving Beyond INF Treaty Compliance Issues // Arms Control Now Blog. — Washington D.C., Sept. 5 2014. URL: <https://armscontrolnow.org/2014/09/05/moving-beyond-inf-treaty-compliance-issues>

²⁶ Дуря М. Кто боится базы противоракетной обороны в Редзиково? URL: <http://inosmi.ru/military/20160517/236545109.html>

жия «надуманной» и «довольно искусственно» нагнетаемой²⁷. Более того, Россия заявляет, что США модернизируют свой ядерный потенциал в Европе «с неясными целями» за счёт авиабомб B61-12, нарушая при этом Договор о нераспространении ядерного оружия путём размещения тактического ядерного оружия в Европе на территории пяти стран НАТО. В нарушение ДНЯО, по мнению Москвы, в ходе «совместных ядерных миссий» НАТО пилоты из неядерных стран — членов Альянса обучаются применению ядерных вооружений.

Ни Россия, ни США не готовы отойти от ранее заявленных позиций, несмотря на обязательство администрации Обамы по резолюции Конгресса начать с Москвой переговоры по этому вопросу и заинтересованность ключевых европейских стран. В 2010 г. Польша и Швеция предложили России в одностороннем порядке создать две безъядерные зоны в Калининградской области и на Кольском полуострове, то есть в районах базирования Балтийского и Северного флотов и предполагаемого развертывания российского тактического ядерного оружия (ТЯО). В феврале 2011 г. президент Обама в письме ряду ключевых сенаторов заявил о «начале в ближайшее время переговоров с Россией об устранении дисбаланса между тактическими ядерными вооружениями России и США и сокращении числа тактических ядерных боеголовок способом, поддающимся проверке».

На сегодня, несмотря на отсутствие переговорного процесса, имеется целый ряд интересных наработок экспертов и неправительственных организаций, создающих субстантивную интеллектуальную основу для будущего переговорного процесса, в котором заинтересованы все страны Европы²⁸. В частности, предлагается набор таких мер, как сравнение доктрин применения ТЯО и угроз в регионе, которые им надо парировать, обмен данными о наличии запасов и географии размещения баз хранения ТЯО, его типах и носителях; перевод таких средств в резерв из оперативного развертывания и обязательство об отказе от их «реактивации», сведения о выполнении односторонних президентских инициатив 1991 г. о сокращении ТЯО. В дальнейшем возможны посещения мест хранения и предоставление свидетельств о действительной ликвидации ТЯО, визиты для наблюдения за обучением личного состава, созыв специальной консультативной группы для налаживания диалога между Россией и НАТО, а также использование площадки Совета Россия-НАТО, начало «консультаций о консультациях» по этой теме.

Однако все эти меры представляются делом неблизкого будущего, когда будут в той или иной мере сняты нынешние острые разногласия между Россией и НАТО относительно ситуации с региональной безопасностью в Европе, восстановлены доверие и конструктивный диалог по проблематике безопасности. Таким образом, «второй трек» — разработка подходов и сценариев решения проблемы достратегического ядерного оружия в Европе — остаётся пока уделом неправительственных экспертов.

В области *многостороннего разоружения* страны Европы практически полностью разделяют российские подходы, выступают в поддержку ключевых многосторонних режимов, созданных в частности ДНЯО, Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении; Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и ДВЗЯИ, а также благодаря деятельности ООН, её разоруженческих органов и Конференции по разоружению в Женеве²⁹. Это официальная политика ЕС, что было неоднократно подтверждено нынешней главой европейской дипломатии Ф. Могерини. На конференции ЕС по проблемам нераспространения и разоружения в 2015 г. в Брюсселе Могерини приветствовала заключение соглашения с Ираном по его ядерной программе (в выработке ко-

²⁷ Россия не будет раскрывать информацию о местах хранения и количестве тактического ядерного оружия // Ведомости. 2014. 2 февраля. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2014/02/02/rossiya-ne-budet-raskryvat-informaciyu-o-mestah-hraneniya-i>; Ульянов М. «При нынешней администрации США модернизация ядерного оружия приобрела беспрецедентный размах»: Директор департамента МИД РФ о позиции Москвы по проекту бюджета Пентагона // Коммерсантъ. 2016. 11 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2933981>

²⁸ *Arbatov A.* A Russian Perspective on the Challenges of US, NATO and Russian Non-Strategic Weapons // *Reducing Nuclear Risks in Europe: A Framework for Action* / S. Andreassen, I. Williams (eds.). — Washington D.C., 2011; *Diakov A., Myasnikoiv E., Kadyshchev T.* Nuclear reductions after New START: Obstacles and Opportunities // *Arms Control Today*. 2011. № 41. P. 15–22; *Dvorkin V.* The Role of Russian tactical nuclear weapons and the problems of their control: Working paper for Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence-building on Non-Strategic Nuclear weapons in Europe, Warsaw, 7–8 February 2013; *Addressing Nonstrategic Nuclear Forces* / CEIP; Euro-Atlantic Security Initiative // URL: http://carnegieendowment.org/WGP_AddressNSNW_FINAL.pdf; *Zagorski A.* Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control / IFSH. Hamburg, 2011. URL: <http://ifsh.de/pdf/publikationen/hb/hb156.pdf>

²⁹ EU strategy against proliferation of weapons of mass destruction / Conseil UE. Brussels, 10 Dec. 2003. URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2015708%202003%20INIT>

торого приняли активное участие Великобритания, Германия и Франция как члены «шестёрки»), выразив надежду, что этот успех послужит стимулом и для скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний³⁰.

При этом и в многостороннем разоружении, и в решении проблем нераспространения (за исключением активизировавшейся в последнее время Германии) европейские страны склонны как бы самоустраняться, предпочитая наблюдать за развитием взаимоотношений России и США. Вместе с тем данная тематика представляется весьма плодотворной для расширения российского диалога с ЕС в ближайшее время, в частности с европейскими членами «большой пятёрки», которая стала ещё одним форумом по проблемам нераспространения и контроля над вооружениями в условиях стагнации Конференции по разоружению и паузы в двустороннем диалоге Россия — США.

В деле *сокращения обычных вооружений в Европе* требуется найти радикально новые подходы после фактического прекращения действия ДОВСЕ и в условиях резкого нарастания военной активности в регионе, возрождения планов создания «европейской армии» и российских озабоченностей по поводу окружения страны новыми базами НАТО. Если ранее, в начале 1990-х гг., в политике НАТО ясно прослеживалась линия на сокращение военного потенциала, были проведены серьёзные, более чем на 80 %, сокращения американского присутствия в Европе, то сегодня этот процесс после событий на Украине повернут вспять, и Альянс начал масштабное перевооружение. Москва полностью приостановила участие в адаптированном Договоре об обычных вооружённых силах и вооружениях в Европе, который почти на протяжении двадцати пяти лет был одной из несущих опор конструкции европейской безопасности. Со своей стороны, участвующие в ДОВСЕ члены НАТО заявили о прекращении соблюдения обязательств по Договору в отношении России, продолжая при этом выполнять его в отношении всех других государств-участников³¹.

Негибкий подход НАТО к переговорам в течение предыдущего десятилетия и попытки добиться вывода небольших российских контингентов из Гудауты (Грузия) и Колбасной (Приднестровье) со ссылкой на решения Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 г. практически разрушили структуру транспарентности и предсказуемости в военной области от Атлантики до Урала³². Используя площадку ОБСЕ, можно было бы запустить новый процесс с участием 36 сторон (30 государств — участников ДОВСЕ и 6 государств — членов Альянса, не являющихся его участниками). Эта работа могла бы вестись в рамках специальных целевых групп. Однако запуск такого процесса явно препятствует неурегулированность украинского кризиса.

Так есть ли перспективы у европейской архитектуры безопасности?

Очевидно, что крупные разоруженческие меры — задача на среднесрочную перспективу, и реализуемы они лишь при нормализации отношений Москвы и НАТО. Вместе с тем уже в ближайшее время можно было бы переходить к обсуждению перспектив *европейской архитектуры безопасности*. На нынешнем этапе речь могла бы идти о согласовании ряда мер по укреплению доверия и транспарентности, которые реализовывались бы шаг за шагом, стабилизируя ситуацию на континенте в области военной безопасности [5]. *Такие шаги тем более возможны, что в последнее время на фоне определенной «усталости» от конфронтационной напряжённости с Москвой за последние несколько лет на Западе, прежде всего в ЕС, наблюдаются сигналы в пользу «перезапуска» процессов контроля над вооружениями, сфокусированного главным образом на проблемах обеспечения стабильности и безопасности в Европе*³³.

Идеологической основой такого поворота в политике Запада служат идеи так называемого плана Армеля — о сочетании линии на «сдерживание» России с курсом на переговоры с ней [3]. Всё это говорит о том, что уже в ближайшее время нам с НАТО можно было бы переходить и к обсуждению широких перспектив будущего европейской архитектуры безопасности — **первоначально не ставя перед собой слишком масштабные и заведомо невыполнимые задачи**.

³⁰ EU Non Proliferation and Disarmament Conference 2015. URL : <https://www.iiss.org/en/events/eu-s-conference>

³¹ Kühn U. From Capitol Hill to Istanbul: The origins of the current CFE deadlock: Working Paper 19 / Centre for OSCE Research. Hamburg, Dec. 2009. URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/110521/CORE%20Working%20Paper%2019%20\(Kuehn\).pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/110521/CORE%20Working%20Paper%2019%20(Kuehn).pdf)

³² Франсуа И. Контроль над обычными вооружениями в Европе — атлантическая перспектива / Российский совет по международным отношениям. 4 июля 2013 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2057&active_id_11=51#top-content

³³ Korzun P. Germany Calls for New Arms Control Deal with Russia European security is under threat/ Strategic Culture Foundation Online Journal. 31.08.2016. URL: <http://www.strategic-culture.org/news/2016/08/31/germany-calls-new-arms-control-deal-with-russia.html>

Речь могла бы идти о **согласовании ряда мер по укреплению доверия и транспарентности**, которые, реализуясь шаг за шагом, стабилизировали бы ситуацию на континенте в области военной безопасности, подготавливая тем самым основу для будущих, более далеко идущих шагов (ср. [6]).

Важная роль в разработке таких механизмов и их реализации принадлежала бы ОБСЕ и её нынешнему председателю — Германии [1; 2].

В конкретном плане можно было бы договориться о следующих первоначальных шагах:

- Дальнейшая активизация работы Совета Россия — НАТО после апрельской 2016 г. встречи с параллельным изучением перспектив создания новых механизмов сотрудничества и консультаций. Несмотря на неудачу первоначального обмена мнениями о синхронизации транспондеров военных самолётов эту работу необходимо продолжать. Следует продумать возможность обновления Основополагающего акта Россия — НАТО 1997 г. Очевидна необходимость дать определение «существенных боевых сил» в контексте обязательств, которые НАТО и России взяли на себя по этому документу для ограничения возможного развертывания дополнительных сил вблизи их границ (по мнению Москвы, нынешнее развертывание сил НАТО уже превосходит предложенный Россией в 2008 г. потолок в 5 тыс. человек, то есть равный бригаде полного состава).
- С учётом участвовавших инцидентов в связи с пролетами авиации России и НАТО у границ друг друга³⁴ полезным инструментом стабилизации стала бы разработка соглашения о предотвращении возможных и крайне опасных инцидентов вблизи границ Альянса и России на основе ранее заключённых советско-американских соглашений, таких как документы о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 г. и о предотвращении опасной военной деятельности (вместе с процедурами установления и поддержания связи и процедурами урегулирования инцидентов, связанных с вхождением в пределы государственной территории) от 12 июня 1989 г. Подобные предложения со стороны российского Минобороны в НАТО уже направлены.
- Можно обсудить создание механизмов для предотвращения опасных инцидентов, грозящих перерастанием в ядерные конфликты в Европе, по аналогии с советско-американскими соглашениями от 1971 г. о предотвращении риска ядерной войны и от 1989 г. о создании национальных центров по уменьшению ядерной опасности. Европейский центр при этом был бы напрямую связан с Генеральным штабом Вооружённых сил России и Комитетом начальников штабов США³⁵.
- Наиболее перспективным, если не единственным органом для обсуждения проблематики европейской безопасности, включая контроль над вооружениями, меры укрепления доверия и транспарентности, развитие норм и принципов права, проблему предотвращения «гибридных войн», эффективной «заморозке» конфликта в украинском Донбассе, остаётся ОБСЕ (и её Форум по сотрудничеству в области безопасности). Эта организация осуществляет мониторинг целого ряда мер по укреплению доверия, в том числе и на востоке Украины в конфликтных районах Донбасса, а также реализует Венский документ и Договор по открытому небу³⁶.
- Настоятельно требуется дальнейшая модернизация Венского документа с учётом сегодняшних реалий.
- В дальнейшем речь могла бы идти и о запуске процесса «Хельсинки 2.0» для творческого решения задач стабилизации системы безопасности в Евроатлантике.

³⁴ Avoiding War in Europe: how to reduce the risk of a military encounter between Russia and NATO // Task Force on Cooperation in Greater Europe; European Leadership Network (ELN); Russian Intern. Affairs Council (RIAC); Polish Inst. of Intern. Affairs (PISM); Intern. Strategic Research Organisation in Ankara (USAK). — Warsaw, July 2015. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20239

³⁵ Kulesa L., Frea Th., Rainova D. Managing Hazardous Incidents in the Euro-Atlantic Area: A New Plan of Action, European Leadership Network, 2 November 2016. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/managing-hazardous-incidents-in-the-euro-atlantic-area-a-new-plan-of-action_4211.html

³⁶ Zagorski A. Strengthening the OSCE, Building a Common Space for Economic and Humanitarian Cooperation, an Indivisible Security Community from the Atlantic to the Pacific: Russian International Affairs Council Report № 16/2014. — Moscow, 2014. P. 24. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Report16en-OSCE.pdf>

Последующие шаги:

- Расширение контактов и линий коммуникаций между военными России и НАТО для усиления предсказуемости и взаимного доверия, исключения опасных инцидентов, взаимного информирования о деятельности друг друга, например о крупных перемещениях войск и складировании больших объёмов техники и вооружений вблизи границ друг друга. В перспективе речь могла бы идти о совместных информационных центрах по транспарентности военной деятельности в регионе, взаимном посещении учений и маневров, включая внезапные.
- Разработка системы взаимных уведомлений о маневрах, патрулировании военными кораблями и самолетами, в частности в Балтийском и Черном морях, чтобы избежать неправильной интерпретации и опасных инцидентов. Примерно такая информация уже предоставляется Россией и коалицией во главе с США в ходе кампании против исламистских террористов в Сирии.
- Предупреждения о крупных перебросках войск, прежде всего вблизи границ.

На этапе возможного восстановления партнёрства:

- Россия (ОДКБ) и страны Альянса могут приступить к формированию совместных миротворческих и контртеррористических контингентов для операций в третьих странах — по примеру того, что было реализовано в Боснии и Косово.
- В будущем стороны могли бы рассмотреть дополнительные гарантии безопасности друг другу, приграничные меры укрепления доверия и большей открытости военного плана, ограничения масштабов переброски новых сил НАТО и России (ОДКБ) в зону границы. В будущем стороны могли бы рассмотреть, какие позитивные гарантии безопасности они смогли бы дополнительно дать друг другу, какие приграничные меры укрепления доверия и большей открытости, предоставления информации чисто военного плана, в частности относительно крупных складов вооружений и военной техники, мер по последующей переброске новых сил НАТО в регион близи границ РФ могли бы быть реализованы, например, в российско-прибалтийской приграничной зоне или на белорусско-польской границе.

В конечном счете у России и НАТО, России и ЕС есть целый ряд общих проблем (международный исламистский терроризм, режимы нераспространения оружия массового уничтожения, проблемы миграции, пиратство, природные катастрофы, предотвращение опасных эпидемий), по которым они должны сотрудничать. Существует множество сигналов из руководящих кругов ЕС и НАТО о готовности к такому диалогу³⁷.

Западной Европе нужна новая «восточная политика», очертания которой пока, однако, не просматриваются³⁸.

С учётом новой «Глобальной стратегии внешней политики и безопасности» ЕС от 29 июня 2016 г. Россия должна быть готова развивать равноправный диалог с европейскими партнёрами по тематике разоружения в целях стабилизации ситуации в регионе, естественно, не поступаясь интересами собственной безопасности.

России следует продолжать линию на выстраивание конструктивного взаимодействия с европейскими партнёрами по широкому кругу проблем региональной безопасности и кризисной стабильности.

³⁷ Kühn U. The Baltic Dilemma of Power vs. Order / Jan. 11 2016. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-baltic-dilemma-power-vs-order-14865>

³⁸ Bahr E. Change through Rapprochement: Speech at the Evangelische Akademie Tutzing, Kassel, 15 July 1963. Excerpts available at: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=81

Prospects and Dilemmas of the System of European Security

Victor Mizin, PhD (History), Leading Researcher

Center for Post-Soviet Studies

Institute for International Studies, MGIMO University

119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia. E-mail: vmizin@hotmail.com

Summary. *The article focuses upon the key aspects of NATO-Russian interaction in the realm of EuroAtlantic security against the backdrop of current tense international situation. As the author argues, the recent events, notably the accession of Crimea into the Russian Federation and the situation in and around Ukraine have further deteriorated the relations of both sides, which sometimes resemble that of the cold war era. This leads to ever exacerbating military standoff and the rupture of almost all bilateral ties between NATO and Russia. In this context the author proposes the set of preliminary constructive steps which, hopefully, could alleviate the current tensions and lead to a renewed substantive dialogue of Russia and NATO partners over the issues of regional stability and security.*

Keywords: *arms control, confidence-building measures, Europe, NATO, OSCE, Russia, transparency, West, USA.*

Литература / References

1. Кузнецов И. И. Развитие отношений Россия – НАТО: проблемы контроля над вооружениями ограничения дестабилизирующей военной деятельности Альянса // Ежегодник ИМИ. – 2016. № 1. – С. 62–70.
2. Орлов А. А. Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. – 2014. № 10. – С. 66–73.
3. Ditarych O., Kulesa L., Kobrinskaya I. a.o. Responses to 'Deter and Engage: Making the Case for Harmel 2.0 as NATO's New Strategy' // New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. 2015, vol. 23. No. 2, pp. 123–142.
4. Kissinger H. Word Order. Chapter 2: The European Balance of Power and Its End. – London: Allen Lane, 2014, p. 91.
5. Kulesa L. The Role of Arms Control in Future European Security // Security and Human Rights. 2014, vol. 25, iss. 2, pp. 221–234.
6. Nikitin A. I. Russia: No Partner, still Counterpart // Shaping the Eastern Europe: Alternative Priorities and Outcomes, Rome, 2015, URL: <http://www.ndc-foundation.org/docs/NDCF-2015eastern%20web%20link.pdf>
7. Shirreff R, Sir. 2017 War With Russia: An Urgent Warning from Senior Military Command. – London: Coronet, 2016.
8. Shleifer A, Treisman D. A Normal Country. Rethinking Russia // Foreign Affairs, vol. 83, no.2, pp. 20–38.

Л. Р. Садыкова

Проблема идентичности западноевропейских мусульман

Людмила Рафкатовна Садыкова, канд. ист. наук, науч. сотр.
Центра партнёрства цивилизаций
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ylonen@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена одному из основных предметов обсуждения в XXI в. — идентичности мусульман, проживающих в странах Европейского Союза (ЕС). Развитие информационных технологий значительным образом оказывает влияние почти на все сферы жизни каждого государства и проживающих в нём граждан. Важной задачей в процессе приобщения к новым возможностям, будь то отдельного индивида, религиозного сообщества, цивилизационных групп, является приспособление своих особенных качеств, или идентичности, к обществу с другими моральными и культурными ценностями. Ныне комплексом такого рода вопросов обеспокоена Западная Европа. Несмотря на то, что такие страны, как Великобритания, Франция и Германия, являются стабильными государствами как в политическом, так и экономическом плане, проблемы идентичности тревожат современных европейцев, и их озабоченность усугубляется непрекращающимся потоком мигрантов, стремящихся сохранить свои отличительные особенности и, прежде всего, религиозную самобытность.*

***Ключевые слова:** идентичность, мусульмане в Европейском союзе, ислам, умма, интеграция.*

В XXI в. мусульманские сообщества в странах Европейского Союза столкнулись с проблемой своего статуса. Как считается, являясь религиозным меньшинством в немусульманском обществе, они не могут исповедовать свою религию в полной мере — реализовывать требования, предписанные в Коране. Такое положение воспринимается некоторыми мусульманами как дискриминация их прав.

Отличительной чертой мусульманских сообществ в странах Европы является то, что они состоят, как правило, из необеспеченных или малообеспеченных групп и работников с низкой квалификацией. Для второго и третьего поколений мигрантов пребывание на Европейском континенте может быть и вынужденной мерой, поскольку их предки переехали в поисках работы из-за нелегких экономических условий на родине.

Замкнутость мусульманских сообществ оказывает негативное влияние на перспективу интеграции мусульманских мигрантов в европейское общество. У некоторых групп коренного населения Европы ислам ассоциируется с нищетой.

Как известно, ислам является не только вероисповеданием, но и образом жизни. Ислам — это религия плюс социальное поведение, этические нормы, сознание принадлежности к другой культуре, к иному культурному наследию. Политика же интеграции декларирует неприкосновенность религиозных обрядов и догм. Вместе с тем она нацелена на формирование общеевропейской идентичности. Однако семейные традиции в сочетании с обычаями мусульманских общин настолько прочны и влиятельны, что, как показывает реальная жизнь, цель эта оказывается практически недостижимой.

По мнению немецкого социолога, профессора Регенсбургского университета Р. Хеттлаге, идентичность в чужой стране представляет собой процесс категоризации и оценки, который касается не только членов диаспоры, но и обществ исхода и проживания. Управление идентичностью означает способность усиливать, скрывать или манипулировать собственными этнорелигиозными признаками, чтобы создавать определённые впечатления, настроения и действия, которые должны приносить преимущества группе или минимизировать вред в ходе её взаимо-

действия с другими группами. Иными словами, управление идентичностью направлено на то, чтобы защитить свои интересы и свой собственный стиль жизни. В случае диаспоры этот вопрос носит особенно сложный характер, поскольку стиль жизни и видение собственной группы постоянно находятся под вопросом [7].

Важным аспектом восприятия мусульман является их отождествление с так называемой мусульманской уммой, то есть гипотетическим сообществом верующих, включающим в себя весь исламский мир, вне зависимости от национальностей и государственных границ. Некоторые исследователи полагают, что умма является «транснациональным политическим сообществом <...>, её уже можно считать нацией» [12, р. 304, 307]. Умма является своего рода убежищем, которое она предоставляет для мусульман. Соответственно, своего рода обязанностью мусульманской диаспоральной общины является сохранение представления о религиозном долге, который она рассматривает как позитивный символ отличия от немусульманского большинства [4, с. 23].

Невысокий уровень образования и занятость на низкоквалифицированных позициях способствуют исключению членов мусульманских общин из принимающих европейских сообществ, что способствует укреплению мусульманской идентичности.

Вместе с тем мусульманские сообщества Западной Европы, состоящие главным образом из иммигрантов, давно превратились в значимый компонент европейской политической и социально-экономической жизни, что привело к возникновению проблем и конфликтов. Большая часть этих конфликтов связана с несоответствием традиционных устоев, культурных и религиозных особенностей и мировосприятия в целом. По мнению российского учёного Л. Р. Сюкияйнена, «почти все сложности, с которыми сталкиваются мусульманские меньшинства на Западе, относятся к предмету фикха — исламской науки, занимающейся правилами внешнего поведения людей» [9, с. 139]. Большинство столкновений между представителями мусульманских сообществ и коренными европейцами коренятся в различиях правовых культур, а именно: религиозных норм и стандартов, предписаний шариата, с одной стороны, и европейских прав и законов, устанавливающих меньшие требования к ограничению свобод по религиозным причинам, — с другой.

Вопросы исламского права играют важную роль в дискуссиях об исламе — и в Европе, и в большинстве мусульманских стран. Столкнувшись с проблемами глобализации [6], мусульмане ищут ответы на её вызовы с позиций ислама и шариата. Так, под эгидой Организации исламского сотрудничества в качестве вспомогательного органа существует Исламская академия фикха, ставившая до 2006 г. такие цели:

- достижение исламского единения в теории и на практике посредством индивидуальных, общественных и международных действий и в соответствии с шариатом;
- убеждение мусульманских стран придерживаться своей веры, изучать проблемы современной жизни и прилагать усилия, а также издавать постановления и находить решения этих проблем в соответствии с законами шариата [2, с. 122–123].

В 2006 г. был пересмотрен её устав, и, в соответствии с новым, работа Академии должна была быть направлена:

- на прямой ответ фикха на события и проблемы, стоящие перед Исламской уммой;
- на обнародование религиозных постановлений для помощи мусульманским общинам за пределами мусульманских стран [2, с. 125].

Это касается мусульман всего мира. Мусульмане, проживающие в немусульманском обществе, нуждаются в получении правовых ответов с позиций шариата и мусульманского фикха на встающие перед ними вопросы и проблемы. Однако на сегодняшний день ни прежнее правовое наследие, разработанное исламскими правоведами, ни решения, предлагаемые многими современными мусульманскими учёными, проживающими как в традиционно мусульманских странах, так и на Западе, не дают этих ответов [3, с. 35]. Мусульмане стран Западной Европы не могут жить в полной мере так, как предписывает исламское право, шариат, соблюдать все предписания. Для них необходим другой подход, выработка собственной концепции интеллектуальной, социально-политической и политико-правовой активности по реализации исламского правового наследия, на которое они продолжают ориентироваться [3, с. 34].

Мусульмане должны связывать сохранение своих идеалов с пониманием европейского общества, в котором они живут. Что не означает принятия всех его особенностей. Достаточно знать его устройство для того, чтобы легче найти в нём свое место. Ответом европейских мусульман на современные реалии является формирование собственного социально-правового простран-

ства. Заметно возросшая в последние годы социально-политическая активность мусульманского населения государств Европы способствовала росту значимости исламских сообществ в Европе [3, с. 34–40].

Важным центром исследования исламского права является Европейский Совет по фетвам и исследованиям, созданный в 2007 г. в Лондоне. В него входят многие известные учёные. Целью Совета, по словам его руководителя – египетского теолога Ю. Карадави, является создание единой фетвы в Европе и предотвращение споров и интеллектуальных конфликтов относительно соответствующих вопросов, где это возможно. В стремлении достичь этой цели будут проводиться консультации, совместные исследования. Совет также призван стать утверждённым религиозным авторитетом перед местными органами власти и частными учреждениями, что, несомненно, усилит и укрепит местные исламские сообщества [10, р. 3].

При этом ряд мусульманских учёных и духовных лидеров, в том числе Ю. Карадави, полагает, что в нынешнее время перед мусульманами Запада стоит проблема угрозы потери своей идентичности. Они призывают мусульман к «твёрдой приверженности исламским предписаниям, постоянным стремлением глубже понять основные положения веры, исполнять все молитвы в мечети, к объединению с мусульманскими братьями на основе добра и справедливости» [3, с. 35].

Другие исламские учёные, проживающие в европейских странах, например, Тарик Рамадан и Умар Фарук, отстаивают обоснованные исламскими положениями и принципами аргументы в пользу того, почему мусульмане должны оставаться жить в пределах своей европейской родины, внося посильный вклад в обустройство своей общественной жизни. Тарик Рамадан утверждает, что до тех пор, пока западноевропейским мусульманам не препятствуют в соблюдении их религиозных обязанностей, они могут с полным успехом жить в пределах тех земель, где они словом и делом могут свидетельствовать свою приверженность исламу. Такого же мнения придерживается другой проповедник европейского ислама Т. Модуд, полагая, что необходимо создавать у представителей нехристианских конфессий, в частности мусульман, чувства принадлежности к государству, в котором они живут. Однако невозможно просто предложить людям перенять чуждую им идентичность. Иммигранты-мусульмане должны сами создать свою гражданскую идентичность, то есть осознать, что для них значит быть французом, британцем и пр. [11, р. 127].

Преобладание значимости этнической и религиозной идентичности по сравнению с общегражданской крайне затрудняет интеграцию мусульман в западное общество. Европейские мусульмане, живя по правилам шариата, находятся как бы вне процесса секуляризации.

Некоторые европейские учёные не учитывают, что исламское мировоззрение весьма своеобразно. Основы, на которых базируется духовная жизнь мусульманина, помимо Корана и Сунны, заключены в хадисах, то есть преданиях о делах и словах пророка Мухаммеда касательно религиозно-правовой жизни мусульманина [13, р. 12]. Ситуация усложняется тем, что часть иммигрантов-мусульман в Европе фактически являются представителями традиционных обществ, сохранившими обычаи и традиции, которые в Европе давно исчезли. Большая часть обычаев и норм поведения, из-за которых возникают конфликты между мусульманами и немусульманами на Западе, относится к культурному наследию стран, откуда родом иммигранты. И чем более чуждой кажется им принимающая культура, тем сильнее они укрепляют свою собственную традицию, а негативная реакция принимающих сообществ и властей только обостряет этот конфликт. То есть, чем консервативнее кажутся окружающим мусульманские религиозные взгляды и традиции, тем чаще поведение мусульман становится причиной конфликтов с обществом страны проживания. Таким образом, будущие непонимания и столкновения практически неизбежны [13, р. 12–13].

Соответственно, часть мусульман не намерена вписываться в европейские общества. Им нравится жить и работать в Европе, но они не хотят быть её частью, предпочитая сохранять обособленность. Солидарность таких мусульман проявлялась в ходе известных споров вокруг ношения хиджаба во Франции, умерщвления животных по исламскому ритуалу в Великобритании и пр. Политизация соответствующих вопросов в конечном счёте работает на укрепление мусульманской солидарности даже тогда, когда среди мусульман нет единого мнения по ним, а многие относятся к этим вопросам безразлично [5, с. 653]. Немаловажную роль в процессе самоидентификации мусульман играет то обстоятельство, что в их сознании заложено представление о европейцах как христианах, в то время как современное европейское общество является секулярным.

Таким образом, среди проблем, возникающих на почве сосуществования культур двух типов, можно выделить следующие:

- различные понимание и трактовка прав и свобод с религиозной и нравственной точек зрения;
- обеспокоенность коренных европейцев расширением зон влияния мусульманской культуры, которая несёт опасность её духовным традициям, полное или частичное неприятие мусульманами соответствующих ценностей и, как следствие, торможение интеграции;
- с распространением исламского экстремизма — тревога за европейскую политическую и социальную устойчивость и защищённость.

На усиление исламской идентичности в странах Европы значительное влияние оказывают международные события. Так, на формирование новой идентичности мусульман, проживающих вне своих стран, повлияла иранская революция 1979 г., а влияние арабо-израильского конфликта продолжается уже не одно десятилетие [1, с. 19]. Одновременно с этим стало расти и отрицательное восприятие мусульман коренными европейцами.

Второе и третье поколения мигрантов по многим причинам играют в развитии взглядов людей в различных мусульманских сообществах стран Европы определяющую роль. С одной стороны, уровень соблюдения религиозных обрядов молодыми мусульманами относительно невысок, что позволяет говорить о том, что значительная часть из них поддаётся интеграции [8, с. 176–179]. Такое положение дел вынудило духовных лидеров мусульман первого поколения и лидеров мусульманских организаций пересмотреть свои методы воздействия на молодёжь. Они стали менять формат религиозного образования и пересмотрели свои структуры социальной и культурной деятельности.

С другой стороны, возродившаяся тенденция к соблюдению религиозных мусульманских обрядов среди молодых людей привела к созданию большого числа исламских объединений. К концу XX в. количество мусульманских организаций в Западной Европе удвоилось (некоторые эксперты, например Тарик Рамадан, говорят, что даже утроилось). Молодые мусульмане (рождённые в Европе) становятся всё более активными. Они рассматривают себя как имеющих право жить в Европе и рассчитывают на признание своих гражданских прав.

Растущее присутствие таких ассоциаций, как «Молодые мусульмане» (Young Muslims) и Исламское общество Великобритании (ISB) в Великобритании, наряду с «Молодым мусульманами Франции» (Jeunes Musulmans de France) и Ассоциацией исламских студентов Франции (Association des Etudiants Islamiques) и многими другими мусульманскими объединениями в других странах Европы способствовало актуализации непростых проблем, например удовлетворения растущей потребности в улемах (то есть авторитетных исламских богословах), способных разъяснить и адаптировать мусульманскую теологическую и судебную системы взглядов в европейском контексте.

Стремление мусульман к сохранению своей идентичности является камнем преткновения в урегулировании возникающих споров, касающихся исламских традиций. Так, принятие европейцами правовых решений относительно запрета строительства мечетей или мусульманской женской одежды по-разному трактуется обоими обществами. Если для большинства представителей европейских обществ это своего рода защита от дальнейшего проникновения ислама в христианскую среду и потенциального распространения исламского экстремизма, то для европейских мусульман это, прежде всего, признак неуважения своей религии и дискриминация.

Таким образом, желание сохранить исламскую идентичность в странах Западной Европы может представлять определённую опасность сложившимся в этих странах ментальным и культурным традициям, а также негативно влиять на адаптацию мусульман к европейским обществам. В свою очередь, важной задачей, стоящей перед правительствами стран ЕС, оказывается сохранение идентичности своих стран (этнической, культурной, исторической) и решение проблем становления гражданской нации с учётом непрекращающегося роста мигрантов с иным мировосприятием. В этой связи можно предположить развитие ситуации по следующим сценариям:

- Дальнейший рост националистических настроений и победа правоконсервативных партий, не исключающих использования авторитарных мер в отношении мусульман.
- Десекуляризация европейских обществ, обусловленная тем, что, руководствуясь только лишь принципами толерантности, либеральные политические силы могут оказаться не в состоянии общественно-политическую стабильность в своих странах.

The Problem of Muslims' Identity in Western Europe

Lyudmila Sadykova, PhD (History), Researcher
Civilizations' Partnership Center
Institute for International Studies, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia. E-mail: ylonen@mail.ru

Summary. *The paper is devoted to a topical subject of current political discussions, namely, the identity of Muslims living in the countries of the European Union (EU). Development of information technologies significantly affects almost all spheres of life of every state and citizens living there. To benefit from new possibilities, an individual, as well as a religious community or civilization group should adapt their peculiarities and identities to the society of different moral and cultural values. Nowadays Western Europe is concerned about a complex of such tasks.. In spite of the fact that such countries as Great Britain, France and Germany are among the most stable on the planet, both in political and economic terms, the problems of identity disturb modern Europeans. These problems are further aggravated because of the ongoing flow of migrants, mostly Muslims, who yearn to keep their originality and, especially, religious identity.*

Keywords: *identity, Muslims in the European Union, Islam, the Ummah, integration.*

Литература / References

1. *Большова Н. Н.* Ответ ЕС на кризис с беженцами 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС // Ежегодник ИМИ. — 2016. № 1. — С. 19–33.
2. *Ихсаноглу Э.* Исламский мир в новом веке. — М., 2013.
3. *Курбанов Р. В.* Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире (на примере стран Западной Европы и Северной Америки). Монография / Под общ. ред. *Д. В. Мухетдинова.* — Москва; Н. Новгород: Медина, 2011.
4. *Мор И.-К.* Исламское религиозное обучение в Германии и Австрии: сравнение принципов, определяемых религиозным сознанием // Ислам в Европе и в России / Сост. *Е. Б. Деминцева.* — М.: Издательский дом Марджани, 2009. — С. 19–35.
5. *Наумкин В. В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму. — М.: Медина, 2008.
6. *Орлов А. А.* Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. — 2014. № 10. — С. 66–73.
7. *Попков В. Д.* Феномен этнических диаспор. — М.: Институт социологии РАН, 2003.
8. *Садыкова Л. Р.* Политика Германии в отношении мусульманских сообществ // Вестник МГИМО—Университета. — 2014. № 6. — С. 174–181.
9. *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. — М., 2014.
10. European Council for Fatwa and Research. First collection of Fatwas. — L., 1999.
11. *Modood T.* Multiculturalism: A civic idea. — Cambridge, 2007.
12. *Saunders R.A.* The ummah as nation: a reappraisal in the wake of the “Cartoon Affair” // Nations and Nationalism. 2008. Vol.14. № 2. P. 303–321.
13. *Waage P. N.* Islam und die moderne Welt. Versuch eines Dialogs. Oslo: Futurum, 2004.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Т. А. Карасова, М. Штереншис

Политический режим современного Израиля

Татьяна Анисимовна Карасова, канд. ист. наук,
зав. Отделом изучения Израиля и еврейских общин
Института востоковедения РАН.
107031, Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: karasovat@list.ru

Штереншис Михаил, PhD, преподаватель,
Американский институт израильского образования (AMIE).
Ход ха-Шарон, Израиль. E-mail: shteren20@yahoo.com

***Аннотация.** Данное исследование анализирует структуру политического режима в государстве Израиль. Существующие в Израиле демократические институты контролируют не все политически важные процессы в стране, часть из которых подвержена влиянию различных иных политических сил. Так как эти силы стимулируют, замедляют или изменяют процессы принятия государственных решений и влияют на их исполнение, они определяются как «кратии» (компоненты, ветви власти). Слабость израильской демократии в практическом управлении страной позволяет «кратиям», особенно теократии, партократии и бюрократии, вмешиваться во внутреннюю политику государства и политический режим Израиля, который можно определить как мультикратия с демократической доминантой.*

***Ключевые слова:** Израиль, демократия, автократия, партократия, мультикратия, политический режим.*

Общепринятая в российских учебниках и пособиях по политологии, государству и праву классификация политических режимов включает в себя три определения: демократия, авторитарный режим (автократия), тоталитарный режим (диктатура). В некоторых случаях упоминаются и гибридные режимы. В вышеуказанных источниках демократия далее классифицируется на прямую, плебисцитарную, либеральную, элитарную, представительную (плюралистическую), цензовую и некоторые другие виды. В западных учебниках принят своего рода чёрно-белый подход, при котором все режимы делятся на демократии и автократии (авторитарные режимы, диктатуры) [48, p.12]. В англоязычной литературе демократию также принято классифицировать как прямую/непрямую, либеральную/нелиберальную, открытую/закрытую, частичную [13, p.16–33], гуманитарную [23, p. 609–624], электоральную [35, p. 609–624], совещательную (deliberative) и консоциальную (consociational) [19, p. 13–18].

Взаимоотношения между различными ветвями власти неоднократно подвергались исследованию, но эти исследования практически всегда проводились на дихотомической основе. Отдельно были исследованы отношения автократии и демократии [45, p. 270–278], плутократии и демократии; теократии и демократии; технократии и бюрократии; демократии и партократии. Из этих исследований делался справедливый общий вывод, что демократии приходится взаимодействовать и делиться с другими ветвями власти в процессе управления государством. Однако в каждом исследовании выделялись лишь две-три основные противоборствующие или сотрудничающие силы. В государстве Израиль таких сил намного больше.

Политический режим государства Израиль трудно вписывается в эти классификации. Если понимать политический режим как совокупность приёмов, способов и методов осуществления политической власти, в Израиле далеко не вся политическая власть и далеко не все политически важные решения принимаются на основе демократических или национальных принципов. В современной литературе израильская демократия критикуется с либеральной/нелиберальной и открытой/закрытой точек зрения и характеризуется как хрупкая, неполная, или, как ми-

нимум, «своеобразная» (peculiarities of Israel's democracy). Термин «неполная демократия» при полной власти в стране подразумевает, что «пирог власти» в Израиле имеет сегменты, которые нельзя отнести к демократическому правлению. Также используются такие определения израильской демократии, как «мажоритарная», «консенсусная» демократия, «объединительная» модель демократии и т. д. Представленные модели в основном абстрактны, так как ни одна современная демократия не включает в себя всех перечисленных элементов одной или другой модели демократии. Помимо демократических процедур и институтов, существуют и иные политические силы, которые принимают участие в государственном управлении.

Такие попытки уточнения термина «демократия» не вносят ясности в типологическую структуру государственного устройства. Скорее всего, более подходящим определением израильской структуры власти является «гибридность», которую известный эксперт П. Меддинг — в своё время — объяснял наличием четырёх мажоритарных элементов: кабинета министров, доминирующего над парламентской системой, унитарного и централизованного правительства, однопалатного парламента, парламентского суверенитета [36, р. 3]. К этим признакам следует прибавить ещё четыре, имеющих консенсусный характер: принцип пропорционального представительства; многопартийность; плюрализм в политических взглядах (multidimensional issue cleavages) и широкие правительственные коалиции. Сущность этой оценки состоит в том, что израильская демократия обладает целым рядом сложных переплетений элементов власти, которые характерны и для других демократий. В то же время израильская демократия имеет некоторые специфические черты.

Исходя из этого, предлагается использование (*kratia* — власть - греч.) базирующейся терминологии, где «кратия» означает силу, которая может способствовать принятию властными институтами политического решения. Чрезвычайно сегментированное израильское общество формирует «пирог власти» согласно своим основным предпочтениям, внося мультифакториальный критерий в процесс принятия политических решений в стране. В современном Израиле нет признаков прямого противостояния власти и гражданского общества, но есть множество несовпадений в интересах (предпочтениях) различных частей общества.

У разных сегментов израильского социума эти предпочтения довольно различны. Для части граждан права человека, гражданские свободы и открытые контролируемые выборы во властные структуры являются основными элементами политического режима (демократическая предпочтения), другая часть общества ставит на первое место необходимость в сильном лидере (автократическая предпочтения), специфический для Израиля крупный сегмент религиозных жителей более всего ценит необходимость в религии (теократическая предпочтения), в то время как иная часть общества полагает, что политический режим более всего нуждается в строгом контроле над исполнением законов и чётко работающей судебной системе (критократическая¹ предпочтения). Члены той или иной политической партии могут быть уверены, что только их партия обеспечит оптимальное функционирование государственных институтов (партократическая предпочтения), богатый сегмент населения заботится о сохранении своего статуса и о решении своих специфических задач через политические институты (плутократическая предпочтения), клановая организация некоторых сегментов израильского общества стимулирует членов этих кланов или сообществ прислушиваться к мнению элитных семей (аристократическая предпочтения). Технократическая предпочтения выражается в желании иметь сильную, чётко функционирующую государственную инфраструктуру. Яркое выраженное желание оптимизации работы чиновничьего аппарата проявляется в бюрократической предпочтения. Наконец, небольшой сегмент общества полагает, что воля простого жителя страны, основанная на здравом смысле или традиционном укладе жизни, важнее официальных государственных законов (охлократическая предпочтения). При этом, естественно, не существует части общества, наделённой какой-либо единой предпочтением. Совокупность, взаимодействие и противоборство интересов различных слоёв израильского общества делает политический режим довольно своеобразным.

Нельзя, например, не упомянуть об этнократической составляющей израильской демократии. При создании государства Израиль в 1948 г. оно было определено как демократическое с последующим уточнением как демократическое и национальное (еврейское). С точки зрения принятых в западной политологии норм израильское государство имеет развитое демократиче-

¹ Критократия (*kritocracy*, от греч. *krites* - судья). Тот же корень в словах *критика*, *критерий* — правление, осуществляемой на основании личного мнений судей, термин, используемый преимущественно при описании истории Израиля.

ское устройство. Израильяне традиционно и оправданно гордились и гордятся своей демократией. В рамках широкого консенсуса всех сионистских сил Израиль с первого момента своего существования мыслился как еврейское демократическое государство. В период, когда возникло это определение, вряд ли кто-либо видел противоречие между двумя частями этого определения. Право народов на самоопределение в форме независимого национального государства воспринималось как одно из неотъемлемых гражданских прав, а понятия «национализм» и «демократия» были почти синонимами.

Однако с течением времени, примерно с начала 1980-х гг., оценки израильской демократии среди самих израильских политологов существенно изменились. Мнения разделились на тех, кто считает, что определение Израиля как еврейского государства абсолютно неправомерно с точки зрения норм либеральной демократии, и тех, кто утверждает, что еврейское государство не противоречит принципам либеральной демократии. Израильский социолог, профессор С. Самуха определяет Израиль как «этническую демократию», так как нарушение этнического равенства меняет структуру и природу израильской демократии [44, р.1]. Этническая демократия — это политический режим, который соединяет в себе распространение основных гражданских и политических свобод на постоянных жителей с признанием привилегированного положения одной этнической группы («основной, титульной нации») в отношении государства, что проявляется в доминировании основной нации в государственном управлении. Не принадлежащие к основной нации группы в данной ситуации нередко воспринимаются как угроза для привилегированного положения основной нации, но при этом допускается политическая борьба других групп за изменение положения. Это демократия, которая включает в себя недемократические элементы доминирования, а значит, она может быть понята как ограниченная, несовершенная разновидность демократии. С. Самуха подчёркивает, что «с меньшинствами обращаются как с второсортными гражданами». В то же время им разрешено вести борьбу за свои права демократическими мирными средствами [44, р. 2].

Известные израильские эксперты А. Рубинштейн и А. Якобсон, напротив, решительно встают против тех, кто в понятие «еврейское государство» вкладывают отрицательный смысл «с далеко идущими выводами». Они не согласны с упреками, которые сводятся к тому, что в определении Израиля в качестве «еврейского государства» заключён элемент неравенства и уже Декларация независимости была сформулирована как декларация еврейского народа². Однако всё более очевидным становится тот факт, что наличие арабского меньшинства и его положение в Израиле меняют характер израильской демократии.

Гипотеза о соотношениях основных ветвей власти в Израиле предполагает, что политические партии, общественные движения, лобби, религиозные общины, гражданские ассоциации и союзы, практически любые правительственные или неправительственные институты обычно руководствуются своими предпочтениями при выдвижении инициатив, законопроектов, или петиций. Совокупно все политические решения, принятые институтами власти с учётом той или иной предпочтения, составляют *kratia*-сегмент этой предпочтения в общем «пироге власти» в стране. С другой стороны, специфические для каждой «кратии» институты — автократическая канцелярия премьер-министра Израиля, демократический парламент (Кнессет), критократический Высший суд, теократические раввины, бюрократические министерства — активно действуют в попытках укрепить своё политическое влияние, пытаясь расширить тем самым сегмент той или иной «кратии» в общем «пироге власти».

Составляющие власти в Израиле

В государстве Израиль *автократическая* составляющая власти принадлежит премьер-министру, а не президенту. Основной Закон о государстве был принят Кнессетом только в 1968 г.³ Он детально описывает функции, права и обязанности министров и заместителей министров, но не конкретизирует границы власти премьер-министра, за исключением упоминания о том, что он формирует правительство. Дополнения к этому закону от 1992 и 2001 гг. не внесли дальнейшей конкретизации функций премьер-министра, за исключением того факта, что он имеет право распустить парламент с согласия президента страны. Будучи главой исполнительной

² Якобсон А., Рубинштейн А. Или еврейское, или демократическое? // Время искать (Иерусалим). — 2004. № 10. — С. 41.

³ Basic Law: The Government. Hebrew version: Sefer Ha-Chukkim (Сборник законов) #540 of 21st August, 1968. — Jerusalem: Government Press, 1968, p. 226; English version: Laws of the State of Israel, vol. 22: 1967/68. — Jerusalem: Government Press, 1968, p. 257–264.

власти, главой администрации, главным дипломатом страны, главнокомандующим и лидером партии, премьер-министр имеет свою канцелярию как институт для претворения в жизнь своих авторитарных решений⁴. Хотя власть премьер-министра является ограниченной, контролируемой и основанной на демократических принципах, она также является его личной властью в том понимании, что многие его действия, решения или приказы не требуют ежедневного одобрения со стороны парламента.

Бюрократическая составляющая в Израиле неестественно раздута. Первое правительство страны (1949–1950 гг.) обходилось премьер-министром и 12 министрами, в то время как 29-е правительство (2001–2003 гг.) имело 26 министров, и с тех пор число министров не опускалось ниже 22 человек. Бюрократическая машина Израиля является «кратией», так как может ускорить или замедлить проведение законов в жизнь, имеет возможность выпускать свои руководства и инструкции, тем самым непреднамеренно или специально изменяя букву закона и влияя на политические процессы в стране [21, р. 551–569].

Теократический компонент традиционно силен в Израиле из-за выработанного еще в 1948 г. статус-кво в отношениях государства и религии, в результате чего религия не отделена от государства. Несмотря на это статус-кво, религиозные институты пытаются расширить свое политическое влияние, включая такие области, как международные отношения, система образования, жилищная проблема и медицина⁵. Если религиозные партии входят в правительственную коалицию, то при подписании коалиционных соглашений они обычно пытаются получить финансовые преимущества для своего электората. Такие государственные институты, как министерство по делам религий и два главных раввина, контролируют теократический сегмент политической власти в стране. Религиозные политические партии имеют две основные задачи: глобальную — превратить Израиль в религиозно-еврейское государство и локальную — удовлетворить нужды религиозного населения. С первых дней независимости религиозные партии были союзниками правящей партии «Мапай» и входили в правящие коалиции всех правительств, которые формировал первый премьер-министр страны Д. Бен-Гурион. Это позволяло религиозным партиям играть во внутренней политике важную роль, не соответствующую их скромным размерам.

Декларация независимости и Основные законы провозглашают свободу совести и религии одним из основных принципов израильской демократии. Существует полная свобода религии в преимущественно еврейском государстве. Признанные религиозные общины наделены полномочиями регистрировать обращение в религию новых членов, а также браки между членами своих общин. В то же время государство не занимается пропагандой религии. Однако в широком смысле свобода вероисповедания в Израиле ограничена, так как законы обязывают граждан находиться под юрисдикцией религиозных судов (прежде всего, это касается брака и развода), независимо от их личного желания и отношения к религии.

В первой половине 1990-х гг. наметилась тенденция к сужению полномочий религиозных судов, а также к ограничению многолетней монополии учреждений ортодоксального иудаизма. Эта тенденция проявлялась, прежде всего, в легитимации консервативного и реформистского течений в иудаизме. Были приняты решения о плюралистическом подходе к изучению иудаизма в системе государственного образования, о создании альтернативных кладбищ, о частичном финансировании учреждений неортодоксального иудаизма.

Улучшение взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти — это одна из наиболее часто дискутируемых проблем политологии. В Израиле судебная власть вмешивается в это взаимодействие, становясь политическим фактором. Основным критократическим институтом является Высший суд справедливости. Большинство исследователей сходится во мнении, что политическая деятельность этого суда постоянно расширяется. Это позволяет исследователям говорить о «юридикализации израильской политической системы» и влиянии судебной системы на процесс политической децентрализации и процесс усиления политического плюрализма [28, р. 513–533]. Высший суд справедливости был вовлечен в такие политически важные темы, как свобода слова и земельная политика [30, р. 1190–1196; 31, р. 626–643].

Основной составляющей *технократического* сегмента в израильской политике является развитие отрасли высоких технологий, телекоммуникаций и компьютеризация. Текущие техноло-

⁴ Официальный сайт канцелярии премьер-министра Израиля. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/PrimeMinistersOffice/DivisionsAndAuthorities/Pages/default.aspx>

⁵ Карасова Т. А. Демократия в Израиле. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/demokraticeskaja_forma_vlasti_i_politicheskaja_sistema_izraila_2010-12-23.htm

гические изменения вызывают политические и социальные сдвиги, которые израильское правительство не может игнорировать. Современные исследователи указывают на политически значимые технологические и медицинские элементы технократизации Израиля [41, р. 78–83].

Партократия в Израиле настолько была стилем жизни общества, что уже в 1950-е гг. Израиль называли «государством партий» (Partienstaat). В первые годы независимости, когда действовали строгие экономические ограничения, партии, помимо политики, занимались тем, что добывали для своих членов всевозможные блага. Руководство ведущих партий, их выдвиженцы в правительстве и парламенте вовлечены в процесс принятия важнейших государственных решений. Лидеры основных партий правящей коалиции, сформировав кабинет министров и имея большинство в кнессете, выполняют все основные функции управления государством: формулируют общие цели государственной политики, контролируют исполнительную и законодательные власти и представляют высший слой политической (правящей) элиты [5, с. 11, 217, 223, 395]. Партократия опасна тем, что политические решения могут приниматься не правительством государства, которое, в принципе, заботится обо всех гражданах, а руководством отдельной партии, которое заботится о своём электорате. Делегаты партийной конференции, или даже только некоторые члены центра партии (например, известный «кухонный» кабинет Г. Меир), зачастую решали общегосударственные задачи — как, например, выбор премьер-министра или создание правительства национального единства⁶. Израильские партии несколько условно принято делить на левые, правые, религиозные и арабские. Левые и правые в свою очередь делятся на сионистские и несионистские партии.

Израильская *аристократия* несколько отличается от современного понятия «политических элит», так как в арабском и ультрарелигиозном секторах израильского общества значение этого термина продолжает соответствовать значению, которое оно имело в XIX в. Клановая организация арабских, друзских и бедуинских сообществ делает аристократию политическим элементом, так как члены этих сообществ голосуют на выборах не как отдельные личности, а как члены клана, действующие по указке своих элитных семей [37, р. 292–305]. Аналогичная тенденция просматривается и в религиозном секторе еврейского населения страны, когда члены хасидских общин голосуют по прямому указанию своего религиозного лидера, ребе. Во многих хасидских общинах должность ребе передается по наследству.

Израильская *плутократия* как политическое влияние богатых членов общества существует благодаря слабости и неразработанности демократических институтов. В теории идеального демократического общества любой запрос члена этого общества может быть решен через существующие демократические институты. Коррупция чиновников как специфический метод манипулирования процессом принятия решений просматривается в Израиле не только в деловой, но и в политической сферах. Коррупция чиновников в Израиле оценивается в международных рейтингах как умеренная [17, р. 292–305]. Однако, вышеупомянутая раздутость министерского аппарата и значительный оборонный бюджет, по мнению некоторых исследователей, являются стимуляторами коррупционных тенденций [31, р. 2340]. Плутократия появляется с того момента, когда богатый сектор населения получает возможность добиваться принятия выгодных для себя политических решений через лоббирование или коррупцию.

Охлократические тенденции в современном Израиле в целом крайне незначительны, однако в арабском, друзском и бедуинском секторах отношение к женщинам основано не на законах страны, а на принципах традиционного уклада жизни. Кровная месть как вариант самосуда также иногда встречается в вышеуказанных секторах общества [13, р. 457–472].

Часто демократия в Израиле критиковалась и критикуется не только с вышеупомянутых политических позиций [6, с. 11, 217, 223; 6а; 23, р. 118–119], но и с точки зрения её слабости в управлении государством [33, р. 37–54; 24, р. 1309–1323; 25, р. 203–208]. Часть экспертов указывает на автократические тенденции израильских лидеров, делигитимацию власти, раздутый государственный аппарат, ограничение функционирования демократических институтов, накладываемое статус-кво в отношениях светской и религиозной частей общества и технократическими требованиями части израильского общества. Попытки улучшить механику управления государством оказались малоэффективными. Вышеупомянутый Основной закон от 1968 г. в его новой редакции от 1992 г. заменил израильскую парламентарную систему смешанной системой. Помимо выборов Кнессета по партийным спискам были введены и прямые вы-

⁶ В годы доминирования МАПАЙ-МАИ (1948–1977) кнессет был «карманным» парламентом этой партии и автоматически утверждал все законопроекты её правительства [4, с. 395].

боры премьер-министра. Это новшество не улучшило политического положения в стране, и в 2001 г. Основной закон был снова скорректирован в обратную сторону [15, р. 158].. Большинство вышеупомянутых исследователей сходится во мнении, что слабость израильской демократии кроется не в её теоретическом базисе, а в её неэффективности в практическом, прикладном управлении страной.

Терминологические уточнения

Уместны несколько терминологических уточнений. Критократия как управление государством посредством жёсткого контроля над соблюдением законов, вовлечённости в принятие законов и эффективной судебной системы отличается от используемых терминов «правовой идеализм» или «правовой фетишизм», под которыми понимается стремление к созданию «идеальных» законов, а не жёсткий контроль над их соблюдением. Термин охлократия лишь частично совпадает с понятием «правового нигилизма» [1, с. 58–59], так как это не есть полное отрицание законности и права, а подмена государственных законов неформальными правовыми нормами. Плутократия и олигархия часто понимаются как почти синонимы, но авторы подразумевают, что если олигархия имеет тенденцию подменять собой демократические институты, то плутократия сосуществует с ними, не вступая с этими институтами в прямой конфликт.

Концепция мультикратии отличается от концепции поликратии (полиархии), предложенной Р. Далем в 1956 г. [17]. Даль описывает систему управления, в которой власть принадлежит трём и более личностям. Эта теория не предполагает сосуществование нескольких политически активных сил в одном государстве и более сосредоточена на описании преимуществ и недостатков коллективного принятия решений. Концепция мультикратии отличается и от понятий лобби и групп по интересам (*interest groups, pressure groups*). Эти группы не являются самостоятельными «кратиями», а лишь поддерживают те или иные «кратии», так как их цели можно классифицировать по изложенным выше предпочтениям. Практические все инициативы общественных групп и движений можно определить соответственно кратия-классификации, так как основные предпочтения граждан остаются неизменными.

Теория гибридных режимов также не описывает политический режим в государстве Израиль. Эта теория подразумевает, что в процессе демократизации стран, бывших под диктаторским режимом, некоторые из них могут задержаться в некой переходной серой зоне при одновременном существовании в них как демократических, так и недемократических институтов. С момента своего образования в 1948 г. Израиль не менял своего политического устройства, не находится в переходном периоде и не может определяться как государство с гибридным режимом. Упомянутая консоциальная демократия также не может быть признана политическим режимом Израиля. Концепция консоциальной демократии предполагает разделение «пирога власти» в многонациональных государствах для удовлетворения специфических интересов каждой нации [18, р. 21–35]. Это разделение закрепляется соглашением, которое устанавливает общественное согласие и покой в стране, но предполагает уступки и отход от либеральной демократии в чистом виде. Такой подход к проблеме изначально вторичен, так как, хотя каждый народ в многонациональном государстве и имеет свои собственные «национальные интересы», эти интересы при дальнейшем их анализе также классифицируются на теократические, демократические, автократические, аристократические и т. д. согласно основным предпочтениям общества, которые одинаковы для всех народов. В Израиле подобного положения вещей нет и термин «консоциальная демократия» также не определяет его политический режим.

Определение политического режима Израиля как «неполной демократии» [6, с. 9–11, 12–13; 42, р. 119–133; 23, р. 118–119] – это, по сути, признание мультикратии без употребления самого термина. «Пирог власти» в стране – это всегда 100 %. В Израиле нет анархии и/или вакуума власти. Следовательно, если демократия в стране неполная, а «пирог власти» полный, значит он дополнен некими иными недемократическими сегментами. Однако авторы, пишущие на тему слабости израильской демократии, не указывают, какие политически активные силы заполняют пустующие сегменты «пирога власти» в стране.

Мультикратия как политический режим государства Израиль

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что существующее в государстве Израиль стандартное для республик разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви вылилось в борьбу автократии, демократии и критократии. Каждая из этих

кратий пытается расширить свой сегмент в «пироге власти». Премьер-министр может принять не одобренное парламентом политическое решение, Высший суд справедливости может опротестовать принятый парламентом закон на основании его противоречия ранее принятым законам или международному праву. Религиозные институты — это изначально недемократические жёстко иерархичные структуры. В Израиле им принадлежит сеть религиозных школ, неподотчётных министерству образования. Система образования в арабском секторе контролируется министерством образования лишь частично. Благодаря многопартийной системе, все правительства Израиля являлись коалиционными. При подписании коалиционных соглашений партократические тенденции обычно перевешивали демократические предпочтения. Государство старается не вмешиваться в клановый традиционный уклад жизни в арабском секторе, уступая местной аристократии часть власти. Во время избирательных компаний часть населения страны голосует не как отдельные независимые граждане, а как представители этнической или религиозной группы, подчиняющейся своему лидеру. Тем самым эти лидеры, не будучи сами во властных структурах, оказывают влияние на власть в стране, то есть являются «кратией». Плутократическое давление на власть остаётся сильным, несмотря на попытки его контролировать. Эти попытки привели к отставке президента страны (Э. Вейцман) и премьер-министра (Э. Ольмерт), однако проблема в целом далека от решения, и плутократический сегмент в «пироге власти» остаётся.

В результате «пирог власти» в государстве Израиль можно представить как сочетание и противоборство всех ветвей власти. Большинство этих «кратий» имеет свои институты (канцелярия премьер-министра, Кнессет, Главные раввины, Высший суд справедливости, министерства, руководство политических партий). Происходит постоянная борьба между «кратиями» за расширение их сегментов. Эта практически ежедневная борьба прослеживается на уровне политических решений и законов. Например, если раввинам удаётся закрыть часть проезжих улиц в городе по субботам, теократический сегмент расширяется в ущерб демократическому и технократическому. Если министерству внутренних дел удаётся ввести нерелигиозную регистрацию брака, это усиливает демократию и государственную бюрократию в ущерб теократии.

Для определения политического режима Израиля приемлем термин «мультикратия» (мультиформократия). Мультикратия израильского «пирога власти» сложилась в основных своих чертах в первые годы существования государства. В дальнейшем её развитие предполагало не изменение числа его сегментов, а постоянную борьбу, расширение/сужение доли этих сегментов в структуре государственной власти. Такая структура позволила сохранить основные элементы демократического режима, дав при этом отдельным группам населения возможность удовлетворять свои религиозные, партийные, клановые, экономические и общественные запросы. Существующие в Израиле демократические институты контролируют большинство, но не все политически важные процессы в стране, часть из которых подвержена влиянию различных иных политически активных сил, которые — тем самым — определяются как «кратии». Так как доминирующим сегментом властных структур являются демократические институты, политический режим государства Израиль ближе к мультикратии с демократической доминантой.

The Political Regime of Modern Israel

Tatiana Karasova, PhD (History), Head of the Department
of Israel and Jewish Communities Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
107031, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation.
E-mail: karasovat@list.ru

Mikhael Sterenshis, PhD (History), Lecturer,
Alexander Muss Institute for Israel Education (AMIIE).
Hod HaSharon, Israel. E-mail: shteren20@yahoo.com

Summary. The current research analyses the structure of the political regime in the State of Israel. It demonstrates that existing Israeli democratic institutions do not control the state's policymaking in full, and several politically important processes are controlled or at least influenced by various other politically active forces. While these forces can influence, stimulate, inhibit, and otherwise change governmental decisions and

actions, they can be labeled as kratiae. The governability of the Israeli democracy is weak, other kratiae can intervene in policymaking and the state's regime acts as democracy-dominated multicracy.

Keywords: *Israel, democracy, autocracy, partocracy, multicracy, political regime.*

Литература / References

1. Григорьева И. В. Теория государства и права: Учебное пособие. — Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2009.
2. Жуков В. И., Краснов Б. И. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. — М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997.
3. Зеленков М. Ю. Политология: Базовый курс. — М.: Юридический институт МИИТа, 2009.
4. Карасова Т. А., Звягельская И. Д., Федорченко А. В. Партийная система. Государство Израиль. — М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
5. Карасова Т. А. Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. — М.: Институт востоковедения РАН; «Наталис», 2009.
6. Карасова Т. А. (ред.) Демократическая форма власти и политическая система Израиля. Сборник научных статей. — М.: Риалтекс, 2009.
- 6а. Крылов А. В. Энциклопедия израильской политики // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. № 3. — С. 123–127.
7. Оврах Г. П. Политология. — Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2000.
8. Тургаев А. С., Хренов А. Е. (ред.) Политология: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2005.
9. Федорченко А. В., Зайцева О. А., Марьясис Д. А. Израиль в начале XXI века. — М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
10. Штереншис М. Соотношение типов власти в Израиле по результатам парламентских выборов 2006 и 2009 годов. Израиль в современном мире: Сб. статей // Институт Востоковедения РАН. — М.: Риалтекс, 2009.
11. Штереншис М. Израиль: история государства. 3-е изд. — Герцлия: Исрадон, 2010.
12. Adler I., Lewin-Epstein N., Shavit Y. Ethnic Stratification and Place of Residence in Israel: A Truism Revisited // Research in Social Stratification and Mobility. 2005. № 23. P.153–190.
13. Al-Krenawi A., Slonim-Nevo V., Maymon Y., Al-Krenawi S. Psychological responses to blood vengeance among Arab adolescents // Child Abuse & Neglect. 2001. № 25(4). P. 457–472.
14. Basic Law: The Government. Sefer Ha-Chukkim (Сборник законов). № 1780. — Jerusalem: Government Press, 2001.
15. Becker G. S. A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence // The Quarterly Journal of Economics. 1983. № 98 (3). P. 371–400.
16. Brown D. S., Toughton M., Whitford A. Political Polarization as a Constraint on Corruption: A Cross-national Comparison // World Development. 2011. № 39(9). P. 1516–1529.
17. Dahl R. A. A Preface to Democratic Theory. — Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1956.
18. Diamond L. Elections Without Democracy: Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. № 13. P. 21–35.
19. Diamond L. The state of democratization at the beginning of the 21st century // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations, 2005. № 1. P. 13–18.
20. Doron G. and Meydani A. Establishing a Constitutional Court? An alternative political culture approach — the Israeli case // Policy and Society. 2007. № 26 (4). P. 105–124.
21. Enosh G. Resistance to evaluation in batterer's programs in Israel // Children and Youth Services Review. 2008. № 30 (6). P. 37–54.
22. Epstein D. L. Democratic transitions // American Journal of political science, 2006. № 50 (3). P. 551–569.
23. Frankel W. Israel Observed: An Anatomy of the State. — London: Thames and Hudson, 1980. P. 118–119.
24. Goodman Y., Witztum E. Cross-cultural encounters between careproviders: rabbis' referral letters to a psychiatric clinic in Israel // Social Science & Medicine. 2002. № 55 (8). P. 1309–1323.
25. Gonen A., Shilhav Y. Spatial competition between school systems: The case of state religious education in Israel // Geoforum. 1979. № 10 (2). P. 203–208.
26. Grant I. Israel's security crucible // Infosecurity Today. 2006. № 3 (2). P. 28–30.
27. Gupta S., de Mello L., Sharan R. Corruption and military spending // European Journal of Political Economy. 2001. № 17 (4). P. 749–777.

28. *Hammerman A., Greenberg D.* Estimating the budget impact of new technologies added to the National List of Health Services in Israel: Stakeholders' incentives for adopting a financial risk-sharing mechanism // *Health Policy*. 2009. № 89 (1). P. 78–83.
29. *Karniel Y.* Balancing the protection of civil liberties during wartime: How the Israeli Supreme Court shaped Palestinian freedom of expression during the Second Intifada // *Government Information Quarterly*. 2005. № 22 (4). P. 626–643.
30. *Kopstein J., Lichbach M.* Comparative politics. 2nd ed., Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. P. 16–33.
31. *Kotera G., Okada K., Samreth S.* Government size, democracy, and corruption: An empirical investigation // *Economic Modelling*. 2012. № 29 (6). P. 2340–2348.
32. *Lijphart A.* Consociational democracy // *World Politics*. 1969. № 21 (1). P. 207–225.
33. *Lijphart A.* The wave of power-sharing democracy // *The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy* / Ed. *A. Reynolds*. — New York: Oxford University Press, 2002. P. 37–54.
34. *Mahoney D. J.* Humanitarian Democracy and the Postpolitical Temptation // *Orbis*. 2004. № 48 (4). P. 609–624.
35. *Meydani A.* The design of land policy in Israel: Between law and political culture // *Land Use Policy*. 2010. 27 (4). P. 1190–1196.
36. *Medding P.* The Formation of Israeli Democracy, 1948–1967. — New York: Oxford university press, 1990. P. 3.
37. *Neuberger B.* Education for democracy in Israel: Structural impediments and basic dilemmas // *International Journal of Educational Development*. 2007. № 27 (3). P. 292–305.
38. *Paikowsky D., Ben Israel I.* Science and technology for national development: The case of Israel's space program // *Acta Astronautica*. 2009. № 65 (9–10). P. 1462–1470.
39. *Pessate-Schubert A.* Changing from the margins: Bedouin women and higher education in Israel // *Women's Studies International Forum*. 2003. № 26 (4). P. 285–298.
40. *Poutvaara P., Wagener A.* To draft or not to draft? Inefficiency, generational incidence, and political economy of military conscription // *European Journal of Political Economy*. 2007. № 23 (4). P. 975–987.
41. *Razin E., Hazan A.* Redrawing Israel's local government map: political decisions, court rulings or popular determination // *Political Geography*. 2001. № 20 (4). P. 513–533.
42. *Sa'di A. H.* The peculiarities of Israel's democracy: some theoretical and practical implications for Jewish–Arab relations // *International Journal of Intercultural Relations*. 2002. № 26 (2). P. 37–54.
43. *Sicherman H.* The Sacred and the Profane: Judaism and International Relations // *Orbis*. 2011. № 55 (3). P. 377–384.
44. *Smootha S.* Existing and Alternative Policy Towards the Arab in Israel // *Israel Studies*. 1999. Vol. 4. Issue 2. P. 1.
45. *Stier S.* Political determinants of e-government performance revisited: Comparing democracies and autocracies // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. Issue 3. P. 270–278.
46. *Tzfadia E., Yiftachel O.* Between urban and national: Political mobilization among Mizrahim in Israel's 'development towns' // *Cities*. 2004. № 21(1). P. 41–55.
47. *Wedding K. C.* The AP Comparative Government and Politics Examination. Northfield: College City Publications, 2006.
48. *Wood E.* AP Comparative Government and Politics: a Study Guide. 2nd ed. Reading, PA: Wood Yard Publications, 2005. P. 12.

В. В. Попов

Возможно ли арабо-израильское урегулирование при жизни нынешнего поколения?

Вениамин Викторович Попов, директор Центра партнёрства цивилизаций
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ven_popov@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме урегулирования арабо-израильского конфликта. Освещающая современное положение дел, автор обращается и к истории, показывая, как те или иные решения влияли на развитие ситуации. Особое внимание в работе уделено политике США в регионе. Проанализированы перспективы мирного урегулирования.*

***Ключевые слова:** Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, Израиль, Палестина, урегулирование, США, Россия.*

Так уж устроен человек, что словосочетание «первое место» обычно вызывает позитивные ассоциации. В повседневной жизни это, увы, далеко не так. Например, на первое место по длительности среди нынешних региональных конфликтов вышел арабо-израильский, появилось даже клише — его стали называть застарелый. Ещё бы, он тянется уже более половины столетия — с 1947 г. И на протяжении этих долгих почти 70 лет он причинил страшные беды целым поколениям, принёс массу горя и разрушений, не раз его обострение или очередные арабо-израильские войны ставили весь мир на порог ядерной войны. Этот кризис продолжает постоянно отравлять общую международную атмосферу, пагубно влияет на усилия по урегулированию других региональных и международных кризисов [1; 2; 3].

Арабо-израильский конфликт с середины прошлого столетия находится в постоянно напряжённом состоянии, редкие кратковременные передышки переходят в очередные всплески насилия. 2015 г. был омрачён периодами обострения ситуации, вспышками кровопролитных столкновений.

В последние полтора года мы видим непрекращающуюся цепь насильственных действий и убийств: участились случаи нападения палестинцев на израильтян с ножами, постоянно происходят протестные выступления, ожесточённые стычки, заканчивающиеся зачастую избиениями полицией демонстрантов и арестами.

В июле позапрошлого года поселенцы похитили 16-летнего Мухаммеда абу Худейра в восточном Иерусалиме, позже было обнаружено его сожжённое тело; преступники объяснили свои действия местью за похищение и убийство трёх израильских студентов, которое произошло месяцем ранее на западном берегу реки Иордан.

18 апреля 2016 г. в Иерусалиме был взорван пассажирский автобус, пострадали более 20 человек. В первых числах мая 2016 г. на западном берегу Иордана на блок-посту, на въезде в одно из еврейских поселений, палестинец на своём автомобиле намеренно сбил троих военнослужащих израильской армии. Нападавшего застрелили на месте. В течение только последних 9 месяцев палестинцы совершили несколько десятков нападений, убив 33 израильтянина; в проведённых в тот же период военных рейдах израильской армией был убито 200 палестинцев.

А вот совсем недавние примеры из хроники июня 2016 г. В Тель-Авиве палестинец напал и убил четырех израильтян. В поселении Кириат Арба на Западном берегу палестинец нанёс смертельные раны ножом 13-летней израильтянке.

Всё это свидетельство поднявшейся с октября 2015 г. волны насилия. Тенденция стала очевидной.

События фактически идут по порочному кругу: евреи и палестинцы никак не могут примириться¹.

Одной из главных причин сохраняющейся напряжённости является продолжение нынешним израильским руководством экспансионистской политики расширения существующих и строительство новых поселений на палестинских территориях, незаконное изъятие земель у палестинцев.

В середине декабря 2015 г. городская администрация Иерусалима одобрила строительство 891 единицы жилья в еврейском квартале Гило, частично расположенном в восточном Иерусалиме. Тогда же 370 акров земли оккупированного Западного берега реки Иордан были объявлены государственной собственностью Израиля, что практически ведёт к передаче их эксклюзивно израильским поселенцам. Недавно израильское правительство одобрило планы создания новых 150 домов на незаконных поселениях Западного берега и ужесточило там свой контроль (на оккупированных Израилем территориях проживает почти 600 тыс. поселенцев). Причём эти захваты проводятся под шумок рассуждений об иранской ядерной угрозе, опасности международного терроризма и т. п.

В конце января 2016 г. тогдашний Генсек ООН Пан Ги Мун сделал в связи с этим выговор Израилю, подчеркнув, что в результате продолжения такой практики «тысячи палестинских домов на Западном берегу рискуют быть разрушенными». В ответ премьер-министр Нетаньяху обвинил Генерального секретаря в том, что он — ни больше, ни меньше — «поощряет террористов».

В первые майские дни 2016 г. заместитель начальника Генерального штаба Израиля генерал Яир Голан заявил, что наблюдает в израильском обществе признаки тенденции, напоминающей об «отвратительных процессах» в нашей собственной среде сегодня, подобные тем, что происходили в Европе вообще и в Германии в особенности 70, 80, 90 лет назад. Нет ничего легче и проще, чем ненавидеть чужого, сеять страхи и угрозы.

После подобных рассуждений Б. Нетаньяху публично обрушился с резкой критикой в адрес заместителя начальника Штаба израильской армии Я. Голана, а правые члены коалиции потребовали его отставки.

Ведущие израильские военачальники, как и многие руководители силовых структур, понимают, что политика нынешнего правого правительства в Израиле зашла в тупик. Они, похоже, острее других чувствуют, что *современный курс чреват опасностью выживания самого Израиля, и поэтому именно сегодня необходимо договориться с палестинцами, ибо в дальнейшем, с учётом явного усиления влияния мусульманских экстремистов, сделать это будет гораздо труднее, если вообще возможно*. Неслучайно в последнее время, как на Западе, так и на Ближнем Востоке, так много раздаётся голосов, предрекающих, что станция под названием «Палестинское государство» уже пройдена, а поезд уходит дальше практически в никуда, ибо без решения палестинского вопроса мира на Ближнем Востоке быть не может.

Хотя палестинская проблема остаётся центральной для арабского мира, более 20 последних лет практически серьёзного продвижения вперед не было. Израиль, по существу, отказался от Соглашений в Осло 1993 г., продолжая строительство новых поселений.

Что же касается палестинского руководства, то в настоящее время оно не способно ни изменить существующую реальность, ни предложить какие-либо новые варианты решения.

Газета «Аль Хайят» 10 мая 2016 г. в статье палестинца Маджида Кияли отмечает, что фактически проект создания независимого палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в Газе уже мёртв из-за израильского упрямства и поддержки линии Тель-Авива Соединёнными Штатами.

В этих условиях снова начались разговоры о так называемом «иорданском варианте», который предусматривает уход израильтян только с части палестинских территорий и передачу их под суверенитет Иордании. Посол Израиля С. Блоккер в статье в газете «Едиот Ахронот» (28.04.2016) назвал это «вариацией на старую тему о создании палестинско-иорданской конфедерации».

В последнее время оживились разговоры о возможности новой конфедерации — экономико-политической — в составе Израиля, Иордании и палестинцев. Эту идею, в частности, продвигает Ули Сафе, бывший Генеральный директор МИД Израиля, возглавлявший делегацию

¹ Масло в огонь подлило заявление премьер-министра Б. Нетаньяху о том, что Голанские высоты отныне и навсегда останутся израильскими и никогда не будут возвращены Сирии. Обеспокоенность накалом обстановки в связи с «неприемлемым уровнем насилия» Пан Ги Мун высказал в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 31 января 2016 г.

на переговорах в Осло в 1993 г. По его словам, этот тезис созвучен центральной осевой линии умеренных суннитов. В чем-то этот проект перекликается со структурой Бенилюкса — объединения Бельгии, Голландии и Люксембурга. То есть речь может идти о создании зоны свободной торговли, о сотрудничестве в сфере энергетики, сооружении опреснителей, о развитии туризма, в частности, в районе Мёртвого моря и строительстве путей сообщения между Иорданией и Хайфой.

* * *

После распада Советского Союза американцы активно пытались отодвинуть от посредничества в арабо-израильском конфликте других международных игроков, будь то Европейский Союз, Россия или ООН. Хотя существует квартет международных посредников, и время от времени он напоминает о себе. Всё же следует признать, что американцы в прошедшие года по существу стремились монополизировать «добрые услуги» в отношении палестинской проблемы. Не раз на высоком уровне из Вашингтона объявлялось о том, что США приложат максимум усилий, чтобы добиться прогресса в урегулировании.

Под давлением американцев прямые переговоры между израильской и палестинской сторонами были начаты в июле 2013 г. С тех пор госсекретарь Дж. Керри, пытаясь сдвинуть дело с мёртвой точки, совершил более десятка челночных поездок в регион для встреч с премьер-министром Израиля и главой Палестинской автономии, однако эта его миссия в 2014 г. закончилась провалом — палестино-израильские контакты были прерваны.

Главной причиной этой очередной неудачи американской администрации был отказ израильского правительства заморозить строительство новых поселений на оккупированных территориях, как этого требовали палестинцы в качестве условия для продолжения переговоров.

В начале марта 2016 г. Ближний Восток для встреч с израильскими и палестинскими лидерами посетил вице-президент США Дж. Байдан. По свидетельству сайта «Аль-Монитор», он пытался уговорить главу ПНА М. Аббаса возобновить переговоры с Израилем². При этом американцы, как пишет об этом палестинская газета «Аль-Кудс», привезли детальный план возможного урегулирования, по которому восточный Иерусалим объявлялся бы столицей палестинского государства, прекращалось бы строительство поселений на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме, а палестинцы бы признали Израиль в качестве еврейского государства и отказались бы от права на возвращение. Уместно здесь заметить, что палестинцы скептически относились к тому, что следующий президент США, будь то Д. Трамп или Х. Клинтон, сможет заставить израильтян прекратить оккупацию.

Провал американских попыток запустить «мирный процесс», то есть прямые переговоры между палестинцами и израильтянами, по существу, отбросил назад возможность достижения мира в этом районе. Пытаясь сохранить свою монополию на посреднические усилия между ПНА и Израилем, Вашингтон по существу препятствует любым другим усилиям, направленным на достижение компромисса. Показательным в этом плане является фактический саботаж французской инициативы в 2015–2016 гг. по созыву международной конференции по Ближнему Востоку.

Такая линия США укрепляет в Израиле позицию крайне правых и прежде всего правительства Б. Нетаньяху, который, по существу, продолжает линию на увековечивание колонизации палестинских земель, нарушая тем самым данные Тель-Авивом обязательства. В конце XX — начале XXI вв. в ходе секретных переговоров с Сирией израильтяне соглашались освободить большую часть оккупированных Голанских высот, захваченных в войне 1967 г. Однако в середине апреля 2016 г. Б. Нетаньяху, вопреки этому, заявил следующее: «Пришло время для международного сообщества признать, что Голанские высоты отныне постоянно будут находиться под израильским суверенитетом, а израильские войска никогда не уйдут из этих территорий»³.

Нельзя сказать, чтобы такое развитие событий устраивало администрацию США, особенно на фоне сложных личных отношений между президентом Б. Обамой и израильским премьер-министром. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», Б. Обама был разочарован израильским подходом и обдумывал возможность внесения в Совет Безопасности ООН проект резолюции об израильско-палестинском мирном соглашении, который предусматривал бы создание на тер-

² Why Abbas turned Biden down // Al Monitor, 16 March 2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/mahmoud-abbas-joe-biden-john-kerry-benjamin-netanyahu.html>

³ Netanyahu sinks teeth into Golan Heights // Arab News, 18 April 2016. URL: <http://www.arabnews.com/middle-east/news/911871>

ритории Палестины двух государств — арабского и еврейского⁴. Даже слухи об этом вызвали бурю в американском истеблишменте: для многих трудно понять, как американский президент будет предлагать Совету Безопасности ООН резолюцию, которую Израиль заведомо отвергает, хотя до этого Вашингтон с завидным постоянством ветоировал любые решения, неприемлемые Тель-Авиву (более 40 раз США применяли право вето).

Сенатор Джон Маккейн тогда сразу заявил, что такой подход противоречит американской политике, которая проводилась по меньшей мере при десяти президентах США. Республиканцы и демократы в Сенате объединились, протестуя против упоминания даже возможности такого подхода, особенно учитывая, что «США последовательно применяли право вето, чтобы защитить Израиль от неоправданного давления со стороны международных организаций». В итоге Б. Обама отказался от этих планов.

* * *

Вместе с тем следует признать, что американцы пропускали в Совете Безопасности резолюции, которые призывали арабов и Израиль к достижению мирного урегулирования. Так, при Л. Джонсоне было принято 7 таких резолюций, при Р. Никсоне — 15, при Д. Форде — 2, Д. Картере — 14. При администрации Рейгана число таких резолюций возросло до 21, а в 1981 г. США проголосовали за резолюцию, осуждающую израильский налёт на иракский ядерный реактор. Более того, в проекте резолюции был пункт, призывавший Израиль поставить свои ядерные объекты под международное наблюдение. Тогда же, при Д. Рейгане, был принят ряд резолюций, в которых осуждалась аннексия Израилем Голанских высот, его военная активность в Ливане, операция против «Организации освобождения Палестины» в Тунисе и его деятельность на оккупированных территориях. Кроме того, в некоторых резолюциях делалась ссылка на пункт 4 Женевской конвенции 1949 г. «О положении на оккупированных территориях» (к ним явно относился Иерусалим). Положение Конвенции гласит, что оккупирующая держава «не будет депортировать или перемещать части гражданского населения по землям, которые она оккупирует». США даже дали согласие на принятие в Совете Безопасности резолюций, в которых констатируется, что израильские поселения на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме, нарушают международное право.

При президенте Дж. Буше-ст. Совет Безопасности принял 9 резолюций, в которых действия Израиля подвергались критике. В их числе — осуждение акций израильских сил безопасности на Храмовой горе, в результате которых более 20 палестинцев были убиты, осуждение депортации палестинцев и похищение ливанских религиозных лидеров.

При У. Клинтоне были приняты 3 такого рода резолюции, а при Дж. Буше — 6. Например, резолюция от марта 2002 г. призывала к прекращению огня и выводу израильских войск из палестинских городов, которые вошли туда для умиротворения восставших. В резолюции, принятой в мае 2004 г., осуждалось разрушение Израилем палестинских домов в Газе.

При президенте Б. Обаме администрация США, в отличие от предшествующих администраций, как правило, выступала в ООН на стороне Израиля. И это, несмотря на то что правое правительство Израиля прямо бросало вызов американским мирным усилиям и осуждало заявления официальных лиц США с критикой практики расширения поселений.

В 2011 г. администрация Б. Обамы ветоировала проект резолюции относительно израильских поселений. При этом представитель США в ООН С. Райс подчеркнула тогда, что США возражают не против существа резолюции, а против того, что эта резолюция может воспрепятствовать усилиям по возобновлению мирных переговоров: администрация, видимо, надеялась, что американское вето побудит правительство Нетаньяху занять более конструктивную позицию на мирных переговорах. Однако этого не произошло.

Политика Б. Нетаньяху и на словах, и на деле, особенно это касается расширения поселений и конфискации земель, — свидетельство того, что тактика президента США была не только неэффективной, но и контрпродуктивной.

«Проект резолюции, базирующийся на создании двух государств, — писала “Нью-Йорк таймс”, — это единственный надёжный путь обеспечения безопасности Израиля, его еврейского характера и демократической сущности при гарантированной свободе достоинства и суверенитета палестинцев. Если Б. Обама хочет сохранить о себе добрую память, он должен не заи-

⁴ Friedman L. Israel's Unsung Protector: Obama // The New York Times, 10 April 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/12/opinion/international/israels-unsung-protector-obama.html>

гивать, а выступать против воинственных сил в Израиле и США и отстаивать американские интересы по установлению мира на Ближнем Востоке: тем самым он не будет предавать Израиль, а останется самым его верным другом и будет продолжать линию всех президентов США, начиная с 1967 г.»⁵.

В начале декабря 2015 г. обострились американо-израильские отношения: это было вызвано заявлением госсекретаря США Дж. Керри о том, что сложившаяся в Израиле ситуация ведёт к формированию «двунационального государства». Нетаньяху в ответ категорически отверг такую возможность. Сказались и плохие личные отношения между Б. Нетаньяху и Б. Обамой (израильский премьер не раз демонстрировал неуважение к американскому президенту). Особый раздражитель для Тель-Авива — отмена санкций против Ирана. Позиции сторон принципиально разошлись в оценке Соглашения по Иранской ядерной программе от 15 июля 2015 г.

В 2010–2012 гг. (в правительстве Нетаньяху министром обороны тогда был Э. Барак) казалось, что Израиль действительно может нанести удар по Ирану. На самом деле, как писала газета «Маарив», такой цели не было, всё это было только хорошо разыгранным спектаклем, чтобы заставить американцев ввести дополнительные санкции против Ирана (для этого израильтяне обхаживали Россию: по требованию Москвы они прекратили поставлять оружие Грузии; Израиль и Иран оказались в числе немногих стран, не осудивших присоединение Крыма к России)⁶.

Премьер Б. Нетаньяху без устали повторяет, что международное сообщество совершило стратегическую ошибку, позволив Тегерану получить доступ к замороженным ранее активам в западных банках. При этом он осторожничает в том, что касается США, воздерживается от публичной критики в адрес Белого дома. Это объясняется обещанием американской администрации предоставлять Израилю ежегодную помощь в 3–4 млрд долл., а также новый пакет военных поставок в качестве компенсации за «уступки Запада».

За 65 лет своего существования Израиль создал мощную военную машину: в настоящее время израильские вооружённые силы представляют собой эффективную и находящуюся на современном уровне организацию, располагающую продвинутым оружием и технологиями. Совершенно очевидно, что Израиль не может быть ликвидирован путём силы. К тому же он имеет и ядерный выбор, что является ещё одним напоминанием о тщетности попыток разрушить еврейское государство.

Экономическая и военная мощь Израиля способствует его превосходству над арабами. Помимо установившейся репутации производителя первоклассного военного оборудования, Израиль преуспел в области сельского хозяйства, медицины, коммуникаций и высоких технологий.

Признанием экономических достижений стало принятие Тель-Авива в эксклюзивный клуб Организации экономического сотрудничества и развития. Международный валютный фонд высоко оценил развитие израильской экономики и выразил уверенность в долгосрочных перспективах. Открытие крупных месторождений газа в Средиземном море позволят Израилю значительно усилить экономический потенциал, достичь независимости в области энергетики и стать к 2017 г. экспортёром природного газа.

Военное превосходство Израиля, наряду с другими факторами, привело к снижению остроты арабо-израильского конфликта. Последнее военное столкновение с применением обычных вооружений, в том числе самолётов и танков, имело место в 1982 г., а начавшийся затем мирный процесс заметно снизил шансы нового крупного арабо-израильского конфликта с применением обычных видов оружия.

В начале марта 2016 г. Б. Нетаньяху обратился с просьбой о встрече с Б. Обамой. И тут произошёл казус: когда Белый дом дал согласие, премьер Израиля аннулировал свой визит в Вашингтон, причём это было сделано не в форме протокольного письменного обращения к президенту США, а через средства массовой информации, в которых проскочило замечание, что Нетаньяху рассчитывает добиться большего взаимопонимания с новым хозяином Белого дома.

Одной из главных причин непримиримости израильской позиции является огромная, больше, чем для какой-либо другой страны, экономическая и военная помощь Израилю: с 1978 г.

⁵ Friedman L. Israel's Unsung Protector: Obama // The New-York Times, 10 April 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/12/opinion/international/israels-unsung-protector-obama.html> Примечательно, что, по свидетельству американского издания «Реальный ясный мир» (16.02.2016), все республиканские кандидаты в президенты ругали Б. Обаму за то, что «он бросил Израиль под автобус».

⁶ Мельман Й. Закрытое небо: израильская политика по отношению к России закончилась плевком в лицо // Иносми.ру. 2015. 21 апреля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150421/227629272.html>

и по настоящее время её ежегодный объём составлял 3,1 млрд долл. (она будет продолжаться до 2018 г.). Учитывая мощь и влияние израильского лобби в Америке, Вашингтон, несмотря на жёсткую критику Соглашения об иранской ядерной программе со стороны Израиля, обещал не только сохранить, но и расширить поддержку Израиля, особенно в том, что касается обеспечения его безопасности. Власти США не раз подтверждали своё обязательство поддерживать военное превосходство Израиля над другими странами региона: в этой связи Тель-Авиву были обещаны новые поставки современных видов вооружений для обеспечения его безопасности. Речь идёт о передаче самолетов F-35 (невидимых для радаров), а также о сотрудничестве в области систем противоракетной обороны и кибербезопасности.

Стороны ведут переговоры о заключении нового соглашения в этом плане сроком на 10 лет, при этом общий объём американской помощи должен превысить 4 млрд долл. в год. Следует отметить, что жёсткая позиция Нетаньяху, требующего лишь новой помощи и поддержки, вызывает критику со стороны части американского политического класса. Например, газета «Нью-Йорк таймс» резко критикует позицию Нетаньяху, подчёркивая, что он упустил и упускает много возможностей для достижения подлинного мира. А ведь речь идёт «о медленном, но неумолимом отмирании возможности решения ближневосточного конфликта на принципе двух государств»⁷.

* * *

Тупик в арабо-израильских переговорах, отсутствие реальной перспективы усиливает разногласия в палестинском руководстве, критику в адрес 81-летнего М. Аббаса, что в итоге может привести к развалу Палестинской национальной автономии. По данным недавнего опроса Палестинского центра политических и социологических исследований, 65 % палестинцев высказываются за отставку М. Аббаса.

Серьёзной остаётся и ситуация в Секторе Газа (с 2007 г. управляемого организацией ХАМАС). Египет обещает открыть границу с Сектором только в случае, если пограничные переходы будут находиться под контролем сил безопасности правительства Палестинской автономии, где ведущие позиции сохраняет организация Фатх (обе фракции находятся в конфликте). Между тем Израиль не снимает блокаду Сектора Газа. В результате «этот район превратился в обнищавший и изолированный анклав с преимущественно молодёжным населением и безработицей в 43 %»⁸.

Неудивительно, что в среде палестинцев и особенно среди молодёжи растут настроения пессимизма, отчаяния, опасения, что отобранные у них земли не будут возвращены, не станут частью их будущего государства, и «жёсткая, унижающая их оккупация» будет увековечена. В поисках выхода из этого положения многие оказываются вовлечёнными в исламские экстремистские группировки.

Глубоким внутренним разладом поражено и израильское общество. При этом главный раскол, который имеет большое социальное, культурное и политическое измерение, — между светскими и религиозными силами. Несмотря на усилия смягчить последствия растущего отхода светских сил от традиционных ценностей и еврейской культуры, Израиль находится в середине цивилизационной борьбы. Впрочем, положение здесь несильно отличается от поиска идентичности западных обществ.

Другой социальный разлад по линии ашкенази-сефарды стал менее заметным, чем в прошлом, растёт число смешанных браков. Увеличилось число политиков-сефардов на местном и национальном уровнях, а также в рядах вооружённых сил.

Сохраняется напряжённость между вновь приехавшими и коренным населением, но она не усиливается. Большинство иммигрантов из бывшего Советского Союза, несмотря на некоторые трудности, полностью интегрированы; процесс интеграции постепенно охватывает и эфиопских евреев.

На парламентских выборах в марте 2015 г. правящая партия «Ликуд» разгромила оппозицию и получила 30 дополнительных мест в Кнессете. Б. Нетаньяху начал свой четвёртый срок в должности премьер-министра, сформировав коалицию с другими правыми партиями, пред-

⁷ Mr. Netanyahu's lost opportunities // The New-York Times, 14 March 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/03/14/opinion/mr-netanyahus-lost-opportunities.html?_r=0

⁸ Чеслов Д., Дельфинов А. Затянувшийся конфликт на Ближнем Востоке: надежды нет? // Deutsche Welle. 2015. 29 декабря. URL: <http://www.dw.com/ru>

ставляющими израильских поселенцев и ультрарелигиозные общины. Положение в целом осложняется в связи с тем, что в самом Израиле растут настроения в пользу аннексии значительной части палестинских территорий. Весьма примечательно, что даже лидер оппозиции Исаак Герцог заявил в середине января 2016 г., что «решение израильско-палестинского конфликта на базе двух государств уже не реалистично», чем вызвал бурю даже в рядах своей собственной партии «Сионистский союз». В итоге получается, что левоцентристский лидер занимает более непримиримую позицию, чем даже премьер-министр Нетаньяху.

Сколь бы парадоксальным это ни могло показаться, но с более реалистических позиций выступают руководители силовых ведомств Израиля и органов безопасности. Для сотен бывших генералов и офицеров этих организаций создание палестинского государства не только возможно, но и жизненно необходимо, иначе Израиль может потерять свою еврейскую идентичность, если включит в состав своего государства Западный берег и восточный Иерусалим⁹. По мнению генерала Ш. Брома из Института проблем национальной безопасности, вопрос заключается не в численности поселенцев, а в их разбросанности на территории Западного берега. По его словам, большинство поселенцев — это «не идеологические борцы», но вынужденные переселенцы, обосновавшиеся на оккупированных землях в силу обстоятельств. Значительная часть этих ультраортодоксов состоит из русских евреев и других семей, которые пользуются финансовой поддержкой, и они будут готовы уехать в случае, если им будет предложена компенсация.

Последние 15 лет израильтяне постоянно утверждали, что у них нет реального партнёра по мирным переговорам. Ныне позиции президента М. Аббаса ещё более ослабли (на Кэмп-Дэвидской встрече 2000 г., когда Я. Арафат отказался от предложения Э. Барака, самого «щедрого», которое когда-либо делал израильский лидер). Сейчас Нетаньяху и его министры обвиняют Аббаса, что он провоцирует насилие. Между тем, нынешний глава Шин-Бет Йорам Кохен и руководитель военной разведки генерал Герцль Халеви утверждают иное, подчёркивая, что именно отчаяние толкает палестинцев на путь террора, а вовсе не М. Аббас.

Бывшие руководители Службы безопасности вообще предлагают приостановить строительство некоторых заграждений, переселить поселенцев из изолированных деревень и даже передать новые территории палестинцам, особенно из числа тех, которые находятся под контролем Израиля на Западном берегу в одностороннем порядке. Цель этих предложений — сохранить на плаву идею создания двух государств — еврейского и палестинского. Бывшие генералы и сотрудники разведки полагают, что решается и проблема Иерусалима.

В частности, Уди Дэкель, генерал-майор в отставке, возглавлявший секцию переговоров в правительстве Ольмерта, считает необходимым компромисс по вопросу территории Иерусалима¹⁰. С этим заявлением он выступил 5 июня 2016 г. на пресс-конференции в центре «Штейн Мецца» в университете Телль-Авива по случаю публикаций двух книг: «Шансы установления мира: упущенные возможности арабо-израильского конфликта» (автор Эли Подэх) и «Израильские мирные усилия с 1967 года: факторы, стоящие позади прорывов и провалов» (автор Галиа Голан). Дэкель предупредил, что сегодняшние возможности для дипломатических переговоров завтра могут закрыться, и оптимальным является создание палестинского государства, наряду с еврейским.

По мнению Дэкеля, сейчас есть шесть возможных вариантов развития¹¹:

1) Передача палестинцам разумного проекта плана окончательного урегулирования, базирующегося на параметрах Клинтона и предложениях Ольмерта (с учётом всех прежних договорённостей), это даст возможность быстро приступить к переговорам.

⁹ Ziv G. Don't give up on two-state solution // CNN, January 28 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/28/opinions/two-state-solution-ziv>. В конце 2013 г. в американском журнале «Мидл ист квотерли», который известен своим аргументированным отстаиванием сионистских идей, появилась статья Эфраима Инбара, профессора политических наук университета Бар-Илан, под заголовком «Время работает на Израиль». В ней он пытается в соответствии с линией нынешнего правительства опровергнуть утверждение левых сил и доказать, что баланс сил между Израилем и его соседями на ближайшее время не изменится: он, как и раньше, будет в пользу Израиля. Между тем, демографические тенденции никто не отменял, и в самое ближайшее время число арабов, проживающих в самом Израиле и на оккупированных территориях, превысит численность евреев.

¹⁰ Примечательно, что 7 июня 2016 г. на слушаниях в комитете Кнессета по международным делам и обороне итальянский демограф Серджио Дэлла Пергола подчеркнул, что ныне евреи составляют только 52 % Израиля, а в течение ближайших десяти лет ситуация коренным образом изменится и палестинцев будет гораздо больше. Если из этих 52 % исключить бывших выходцев из СССР, которых по закону не признают евреями (не рождены еврейской матерью), тогда о еврейском большинстве уже говорить не придется.

¹¹ Eldar A. Israel's six options for peace // Al Monitor, 14 June 2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/06/israel-palestinians-final-status-agreement-options-abbas.html>

2) Отказ от подхода «Прежде, чем о чём-либо договариваться, нужно договориться об окончательных параметрах» и стремление вместо этого к соглашениям по наиболее приемлемым вопросам (обмен территориями, меры в области безопасности) с постепенным изменением статуса зоны «С» (под израильским гражданским и оборонным контролем) и зоной «А» (под палестинским гражданским и оборонным контролем) и постепенной эвакуацией незаконных поселений, в соответствии с Соглашениями Осло.

3) Реанимация «Дорожной карты» 2003 г., включая «замораживание» израильских поселений и признание палестинского государства во временных границах (хотя бы по линии заграждений).

4) Односторонний вывод израильских войск по линии заграждений с достижением соответствующего соглашения.

5) Начало переговоров с палестинцами на базе Арабской мирной инициативы 2002 г. и достижение мирных соглашений с ведущими арабскими странами.

6) Отвод войск Израилем в одностороннем порядке с Западного берега и эвакуация 120 тыс. беженцев, проживающих за пределами основных поселений на Западном берегу.

Самым худшим сценарием, по словам Дэкеля, является боязнь риска достижения конструктивной цели: Альберт Эйнштейн говорил, что совершать одни и те же действия и ожидать, что будут разные результаты, — это безумие.

В целом в Израиле многие осознают, что дальнейшее затягивание конфликта и оккупации чреваты серьёзными вспышками насилия, а нынешний тупик архипоопасен, поскольку может привести к новой волне террора и убийств.

* * *

Последние шесть лет Ближний Восток сотрясают бурные события. Пожалуй, главным итогом всех этих изменений является появление на авансцене исламистского терроризма в качестве основной опасности.

Конфликтные ситуации в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене, многочисленные теракты, общее осложнение международной обстановки в какой-то степени отодвинули арабо-израильский конфликт на второй план. В итоге ситуация в палестино-израильском урегулировании деградирует, принцип «двух государств» размывается, а обстановка на местах остаётся весьма взрывоопасной¹².

Сегодня большинство объективных наблюдателей считают, что геополитическое положение Израиля укрепились только на весьма короткое время, а проблем и вызовов, с которыми будет сталкиваться Тель-Авив, стало намного больше. Действительно, после войны 1948–1949 гг. Израиль ощущал постоянную опасность со стороны арабского мира. Ситуация резко изменилась после его победы в «Шестидневной войне» 1967 г. Подписав в 1979 г. мирный договор с Египтом, на том этапе Израиль оградил себя от опасности нападения со стороны арабов. Однако среди израильтян сохранялась обеспокоенность в связи с тем, что установление дипломатических отношений с Каиром не привело к нормализации связей с другими арабскими странами.

Соглашения Осло 1990-х гг. формально нормализовали отношения с Иорданией и Палестиной, но следует учитывать, что Палестина — это не государство, а Палестинская национальная автономия.

Израилю удалось наладить неформальные отношения с некоторыми арабскими странами — Марокко, Тунисом, монархиями Персидского залива, однако идея ликвидации Израиля как чужеродного образования на их исконных землях сохраняет для арабов и в целом мусульман силу идеала, конечной цели. Вторая Интифада фактически разрушила соглашения Осло, привела к новому витку напряжённости с арабским миром. Именно тогда на конференции в Дурбане была принята резолюция, квалифицировавшая сионизм как расизм. Вслед за этим участились призывы к бойкотам, санкциям, и это движение обрело новый импульс. Три ассиметричные войны с ХАМАС с 2006 г. и одна с «Хизбаллой» усилили нажим на Израиль с требованием создать реальное палестинское жизнеспособное государство. Израиль вновь, как это было в 1970-х — 80-х гг., стал своего рода парией в мировом сообществе.

Чтобы понять логику израильских действий, полезно обратиться к статье в издании «Аль-Монитор» от 26 апреля 2015 г., в которой Ури Савир пишет, что «Нетаньяху уверен в прочности сво-

¹² Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ относительно палестино-израильского урегулирования. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2287920

их позиций. Он рассматривает президента Б. Обаму как левого либерала, слабого и наивного, и исходит из того, что его отношения с любым другим президентом США будут лучше. Нетаньяху планирует восстановить диалог с американской администрацией, уверенный в том, что США применят право вето против любой резолюции о создании палестинского государства. Нетаньяху весьма невысокого мнения о палестинском лидере М. Аббасе и полагает, что он зависит от Израиля в плане обеспечения внутренней безопасности по отношению к ХАМАСУ и с учётом состояния палестинской экономики.

Нетаньяху планирует продолжать стратегию «разделяй и властвуй», поскольку убежден, что арабы расколоты между фанатическими террористами и слабыми авторитарными режимами: Израиль может успешно противостоять первым и создавать полезные альянсы со вторыми, будь то Египет или Иордания.

Палестинская проблема в его глазах — это отражение внутриарабской борьбы: Израиль должен бороться с ХАМАС, добиваясь того, чтобы уязвимый М. Аббас зависел от него.

Будущее палестинское государство, по оценке израильского премьера, будет захвачено ХАМАС, поэтому оно станет образованием, которое будет понимать только язык силы, — опыт прошлого показывает, что трудности оккупации и прав человека, занимают очень мало места в лексиконе этих бойцов.

Нетаньяху не разделяет мессианских настроений поселенцев, он считает их лишь инструментом для предотвращения создания палестинского государства, поэтому планирует продолжать стратегию постоянного и систематического расширения поселений. По его мнению, «это стратегическая линия работала в прошлом, она будет работать и в будущем».

* * *

Хотя отношения США с Израилем порой приобретают напряжённый характер, тем не менее, в основе их связей лежит твёрдое обязательство Вашингтона сохранять военное превосходство Израиля (качественное военное превосходство, по сравнению с соседями). Израиль является крупнейшим получателем американской военной помощи со времен Второй мировой войны.

В 2018 г. истекает срок обязательств по Кэмп-Дэвидской сделке, в соответствии с которой Израиль ежегодно получал порядка 3 млрд долл. военной помощи.

В первые месяцы 2016 г. начались американо-израильские переговоры относительно продления этого пакета помощи. Для того чтобы умиротворить израильских «ястребов», особенно на фоне их критики Соглашения по иранской ядерной программе и с учётом плохих личных отношений Обамы с Нетаньяху, речь идёт о том, чтобы подписать соглашение на более щедрых условиях.

По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс» 30 апреля 2016 г., американцы предложили на 10 лет поставку новых вооружений на 40 млрд долл. (то есть уже по 4 млрд долл. в год), однако израильтяне настаивают на больших суммах, используя при этом своё влияние в конгрессе: 81 сенатор США от Республиканской и Демократической партий подписали письмо к Б. Обаме с требованием «заключить более внушительное соглашение о военной помощи»¹³.

Между тем, по сведениям, просочившимся в американскую прессу, Б. Нетаньяху считает, что этот беспрецедентный пакт о военной помощи лучше и выгоднее для Израиля заключить с новым президентом Америки, а не с Обамой.

Примечательно, что, выступая в мае 2015 г. в израильском посольстве на мероприятии по случаю очередной годовщины независимости Израиля, вице-президент Д. Байден сказал: «в следующем 2016 г. мы поставим в Израиль наши лучшие многоцелевые истребители F-35: таким образом, он будет единственным государством Ближнего Востока, обладающим истребителями пятого поколения» (первые 19 самолётов Израиль приобрёл в 2010 г. Сумма контракта составила 2,75 млрд долл. В 2015 г. был подписан контракт на покупку ещё 15 таких истребителей за примерно 3 млрд долларов. Д. Байден заверил, что США гарантируют «качественное преимущество» Израиля в регионе).

Само существование Израиля как еврейского государства вызывает гнев большинства арабов. Тем не менее, Израиль стал неотъемлемой частью регионального статус-кво, и речи о том, чтобы стереть его с политической карты мира, более не ведутся. Это фактически было признано арабской (саудовской) мирной инициативой 2002 г. Более того, крупные суннитские го-

¹³ Предположительно речь идёт о новейших системах вооружений, самолётах нового поколения F-35, элементах противоракетной обороны, а также современных бомбах для поражения подземных бункеров.

сударства — Саудовская Аравия, Египет, княжества Персидского залива — подчас смотрят на Израиль как на союзника де-факто: общей платформой для этого являются опасения в отношении Ирана.

В последнее время к этому добавился и страх развала государственности, особенно под напором экстремистских исламистских движений, таких как запрещенные в России «Аль-Каида» и «Исламское государство» (ИГИЛ). Ситуация в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене каждодневно напоминает арабским правителям об угрозах, которым подвергаются стабильность, безопасность во всем регионе. Общая сумятица отодвигает борьбу с Израилем на второй план. «Хизбалла», может быть, действительно имеет сто тысяч ракет, направленных на Израиль, но её руки связаны конфликтом в Сирии».

В поисках выхода из кажущегося безнадёжным тупика в ближневосточных делах некоторые эксперты в рамках поиска нетрадиционных развязок предлагают обратить внимание на появившуюся в конце 2014 г. книгу под названием «Одна земля, два государства: Израиль и Палестина как параллельные государства». Её авторы — шведский дипломат Матиас Моссберг и американский ученый Марк Левин — имеют большой опыт работы в странах Ближнего Востока. В основе их концепции «параллельных государственных структур» — новая идея о роли государства как «отвечающего прежде всего за проблемы граждан, и только потом — вопросы территории». В их понимании палестинцы и израильтяне могли бы жить на одной земле, а их личные и национальные права защищались бы, соответственно, израильскими и палестинскими структурами, независимо от прямого места жительства. Разумеется, эта идея не может быть черновиком для постоянного соглашения, она лишь предполагает необходимость интеллектуального выхода из сложившегося тупика и, в конце концов, может помочь предотвратить новую войну.

Для выхода из тупика на Ближнем Востоке необходимы новые свежие идеи, считает и известный ливанский публицист Рами Хури¹⁴. «Иначе, — пишет он, — мы можем остаться в замкнутом кругу, который ведёт к бесконечному политическому экстремизму, воинственной религиозности и усиливающемуся отчаянию с двух сторон, которое рождает только постоянные ракетные обстрелы и смерть»¹⁵.

Практика расширения израильских поселений усиливает чувство гнева и безысходности у простых палестинцев. Они не видят выхода из создавшегося тупика, особенно на фоне того, что палестинская проблема, которая долгое время была центральной, сейчас отодвигается на второй план у общественного мнения всего международного сообщества и даже арабских государств, которые все больше обеспокоены гражданской войной в Сирии и борьбой против ИГИЛ. (Характерно, что средний возраст палестинцев, убитых в последних террористических и насильственных актах, составляет 19 лет¹⁶).

Отчаяние охватывает и палестинское руководство. Журнал «Ньюсуик»¹⁷ писал, что палестинское руководство серьёзно рассматривает возможность аннулирования соглашений в Осло — договорённости о мире с Израилем, подписанных в 1993—1995 гг. (эти соглашения содержали программу мирного урегулирования с целью осуществления «права палестинского народа на самоопределение»; на базе этих соглашений была создана Палестинская национальная администрация).

В соответствии с опросом, проведённым Вашингтонским институтом ближневосточной политики (Дэвид Поллок опубликовал этот доклад в июле 2015 г.), ни политика, ни религия не являются больше основным приоритетом для палестинцев. На Западном берегу 44 % опрошенных заявили, что хотели бы «иметь достаточно денег для комфортной жизни», а 34 % — «счастливую семейную жизнь». В Газе за первый вариант высказалось 31 %, а за второй — 34 %. Только 14 % жителей Западного берега и 24 % Газы выбрали в качестве приоритета создание палестинского государства и только 12 % на Западном берегу. 19 % селения в Газе считают главным быть

¹⁴ Khoury R. G. New ideas to the end the Palestine stalemate // The Daily Star, 25 April 2015. URL: <http://www.dailystar.com.lb/Opinion/Columnist/2015/Apr-25/295686-new-ideas-to-end-the-palestine-stalemate.ashx>

¹⁵ Сама идея в принципе не нова. Йоси Бейлин, который был заместителем министра иностранных дел в кабинете Ицхака Рабина, обсуждал с одним из Палестинских лидеров Фейсала Аль-Хусейни возможность создания израильско-палестинской конфедерации вместо классического решения о двух государствах (сам Бейлин писал об этом одной из израильских газет 14 мая 2015 г.).

¹⁶ Khoury R. G. O Jerusalem, we will not forget you // The Daily Star, 21 October 2015. URL: <http://www.dailystar.com.lb/Opinion/Columnist/2015/Oct-21/319609-o-jerusalem-we-will-not-forget-you.ashx>

¹⁷ Moore J. Palestinian leadership considers annulling Oslo peace accords with Israel at U.N. // Newsweek, 8 September 2015. URL: <http://europe.newsweek.com/palestinian-leadership-considers-annulling-oslo-peace-accords-israel-u-n-332611>

«добропорядочным верующим». Только 30 % палестинцев активно лоббируют идею палестинского государства. Авторы опроса делают вывод, что палестинцы с годами становятся всё более прагматичными.

С другой стороны, для многих израильтян и палестинцев нынешний статус-кво становится неприемлемым. По мнению популярного израильского писателя Амоса Оза, — его называют совестью либерального Израиля, — нестабильность в социальной, политической, экономической сферах тревожит многих израильтян, которые считают, что их государство превращается в изолированное гетто, а именно этого хотели избежать его отцы-основатели. Распространённым является мнение, что если идея двух государств в ближайшее время не будет воплощена в жизнь, то в конце концов останется одно государство, и оно будет арабским. Другой вариант — это создание израильской диктатуры, скорее всего, религиозно-националистической, притесняющей как палестинцев, так и еврейских оппонентов.

В мире ширится сочувствие к палестинцам. Всё больше европейских правительств и парламентов высказываются за признание палестинского государства. Многие говорят о том, что нужно принять резолюцию, которая заставила бы Израиль уйти с оккупированных территорий в 2017 г.

С точки зрения международного права территория и границы Израиля окончательно не определены (ряд израильских юристов вообще считает, что территория не является обязательным элементом государства).

Резолюция ГА ООН 181/11 от 29 ноября 1947 г., которая не была признана арабскими странами, остаётся единственным международно-правовым документом, в котором зафиксирована территория еврейского государства.

Суверенная территория Израиля, сложившаяся в результате войны за независимость 1949 г. (признана де-факто большинством стран мира), равна 20 770 кв. км, из которых 2 % заняты водой.

Территория, на которую позже был распространён суверенитет Израиля, включая восточный Иерусалим и Голанские высоты, равна 22 072 кв. км.

Полная площадь территории, контролируемой Израилем, включая Палестинскую автономию и территории, занятые во время «Шестидневной войны», составляют 27 799 кв. км.

Египетско-израильская граница была установлена по линии мандатной территории Палестины и закреплена Договором 26 марта 1979 г.

Иордано-израильская граница зафиксирована Договором от 26 октября 1994 г. по линии, проложенной между британской подмандатной Палестиной и Эмиратом Трансиордания.

Границы Израиля с Ливаном и Сирией официально не проведены.

Ирина Алкснис писала на сайте «Взгляд»¹⁸: «Основное соотношение сил времен «холодной войны»: СССР — за арабов, США — за израильтян, давно утратило свою актуальность. Однако благодаря системной трансформации, которую переживает ближневосточный регион, израильские дела «хуже некуда»: за 70 лет своего существования государство Израиль намертво испортило отношения со своими мусульманскими соседями, причём до такой степени, что «голубой» мечтой арабского мира является его ликвидация, и ныне шанс для этого неиллюзорно забрезжил. В ситуации полномасштабного хаоса и системной перестройки региона стереть с лица земли небольшое государство, попутно вырезав его население, задача вполне решаемая, особенно, когда это государство лишается высокого покровительства, которое и обеспечивало все последние десятилетия его существование».

Никто не спорит с тем, что граждане Израиля сотворили «чудо», в кратчайшие сроки построив успешное высокоразвитое государство в пустыне, никто не оспаривает мужество израильских армии и спецслужб, но всё это стало возможным благодаря серьезнейшей внешней поддержке.

Но сейчас американцы отступают с Ближнего Востока, а отношения со странами настолько осложнились, что уже привычными стали всякие скандальные демарши, вроде отказа израильского премьера встречаться с американским президентом.

Вряд ли стоит питать иллюзии, что в ситуации, когда у США на карте стоит судьба собственной страны, они озаботятся спасением своей креатуры-сателлита на другом конце глобуса. Спасение утопающих по-прежнему является делом самих утопающих.

¹⁸ Алкснис И. Россия принимает роль гаранта существования государства Израиль // Взгляд. 2016. 8 июня. URL: <http://vz.ru/columns/2016/6/8/815005.print.html>

А вот какого мнения придерживается по этому вопросу корреспондент агентства «Франс-Пресс» (в передаче из Иерусалима 19.12.2014): «Идея двух отдельных государств — израильского и палестинского, живущих в мире друг с другом, была в основе всех сложнейших переговоров об урегулировании ближневосточного конфликта. Однако этот проект сейчас далёк от реальности, как и много десятилетий назад. Это побуждает крайне правых в Израиле всё более активно отстаивать проект создания одного государства, предусматривающего аннексию в состав Израиля большей части Западного берега реки Иордан». (По данным опроса, проведённого в июне 2014 г. исследовательским центром «Пью», 45 % израильтян и 60 % палестинцев «на Западном берегу» полагают, что Израиль и палестинское государство не могут мирно сосуществовать).

Среди самых энергичных поборников этой альтернативы Нафтали Беннет — лидер твердой партии «Еврейский дом» и соперник Нетаньяху. Он прямо говорит, что «отход к границам 1967 года был бы для Израиля национальным самоубийством».

По мнению Беннета, вывод войск из Сектора Газа в 2005 г. был ошибочным, ибо как следствие он станет «раем» для террористов. Беннет предлагает аннексировать 60 % Западного берега, а 40 % оставить под управлением палестинцев. Израильский президент Р. Ривкин открыто выступает за аннексию всего Западного берега и предлагает всем палестинцам предоставить израильское гражданство.

Сами палестинцы, которые живут в Израиле, считают, что их права подвергаются дискриминации. Израильтяне же со своей стороны считают, что создание одного государства приведёт «к засилью арабов».

Египтяне, вслед за объективными израильскими учёными, делают вывод о том, что нынешнее правительство Б. Нетаньяху является самым «правым» в истории Израиля¹⁹. Несмотря на это, египтяне проводят зондажи относительно возможности организации трёхсторонних встреч (египтян, израильтян и палестинцев) в Каире с тем, чтобы попытаться запустить мирный процесс. (Министр иностранных дел Египта С. Шукри, побывавший 10 июля 2016 г. впервые за 10 лет в Израиле, призвал Израиль в ходе встречи с Б. Нетаньяху выполнять достигнутые с Палестиной договорённости по мирному урегулированию на основе принципа «два государства — для двух народов», предложив в этой связи посредническую помощь Каира).

На общем фоне сумятицы, шараханий, двусмысленностей позиция России по комплексу арабо-израильского конфликта традиционно чёткая, последовательная и дальновидная.

Кажется очевидным, что наконец-то должна быть проявлена политическая воля и предприняты действия по выводу этого конфликта из тупика и передвижения его на рельсы справедливого урегулирования. В ходе недавнего визита в ОАЭ С. В. Лавров особо остановился на этом вопросе, подчеркнув необходимость «за всеми животрепещущими проблемами региона, которые занимают основное внимание мировых СМИ, не забывать о застарелых конфликтах, прежде всего, палестино-израильском». «Мы привержены всем решениям ООН по всеобъемлющему ближневосточному урегулированию, — сказал министр. — Рассчитываем, что в ближайшее время удастся провести очередную встречу «квартета» международных посредников в сотрудничестве с ЛАГ с тем, чтобы понять, где находятся международные усилия по содействию палестино-израильскому урегулированию и что необходимо для этого предпринять».

Is Arab-Israeli Settlement Possible In the Lifetime of Present Generation?

Veniamin Popov, Director, Civilizations' Partnership Center,
Institute for International studies, MGIMO University,
119454, 76 Vernadsky ave., Moscow. E-mail: ven_popov@mail.ru

Summary. The article investigates prospects for the settlement of the Arab-Israeli conflict. In the detailed consideration of the actual state of affairs, the author refers to the history, showing how certain decisions influenced the development of the situation. Special attention is paid to the US policy in the region. The chances of a peaceful settlement are also analyzed.

Keywords: Middle East, Arab-Israeli conflict, Israel, Palestine, settlement, United States, Russia.

¹⁹ Eleiba A. Reviving the Arab Peace Initiative // Al Ahram Weekly, 7 June 2016. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/16571/19/Reviving-the-Arab-Peace-Initiative.aspx>

Литература / References

1. *Крылов А. В.* Генезис и эволюция израильской поселенческой политики. Цели, формы и методы. — Саар-брюккен: Palmarium Academic Publishing, 2013. — 547 с.
2. Возможен ли мир на Ближнем Востоке? Сборник статей / Под ред. *В. В. Наумкина, В. В. Попова*. — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 204 с.
3. *Федорченко А. В.* Территориальный «гордиев узел» в палестино-израильском конфликте // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. № 3 (36). — С. 311–313.

Ю. Н. Зинин

Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты

Юрий Николаевич Зинин, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра партнёрства цивилизаций Института международных исследований
МГИМО МИД России. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: zinin42@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые аспекты современных отношений Ирана с шестью арабскими странами, входящими в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), существующий с 1981 г.*

Особое внимание уделено состоянию ирано-саудовских отношений, ухудшение которых началось после исламской революции 1979 г. в Иране. Сегодня они находятся на самом низком уровне после их разрыва в 2016 г. Уже ряд лет обе страны опосредованно вовлечены в конфликты на Ближнем Востоке, будь то Сирия, Йемен, Ливан или Ирак.

В статье освещаются торгово-экономические, политические и прочие связи Тегерана с остальными членами ССАГПЗ и их перспективы. Рассматривается также влияние суннитско-шиитского фактора на политику правящих элит в регионе, а также попытки использования религии в политической борьбе различных сил ближневосточного пространства.

***Ключевые слова:** Саудовская Аравия, Иран, отношения, конфликты, Сирия, Йемен, Ирак, арабская весна, шииты, сунниты, ислам, ИГИЛ.*

Отношения между Ираном и шестью арабскими странами Персидского залива представляют особый интерес ввиду огромного геополитического значения региона, а также специфики экономических связей в наступившую эпоху глобализации.

В регионе, расположенном на перекрёстке Азии, Африки и Европы, сосредоточено более 40 % всех мировых запасов нефти и проходят важнейшие нефтетранспортные артерии. За последние годы ежедневно страны «шестёрки» добывали в среднем 17,5 млн барр. нефти. В 2013 г. их доходы составляли 729 млрд долл. Общие золотовалютные запасы этих стран оцениваются МВФ в 2,5 трлн долл.¹, что составляет немалую часть мировой финансовой системы.

Классически, зона Персидского залива рассматривается с позиции энергетических интересов многих стран мира, в том числе Запада — наиболее заинтересованных импортеров местных энергоресурсов. В настоящее время регион является одним из крупнейших покупателей на мировом рынке оружия и военной техники, куда поступает одна треть всего импортируемого мирового объема оружия.

Все страны региона, так или иначе, подвержены угрозам и вызовам «арабской весны», начавшейся шесть лет назад. Одним из её последствий стали конфликты нового типа. Главное их отличие связано с большим числом как местных, так и глобальных игроков в регионе и их зависимостью от трансформирующихся отношений в обществах. В шести арабских монархиях Персидского залива проживает около 44 млн человек, а в современном Иране — более 75 млн

¹ Хасан, Омар. Тяжелые времена для стран — членов ССАГПЗ // Middle-east-online. December 19, 2014 (на араб. яз.). URL: <http://www.middle-east-online.com/english/?id=69347>

Воды Персидского залива на 45 % омывают берега ИРИ².

В настоящее время отношения Ирана с этими странами находятся под воздействием самых разных факторов: от региональных и общеарабских, до узко специализированных двусторонних. После трёх десятилетий изоляции, вслед за заключением сделки по Иранской ядерной программе (ИЯП) в 2015 г., иранская дипломатия значительно активизировалась, особенно в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ), существующего с 1981 г., куда входят все шесть арабских стран Персидского залива.

При помощи ССАГЗ осуществляется выработка актуальных позиций по широкому кругу вопросов, в том числе внешней политики, обороны, нефтегазовой повестки и т. д.

Среди членов ССАГЗ существует заметная дифференциация и несоразмерность по ряду ключевых показателей: от территории и численности населения, до больших разрывов в объёмах добычи углеводородов. Также присутствуют территориальные разногласия. Всё это влияет на характер внешнеполитических интересов и амбиции каждого правителя из «Аравийской шестёрки»: от маленького Бахрейна с населением в 1,3 млн человек до Саудовской Аравии (число жителей 30 млн) — лидера по объёму ВВП в арабском мире, которая играет роль гегемона в ССАГЗ. Практика показала, что выработка единых подходов, общеколлективных действий интеграционных структур в этой региональной организации — многосложный процесс.

Ирано-саудовские отношения.

Отношения между Саудовской Аравией и Ираном не были простыми, но в то же время нельзя сказать, что их разделяли непримиримые территориальные споры или какие-то другие проблемные исторические вопросы. Тем не менее, свержение шаха и победа в 1979 г. в Иране исламской революции резко поменяли ситуацию. Каждая из стран стала делать ставку на лидерство в регионе. Борьбу за него некоторые исследователи называют «холодной мини-войной» между двумя странами. Налицо несколько витков этой войны: в 2003 г. — после свержения в Ираке режима С. Хусейна, когда влияние Тегерана в Ираке усилилось, и в 2006 г. — после войны Израиля с движением «Хизбалла»³.

Новый всплеск противостояния в январе 2016 г. был вызван разрывом КСА дипломатических отношений с ИРИ вслед за казнью в Саудовской Аравии шиитского проповедника, одного из столпов местной оппозиции Нимра Аль-Нимра. Власти обвиняли его в подстрекательстве к массовым беспорядкам. Ряд членов ССАГЗ пошли по стопам саудитов, в частности Бахрейн, другие понизили статус своих отношений с Тегераном. Представляется, что эта акция саудовских властей была преднамеренной с целью спровоцировать ответную реакцию Тегерана и максимально подстегнуть напряжённость между двумя режимами.

Министр иностранных дел КСА Джубейр предупредил в 2016 г., что ИРИ нечего надеяться на мирные отношения с Эр-Риядом, пока Тегеран не прекратит «поддержку террора» внутри королевства и в его ближайшем окружении. В ответ президент ИРИ Х. Роухани обвинил КСА в «преступлениях», совершённых в регионе и вылившихся в «резне мусульман» в Ираке, Сирии и Йемене, и призвал страны региона реагировать для наказания властей монархии.

Обе страны на протяжении десятилетий опосредованно вовлечены в конфликты на Ближнем Востоке, будь то Сирия, Йемен, Ливан или Ирак. Они поддерживали и поддерживают в них противостоящие стороны, но избегают прямой военной конфронтации. У Ирана большая армия — от 600 до 900 тыс. человек, у саудовцев — около 200 тыс. Но военный бюджет КСА в стоимостном исчислении почти в 10 раз больше иранского.

Позиции двух стран касательно кризиса, охватившего САР с весны 2011 г., непримиримы. После исламской революции ирано-сирийские отношения приобрели характер партнёрских,

² Общепринятый в мировой географической литературе термин «Персидский залив», введённый ещё греческим астрономом Птолемеем в I в. нашей эры, оспаривается в арабском мире, особенно в аравийских странах. В официальных изданиях, прессе арабы называют залив «Арабским», а в Иране — только «Персидским».

По этому поводу не прекращается острая полемика между двумя сторонами, иногда подкрепляемая мерами воздействия на тех, кто «неправильно» использует это название. Так, в январе 2017 г. министр образования ОАЭ принял решение изъять термин «Персидский» залив и заменить его на «Арабский» во всех учебниках страны вслед за критикой тех граждан, которые обнаружили такое нарушение. С другой стороны, в 2010 г. Иран пригрозил запретить полёты в своём воздушном пространстве тех иностранных авиакомпаний, которые имели карты с упоминанием Арабского залива.

Многие иностранные, в частности западные, СМИ, чтобы не ссориться со сторонами — участниками этого лингвистического противостояния, в своих материалах используют слово «Залив» без определения.

³ Название этой организации передается в русскоязычных текстах несколькими разными способами. В статьях журнала сохранены те варианты, которые используют авторы-арабисты. . — *Ped.*

а затем союзнических. Дамаск и Тегеран демонстрируют совпадение и общность позиций антиамериканской и антиизраильской направленности в регионе, однозначно признают право палестинцев на «освобождение своей родины от оккупации сионистов», поддерживают радикальные палестинские и арабские организации, ставящие перед собой достижение этой цели.

Для Ирана Сирия важна, прежде всего, как мост для продвижения своей политики и идейных установок в Ливане с его большой и политически активной шиитской общиной. Поэтому с самого начала антиправительственных протестов в Сирии тегеранское руководство выступило в поддержку Дамаска, осудило массированное иностранное вмешательство в этот внутренний конфликт и приступило к оказанию режиму военной, финансовой, экономической, медийной и прочей помощи.

Эр-Рияд же встал на сторону сил оппозиции, в первую очередь джихадистского толка, целиком поддержал её цели по свержению президента Б. Асада и демонтажу его режима, стал одним из главных финансовых спонсоров «революционеров», как себя называют оппозиционеры. Власти КСА всемерно способствовали консолидации оппонентов режима Дамаска. Так называемая эр-риядская группа, созданная в декабре 2015 г. в столице КСА, включает в себя ряд формирований, которые, по сути, близки к террористическим, типа «Джабхат Ан-Нусра».

При этом руководство КСА в своих заявлениях ставит на одну доску ИГИЛ и правящий режим САР, называя режим Асада «вассалом Тегерана», клеймит Иран за посылку своих сил, а также подконтрольных ему отрядов «добровольцев» из шиитов Ирака, Афганистана и Пакистана в САР.

В то же время и Тегеран, и Эр-Рияд, как считает видный ливанский исследователь, научный сотрудник Лондонского университета Л. Хатиб, видят в ИГИЛ угрозу для себя. Но проблема в том, что искоренение ИГИЛ как в Сирии, так и в Ираке в случае, если оба режима, и дамаский, и багдадский останутся, будет означать для КСА автоматическое усиление влияния Ирана в этих странах и в регионе в целом⁴.

Наметившийся в конце 2016 г. перелом в войне в пользу правительства САР, особенно после освобождения Алеппо, вызвал замешательство в королевстве. Местные СМИ из антисирийского стана, чтобы принизить успех Дамаска, пытались объяснять его различными «кознями и заговорами», просчётами оппозиции, «предательством» Запада и Турции, которые бросили на произвол «сирийских „революционеров“»⁵.

Ситуация в Йемене также является проблемой в отношениях между ИРИ и КСА. В марте 2015 г. саудовский король С. бен Абдель-Азиз отдал приказ начать международную военную кампанию «Решающий штурм» против хуситов-повстанцев прошиитского толка, проживающих на севере страны и поднявших антиправительственное восстание под религиозными и социальными лозунгами.

В основе событий в Йемене лежат противоречия на религиозной почве между племенами — адептами зейдитского (прошиитского толка ислама) и шафиитского (просуннитского толка), обострившиеся после свержения в 1962 г. монархии и установления республики в Северном Йемене. В соответствии с общей статистикой, зейдиты составляют 40 % мусульман страны, а сунниты — 60 %. Особую роль в конфликте сыграла Саудовская Аравия, которая, являясь наследником идеологии ваххабизма, по сути, занимала позицию поддержки йеменских суннитов.

В 2004 г. сложившаяся ситуация послужила толчком для вооружённого мятежа, возглавленного Х. Аль-Хуси — вождем диссидентского крыла зейдитов севера Йемена. Мятеж перерос в кровавый конфликт (2004—2010 гг.), где на стороне войск, верных лидеру страны Салеху, действовали саудовские военные, а также американские инструкторы.

Начавшаяся 2011 г. в Йемене «арабская весна» привела к свержению режима Салеха, единолично правившему в стране с 1978 по 2010 гг., и всеобщей смуте. Хуситы воспользовались протестами масс против многолетней коррупции и социальных тягот, а также возникшим вакуумом власти. Давний вооружённый конфликт под предводительством Аль-Хуси разгорелся с новой силой, обнажив свой, имевшийся и раньше, сектантский подтекст.

Конфликт в Йемене на южных границах КСА беспокоит его власти. Созданная международная коалиция, которую они возглавили, объясняется необходимостью противостоять вспышке мятежа с «иранским следом» на своих границах. Тем более что в прошлые десятилетия саудитам

⁴ Для разгрома ИГИЛ требуется саудовско-иранский компромисс // Carnegie-mec.org. September 3, 2014 (на араб. яз.). URL: <http://carnegie-mec.org/2014/09/03/defeating-islamic-state-requires-saudi-iranian-compromise-pub-56521>

⁵ Зинин Ю. Н. Освобождение Алеппо: отклики ближневосточных медиа // Новое восточное обозрение. 2016. 22 декабря. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/12/22/osvobodzhdenie-aleppo-otkliki-blizhnevostochny-h-media/>

так или иначе удавалось держать верхушку Йемена — одной из самых бедных стран арабского мира при помощи финансовой и прочей помощи.

Очевидно, что Иран симпатизирует хуситам и поддерживает с ними контакты. Официальный представитель министерства иностранных дел Ирана в октябре 2016 г. обещал Саудовской Аравии воздать по «заслугам за её ужасные деяния в Йемене». Однако влияние Тегерана на хуситов не столь велико, как это представляется в СМИ. Так, представитель стран Залива сообщил британским журналистам в мае 2015 г., что до начала операции «Решающий штурм» в Йемене якобы находилось до 5 тыс. военных экспертов из Ирана и Ирака. Но если проанализировать первоисточники новостей о военном присутствии Ирана в Йемене, то можно выйти на агентства арабских монархий. Целью таких информационных вбросов является попытка привлечь на свою сторону новых союзников во внутренней борьбе в Йемене, которая представляет собой конфликт на кланово-политической, региональной и религиозной-племенной почве.

Иран, в свою очередь, утверждает, что КСА ведёт скрытую политическую игру против Исламской Республики, стремясь вызвать хаос в восточных районах Ирана — в провинции Систан и Белуджистан. Здесь, по данным иранских СМИ, 20 сентября 2016 г. силы безопасности арестовали двух террористов-пакистанцев, которые прошли террористическую подготовку в лагере, финансируемом Саудовской Аравией.

Напряжённость между двумя странами достигла пика летом 2016 г. после срыва ежегодного паломничества мусульман из Ирана в период хаджа в святые места Саудовской Аравии. Иранская сторона возложила ответственность за провал переговоров ИРИ с Эр-Риядом об условиях пребывания своих паломников на саудовцев и запретила их выезд. Власти КСА, по словам Великого аятоллы Ирана Насера Макарема Ширази, хотели «унизить иранцев» и «политизировать хадж». Обычно из Ирана в КСА ежегодно в период хаджа направляется 100 тыс. иранцев, плюс около 0,5 млн иранцев совершают малое паломничество.

На этом фоне неудивителен упадок двусторонних связей в самых разных областях. К примеру, торговля между ИРИ и КСА в 2014 г. составляла всего лишь 210 млн долл.⁶ При том, что общий объём внешней торговли КСА в 2012 г. достиг 507,5 млрд долл.

В медиаполе региона не спадает острота борьбы между двумя сторонами. Саудовские медиа-средства называют Иран «претендентом на региональное господство, подстрекателем» шиитов к бунту против правящих династий в Заливе. За всеми бедствиями и потрясениями в арабском мире, особенно после начала «арабской весны», они видят «руку режима иранских мулл».

Эр-Рияд был инициатором провозглашения ливанской «Хизбаллы» «террористической организацией» и принятия различных мер, в том числе репрессивных, против её сторонников в странах Залива. В ответ ИРИ продвигает тезис об «угнетении и дискриминации» арабов-шиитов, проживающих в странах Залива, намеренной их дискредитации как «еретиков и раскольников» и т. д. Тем не менее иранские ответственные лица время от времени посылают сигналы Эр-Рияду. 1 ноября 2016 г. вице-президент ИРИ, глава Организации по атомной энергии А. А. Салехи подтвердил готовность Исламской Республики вести диалог со странами региона, в том числе с КСА, для восстановления стабильности и безопасности на Ближнем Востоке.

Эр-Рияд как негласный лидер в ССАГЗ также стремится воздействовать на политику членов этой организации в регионе с целью ограничивать «инициативу» других членов, проявляющих независимость в отношениях с Тегераном в силу своих интересов и исторически сложившихся связей с этой страной. Так, ведущий ряда национальных телепрограмм Королевства Д. Шерьяна назвал «двойным» курс некоторых стран Залива на иранском направлении. По его мнению, у них «одна политика» — под крышей ССАГПЗ, а «другая» — в сфере своих двусторонних связей с Тегераном⁷.

Особняком стоит **Королевство Бахрейн**. Исторически остров на протяжении длительного времени, в XVII—XVIII вв., был частью Ирана или зависимым от него образованием. Во время массовых волнений в феврале 2011 г. власти Бахрейна, представленные суннитской верхушкой, обвинили Тегеран во вмешательстве в его внутренние дела и в манипуляции антиправительственной оппозицией. При поддержке вторгнувшегося на остров контингента сил КСА протесты были подавлены. Нынешняя сильная ориентация властей Манама на Эр-Рияд ставит под вопрос нормализацию отношений с Тегераном в ближайшее время.

⁶ Науар Ибрагим. Разные опции: саудовско-иранские отношения между перспективами сотрудничества и возможными конфликтами // Арабский научно-исследовательский центр (Каир). 11 февраля 2016 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.acrseg.org/39914>

⁷ Мнение Дауда Аль-Шерьяна // Аль-Хаят (Лондон). 16 мая 2015 г. (на араб. яз.). URL: <http://alhayat.com/Opinion/Dawood-Al-Sheryan/9198293>

Среди других стран «арабской шестёрки» наибольшие перспективы для Ирана представляет **Султанат Оман**. У Ирана, по словам министра иностранных дел ИРИ Д. Зарифа, «прекрасные отношения» с Оманом, и нет пределов для их развития.

В 2016 г. двусторонние связи между ИРИ и Оманом расширились по всем азимутам. Было подписано соглашение о делимитации морской границы между ними. В настоящее время действуют прямые ежедневные авиарейсы между Маскатом и Тегераном, а также прямой рейс между Маскатом и Ширазом, что в провинции Фарс. Была создана Объединённая торговая палата. Иранцы могут создавать компании в Омане, особенно в его свободных зонах. В Омане официально зарегистрировано 259 иранских компаний. В свою очередь оманцы стремятся инвестировать в иранский порт Чабахар. Вклады Омана в Иран в несколько раз превышают инвестиции Ирана в Султанат⁸.

В 2013 г. две страны подписали соглашение о поставках газа в Оман по трубопроводу из Ирана — это один из крупнейших совместных проектов. По заявлению ответственных лиц Ирана, с завершением прокладки трубопровода Иран будет экспортировать в Оман до 10 млрд куб. м газа в год. После того, как международные санкции в отношении Тегерана были сняты, обе страны возобновили усилия по реализации проекта⁹.

Объём двусторонней торговли, который составлял 200 млн долл. в 2006 г., в 2016 г. достигнет 1 млрд долл. Основными экспортными товарами Ирана в Оман являются изделия из стали, нефтехимия, медь, цемент, сельскохозяйственные продукты, ковры и т. д.¹⁰

Оман представляет интерес для Ирана ввиду своего выгодного стратегического положения, так как его морские порты являются воротами для рынков стран Азии и Африки. Сотрудничество Ирана и Омана повысит транзитную роль обеих стран в регионе.

Другой важный партнёр Ирана в регионе Персидского залива — **Объединённые Арабские Эмираты**. По словам главы департамента ОАЭ в Торгово-промышленной палате Ирана М. Дашешманда, напряжённость в отношениях между Тегераном и Эр-Риядом «мало» повлияла на коммерческие связи двух стран в силу налаженных партнёрских связей между ними.

В течение первых четырёх месяцев текущего финансового года ИРИ (20 марта — 21 июля 2016 г.) из Ирана в ОАЭ было экспортировано более 5,5 млн тонн товаров на сумму 2,5 млрд долл. Данные показатели говорят о росте иранского экспорта в арабскую страну на 47 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Основу экспорта составили газовый конденсат, нефтепродукты, изделия из стали, другие товары¹¹.

В списке импортируемых иранцами из ОАЭ товаров — оборудование, детали промышленного назначения, транспортные средства, кондиционеры, продукты питания и т. д. Согласно иранской статистике, на территории Эмиратов действуют 80 тыс. иранских компаний.

В настоящее время между двумя странами осуществляется 200 авиарейсов еженедельно. При этом Дубай считается крупнейшим реэкспортным пунктом для Ирана в его торговле с Афганистаном и Средней Азией. В 2001 г. этот торговый поток оценивался в 7,6 млрд долл.

В то же время раздражающим фактором в отношениях между Ираном и ОАЭ является спор из-за принадлежности трёх островов в Персидском заливе (Абу-Муса, Большой и Малый Томб), который имеет 46-летнюю историю. В ноябре 1971 г., за два дня до провозглашения независимости ОАЭ, иранские войска высадились на острове Абу-Муса и оккупировали стратегически важные острова — Большой и Малый Томб, принадлежавшие тогда княжеству Рас-эль-Хайме.

Остров Абу-Муса площадью в 20 кв. км расположен в Ормузском проливе, его население — арабское, около 1 000 человек. На острове Большой Томб (площадь 9 кв. км) проживает около 700 человек. Остров Малый Томб в 3 кв. км необитаем.

В вопросе об «иранской оккупации» трёх островов позиция Абу-Даби поддерживается со стороны других стран, прежде всего Персидского залива. В рамках ССАГЗ была создана специальная трёхсторонняя комиссия (Саудовская Аравия, Оман, Катар) для разработки механизма переговоров с Ираном по решению данной проблемы.

⁸ Оман и Иран на пороге нового этапа экономического сотрудничества // Аль-Кудс аль-Арабий (Лондон; на араб. яз.). 8 октября 2016 г. URL: <http://www.alquds.co.uk/?p=610186&print=1>

⁹ Оман и Иран меняют маршрут будущего газопровода // Новости Ирана. 8 июля 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101775/Oman_i_Iran_izmenyat_marshrut_budushchego_gazoprovoda

¹⁰ Активизация торговли с Оманом // Новости Ирана. 22 августа 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101906/Aktivizaciya_torgovli_s_Omanom

¹¹ Положительное сальдо торгового баланса Ирана с ОАЭ // Новости Ирана. 16 августа 2016 г. URL: http://http://www.iran.ru/news/economics/101805/Polozhitelnoe_saldo_torgovogo_balansa_Irana_s_OAE

Официальная позиция Ирана заключается в том, что острова Большой и Малый Томб являются частью Ирана, подчиняются его суверенитету, и дискуссия по этому поводу исключена. Однако переговоры по поводу Абу-Мусы могут вестись в духе, который бы обеспечил безопасность Ирана и его экономические и стратегические интересы в Заливе. Острова имеют ключевое расположение в заливе, через который осуществляется транзит крупных объёмов иранской нефти, идущей на экспорт, а также жизненно важный импорт.

Эмираты делают ставку на разрешение спора с Тегераном мирным путём — через двусторонние переговоры или международный арбитраж. При этом ОАЭ демонстрируют желание прагматично отделить политические аспекты своих отношений с Тегераном из-за спора об островах от заинтересованности поддерживать с ним масштабные торгово-экономические, культурно-гуманитарные и прочие связи.

Для самого Ирана ОАЭ оставались в течение длительного времени своего рода «легкими», благодаря которым экономика Ирана могла «дышать». В период действия западных экономических санкций против ИРИ через ОАЭ иранцами велись различные валютные операции, которые было невозможно осуществить на Западе.

Согласно данным из иранского источника, капиталовложения Ирана на территории ОАЭ составляют от 200 до 300 млрд долл. По некоторым сведениям, в руках иранской общины в ОАЭ в 2012 г. находилось более 15 % всех богатств и недвижимости этой страны.

В ОАЭ проживает примерно 0,5 млн граждан Ирана, что равняется 50 % коренного эмиратского населения. Больше всего из них — 400 тыс. человек находятся в Дубае. Это в основном наёмная рабочая сила, предприниматели, здесь официально зарегистрировано около 8 тыс. иранских коммерсантов¹².

В новых условиях ОАЭ может сыграть роль своего рода моста для западных инвесторов в отношении Ирана, поскольку у последнего не развиты современные логистика и инфраструктура, ощущается дефицит квалифицированных кадров для активизации деловых отношений.

У Ирана с **Кувейтом** были довольно тесные отношения ещё до получения последним независимости. Тегеран стоял на стороне Кувейта перед лицом территориальных претензий Багдада на это княжество и поддерживал его во время войны саддамовского Ирака против Кувейта.

Объём торговли между двумя странами в последнюю четверть XX в. постоянно увеличивался и к началу XXI в. достиг 100 млн долл. В Кувейте находится примерно 70 тыс. иранцев, работающих в самых различных областях хозяйства и услуг. Большой поток местных религиозных туристов ежегодно направляется в иранские священные города Кум и Мешхед. В августе 2016 г. в своём заявлении председатель парламента Кувейта М. Али аль-Ганема подчеркнул, что без дружественных отношений с Тегераном у стран ССАГЗ не может быть уверенности в стабильности региона.

У **Катара**, по оценке арабского эксперта Аз-Зааби, накануне «арабской весны» были наиболее близкие отношения с Ираном среди стран ССАГПЗ. Политика Дохи на иранском направлении определялась следующими основными задачами. Во-первых, избегать каких-либо осложнений или проблем с Тегераном в силу того, что большая часть крупнейших газовых месторождений Катара находится по берегам внутри зоны спорных границ с Бахрейном. Эти поля тянутся к границам Бахрейна с Ираном. Во-вторых, занять более важное место в регионе после того, как лидерство Египта здесь пошатнулось вследствие затяжного внутривосточного кризиса¹³.

После начала арабских «революций» отношения Дохи с Тегераном пострадали ввиду того, что оба государства оказались по разные стороны в оценке происходящих событиях. Это относится к сирийскому и бахрейнскому досье, к позиции Дохи по отношению к Ассоциации «Братья-мусульмане», которую Катар поддерживает в противовес Ирану, к оценкам Дохой политики нынешнего руководства Ирака и т. д.¹⁴

Однако в последнее время в ирано-катарских отношениях наблюдаются некоторые признаки разрядки. Были возобновлены контакты между представителями торговых и экономических ведомств, создан Совместный комитет по делам экономического сотрудничества.

¹² *Атриси, Талаль*. Отношения Ирана со странами Арабского машрика и залива // Арабский научно-исследовательский центр (Каир). 17 января 2011 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.dohainstitute.org/home/print/5d045bf3-2df9-46cf-90a0-d92cbb5dd3e4/ea9a44bd-a864-4f4d-9010-b2f2ebd09b4c>

¹³ *Аз-Зааби, Хаям М.* Вернет ли Роухани иранско-катарские отношения в нормальное русло? // Аль-Манар (Бейрут). 19 октября 2013 г. (на араб. яз.). URL: <http://manar.com/page-11902-ar.html>

¹⁴ *Аль-Ага, Ода*. Геополитика Иран и её влияние на его региональные амбиции // Аль-Арабий 21 (Стамбул). 19 апреля 2015 г. (на араб. яз.). URL: <http://arabi21.com/story/835471>

В июле 2016 г. в ходе телефонного разговора президент ИРИ Роухани и эмир Катара стороны согласились, что урегулировать региональные проблемы можно только с помощью политического диалога. Катарский эмир отметил, что они должны решаться региональными государствами, а не иностранными державами, и подчеркнул важность сотрудничества с ИРИ в области борьбы с терроризмом, установления мира и стабильности в регионе¹⁵.

Ориентация Ирана на улучшение и развитие связей с шестёркой очевидна. Взяв курс на расширение экономических, торговых, инвестиционных и прочих связей, наращивание дипломатических усилий, политику «мягкой силы», Иран стремится обрести более заметную геополитическую роль как мини-державы в Персидском заливе.

Иранское бизнес-сообщество заинтересовано в интенсификации старых связей, поиске новых рынков в регионе, использовании инвестиционных возможностей капиталоемких арабских соседей, их финансовых организаций и структур. После снятия западных санкций и пересмотра экономической политики страны частный сектор ИРИ старается активно закрепиться на региональных рынках.

Тем не менее, на пути нормализации отношений между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива есть немало препятствий. Тот факт, что Иран и «арабская шестёрка» — крупные производители углеводородного сырья, с одной стороны, определяет целесообразность сообща отстаивать свои интересы в отношениях с потребителями. Но, с другой стороны, эти страны монотоварны, поэтому в определённой степени действуют как конкуренты на мировых нефтяных рынках. По словам заместителя главы «Ассоциации корпораций нефтехимической промышленности» Ирана Ф. Каримаеи, иранская нефтехимическая промышленность и саудовская корпорация Saudi Arabia Basic Industries Corporation (SABIC), а также Катар начали «новое соперничество» за европейский нефтехимический рынок¹⁶.

Хотя Иран обладает меньшими запасами нефти, он может составить конкуренцию КСА на мировом нефтяном рынке, а вместе с Ираком, где влияние Тегерана растёт, способен теоретически после полного снятия санкций сравняться и даже обойти саудовцев в области нефтедобычи. Поэтому Саудовская Аравия остаётся главным соперником Ирана в регионе. КСА, пытаясь воздействовать на монархические режимы Залива и Запад тем, что после полного снятия санкций Иран получит много дополнительных средств и бросит их на дестабилизацию ситуации в окружающем регионе.

Суннитско-шиитский разлом: вчера и сегодня

Улучшение отношений между руководством и духовными элитами Ирана и КСА в ближайшем будущем вряд ли возможно, поскольку нынешнее противостояние между ними во многом имеет идеологическую подоплёку, уходящую своими корнями в глубины истории ислама.

Главные противоречия между суннизмом и шиизмом кроются в вопросах религиозной догматики и теологии. Основополагающее расхождение двух течений заключалось в толковании религиозных текстов, и главное — права наследования халифата после смерти пророка Мухаммеда.

Оно, согласно преданию шиитов, принадлежит Али — зятю и четвёртому мусульманскому «праведному халифу» (656—661 гг.), который был убит своими противниками. Борьба между лагерями за престол продолжалась до тех пор, пока в IX в. в детском возрасте не «исчез» один из потомков Али — Мухаммад аль-Махди — 12-й шиитский имам. Он получил имя «скрытого» имама и «Ожидаемого Спасителя».

Этот культ стал центральным в догматике шиитов. При этом особую роль в шиизме играет деятельность *муджахидов* — богословов-авторитетов в области законотворчества. Согласно их установкам, любая политическая власть являлась «узурпаторской» до прихода «скрытого» имама. С XVI в. шиизм был признан государственной религией Персии.

Вера в Мессию сохранилась и как историческая утопия, и как религиозная надежда. После провозглашения Исламской республики Иран в 1978 г. в конституцию включили статью, согласно которой Высшим должностным лицом в государстве должен быть представитель религии.

¹⁵ Роухани говорит о будущем видении политики страны в отношении Катара // Россия сегодня. 5 июля 2016 г. (на араб. яз.). URL: <http://arabic.rt.com/news/830944>

¹⁶ Саудовская Аравия начинает соперничество за нефтехимический рынок ЕЭС // Новости Ирана. 29 июня 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101078/Iran_i_Saudovskaya_Araviya_nachinayut_sopernichestvo_z_neftehimicheskiy_rynok_ES

За последний, почти 40-летний период истории, шиизм, к которому принадлежат 10–15 % всех мусульман в мире, под влиянием революции в Иране консолидировался в самой стране и укрепил свои позиции в Ливане, Ираке, Бахрейне, приобретя региональное значение¹⁷.

При помощи различных аспектов шиитского фундаментализма с его проповедью революционных лозунгов и социально-экономическим реформаторством (в т. ч. идейно-финансово-военного порядка) Тегеран содействует продвижению своей доктрины в ряде стран региона. В ней, в частности, делается упор на «праведности» борьбы за справедливость, равенство, за права «всех обездоленных» против «деспотичных» правителей, высок уровень антизападных и антиизраильских акцентов с призывом к освобождению «всей Палестины».

И хотя режим аятолл после смерти Хомейни отказался от экспорта исламской революции, он ведёт мощную медийно-пропагандистскую кампанию с целью распространения своего влияния на арабов-шиитов, на остальных мусульман. В её фокусе маргинальные слои, особенно традиционно недовольные и ущемлённые тиранией коррумпированных правителей, в первую очередь монархических нефтяных династий-союзников США [1].

Тем не менее исторический опыт показывает, что факт принадлежности к суннизму или шиизму не мешал объединению их адептов вокруг какой-либо общей политической идеи или программы в обществах арабского мира. К примеру, в Ираке среди основателей и руководства партии Баас — основного глашатая арабского единства — преобладали местные шииты.

Официально руководство Ирана провозгласило курс на такриб — сближение этих двух течений, что поддерживается в целом суннитским духовенством и официальными кругами в странах ближневосточного региона.

Так, шейх влиятельного в исламском мире университета «Аль-Азхара» д-р А. Тайиб в феврале 2012 г. утверждал, что его заведение не изменит свой курс по отношению к шиизму с учётом важности внутриисламского диалога. Он продолжит следовать пути сближения между суннизмом и шиизмом в рамках призыва к этому, провозглашённому прежним главой университета шейхом М. Шелтутом и шиитским авторитетом Ирана Т. Куми.

По мнению профессора Д. Султана — видного катарского историка и политолога, главы проекта «Возрождения», одна из самых больших трудностей, стоящих перед арабским миром, — отделить религиозные течения от политики. Он указывает на обеспокоенность суннитов активностью иранского правительства с целью возбудить шиитов, ввести их в поле политического действия, использовать как один из инструментов политики Тегерана. По его мнению, важно противостоять этой «опасной практике» иранских властей и вести её критику, а не пускаться в разговоры о страхе перед лицом «всеобщей шиитизации»¹⁸.

В тоже время нужно трезво оценивать тот факт, что в ближневосточном регионе религия часто используется в политической борьбе. Так, после антимонархической революции 1962 г. в Йемене и бегства его зейдитского короля, руководство КСА на тот период заняло позицию поддержки свергнутого правителя. Оно оказывало военную, финансовую и прочую помощь роялистам в войне против прогрессистов-офицеров, пришедших к власти и поддержанных насеровским Египтом, который послал в Йемен свой экспедиционный корпус. В этот период в одном лагере с саудовцами, противостоявшими йеменским революционерам, воевал и шахский шиитский Иран. Сегодня саудовская авиация бомбит зейдитских повстанцев на территории Йемена, называя их террористами, а Иран встал на сторону восставших хуситов.

В 1980 г. иракский лидер С. Хусейн, вторгнувшись в хомейнистский Иран и захватив одну из его областей — Ахваз (Хузистан), где в основном проживали арабы шиитского толка, рассчитывал, что они встретят с распростёртыми объятьями своих освободителей — «арабских братьев» из Ирака и провозгласят республику. Однако эти надежды провалились, арабское население ушло из Ахваза и не поддержало оккупантов. Позднее их изгнала иранская армия. При этом в ходе этой войны (1980–1988 гг.) баасистское руководство Ирака отобилизовало на фронт сотни тысяч жителей, в большинстве своём иракских шиитов, которые воевали против своих единоверцев из Ирана. В свою очередь хомейнистское руководство Ирана в ходе той братоубий-

¹⁷ Сегодня шииты составляют 10 % мусульман на планете (которых насчитывается 1,7 млрд во всём мире). 80 % из 75 млн иранцев относятся к шиитам-двунадесятникам. В Ираке шииты составляют 60 % населения. Крупные шиитские общины существуют в Ливане (30 % населения), в Турции, Кувейте, Бахрейне и в Объединённых Арабских Эмиратах. В трёх последних странах, взятых вместе, шиитов насчитывается 48 %, что объясняется ирано-пакистанской иммиграцией. 10 % шиитов — среди населения Саудовской Аравии, более 20 % — в Пакистане и Афганистане.

¹⁸ Султан Д. Проект «Возрождения» катарского ученого // Сайт Форумов сетей катарских акционеров «Аль-Асхам Аль-Катария» (Доха). 22 мая 2010 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.qatarshares.com/vb/showthread.php?367364-quot>

ственной войны создало «освободительный корпус Ирака» из попавших в иранский плен или дезертировавших иракских солдат-шиитов.

Сегодня приходится констатировать, что суннитско-шиитские противоречия использовали и используют в своих целях и внешние игроки, прежде всего США. Так, в ходе ирано-иракской войны Вашингтон, по сути, поддерживал власти Багдада и стоявшие за ним суннитские монархии в противовес новому иранскому режиму, порвавшему отношения с США после свержения шаха — верного заокеанского союзника.

Но с конца 1990-х гг. прошлого века в русле подготовки США к агрессии против Ирака стал подниматься вопрос о судьбе шиитского большинства этого государства. Шиитов принялись ассоциировать с «жертвами просуннитского режима С. Хусейна». Тем самым ставилась задача расшатать иракское общество накануне вооружённого вторжения коалиции.

Затем, после реализации целей в Ираке, для дискредитации Ирана, а также Сирии и их сближения со странами Залива, в США стали распространяться иные клише: о «фанатичных шиитах» и «умеренных суннитах». В медиапространстве начал раскручиваться тезис о «растущей шиитской угрозе», роли «шиитского полумесяца» (территория от Ирана через Ирак до Ливана). Это делалось для того, чтобы играть на настроениях верующих: на их предубеждениях и на межобщинных противоречиях в Сирии и Ираке.

Сегодня нельзя пройти мимо попыток исказить политику РФ в Сирии и во всем регионе, представить её односторонней — прошиитской, проиранской. Пишут и говорят о некоем блоке «Москвы — алавитского режима Сирии — Ирана — Багдада — Хизбуллы» с целью потеснить страны и сообщества, где доминирует ислам суннитского толка. Распространяются разного рода клише о намерениях Москвы «оккупировать» Сирию, сделать её своим «протекторатом». Предпринимались попытки приписать РФ стремления к геополитическому переделу региона по типу нового «соглашения Сайкса-Пико»¹⁹.

Ясно, что речь идёт о целенаправленной кампании по дискредитации политики России, по нанесению ущерба её интересам и присутствию в регионе. Возможно, её авторов и проводников беспокоит заинтересованность России в развитии своих торгово-экономических, культурных и прочих отношений как с арабскими монархиями Залива, так и с Ираном. Одной из причин такого беспокойства могут быть перспективы взаимодействия Москвы с крупными нефтедобывающими странами Залива, в частности, в поле координации ценообразования на мировых рынках энергоносителей, участия российских нефтяных организаций в разработке углеводородных месторождений в этом регионе и т. д.

Поэтому на дипломатическом уровне в контактах с КСА и Ираном, другими странами Залива российские представители отвергают попытки нагнетания конфликта по суннитско-шиитской линии, столкнуть между собой мусульман в Заливе. Москва была и остаётся посредником для встреч и контактов представителей разных течений ислама в целях нахождения общего языка между ними, использования и культивирования многовекового опыта добрососедства России с исламской цивилизацией и культурой. Россия в своей политике в ближневосточном регионе и шире, в мире ислама, всегда последовательно проводила линию на поддержку сплочения мусульманских стран и народов, особенно в борьбе против радикализма [2].

В борьбе против радикализма также востребована политика нормализации напряжённых отношений между Тегераном и Эр-Риядом, с которым так или иначе солидарны страны Совета сотрудничества, и от которых зависит перспектива мирного разрешения сирийского и йеменского конфликтов, внутреннего согласия и стабильности в Ливане и Ираке. Деструктивные двусторонние отношения между странами также осложняют консолидацию усилий международного сообщества в борьбе с ИГИЛ и с международным терроризмом.

¹⁹ Согласно секретному соглашению Сайкс-Пико 1916 г., Великобритания и Франция разделили между собой бывшие владения Османской империи на Ближнем Востоке. Арабы Ливана, Сирии, Трансиордании, Палестины оказывались под властью двух европейских держав. Этот раздел территорий соответствовал лишь интересам колониалистов, были возведены во многом искусственные границы, без учёта исторических, культурно-языковых и прочих реалий.

Relations of Iran and Arab Countries of Persian Gulf: Some Aspects

Yuri Zinin, PhD (History), Leading Researcher
Civilizations` Partnership Center,
Institute for International Studies,
MGIMO-University.

119454, 76 Vernadsky Ave., Moscow. E-mail: zinin42@mail.ru

Summary. *The article emphasizes some aspects of relations of Iran and six Arab countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) established in 1981. The issue of Saudi-Iranian relations, which are facing persistent deterioration since Islamic Revolution in Iran in 1979, is examined in broad terms.*

Nowadays these relations are witnessing the lowest level since diplomatic ties between two countries were severed in 2016. Consequently both states for a number of years had been involving into internal conflicts in Syria, Iraq, Yemen and Lebanon.

The article covers commercial, economic, political and other relations of Teheran with the rest of the GCC members and theirs perspectives. The author analyses the influence of sunni-shiit factor on the policy of ruling elites in the region.

Keywords: *Saudi Arabia, Iran Syria, Iraq, Yemen, Lebanon, elite, Islam, Arab spring ISIL, Sunni-Shiit factor, relations.*

Литература / References

1. Зинин Ю. Н. Первый год правления саудовского монарха Сальмана: некоторые итоги // Международные процессы. — 2016. № 2 (16). — С. 57–66.
2. Попов В. В. О суннитско-шиитских разногласиях // Ежегодник ИМИ. — 2016. № 1 (15). — С. 84–86.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

А. А. Казанцев

Угроза международного терроризма на центральноазиатско-афганском направлении: ключевые факторы

Казанцев Андрей Анатольевич, д-р. полит. наук,
директор Аналитического центра
Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются факторы, которые связаны с ростом угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. Автор выделяет и анализирует следующие ключевые факторы: 1. Угрозу возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего с Ближнего Востока. 2. Рост нестабильности в Афганистане, создающий угрозу вторжения боевиков в государства постсоветской Центральной Азии. 3. Критически опасное сочетание ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: «хрупкость» ряда государств, большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие межгосударственных противоречий как между странами Центральной Азии, так и между вовлечёнными в регион великими державами. 4. Серьёзный потенциал развития религиозного экстремизма, который сложился в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также в ряде регионов Казахстана и Киргизии.*

***Ключевые слова:** Центральная Азия, Афганистан, наркоторговля, внутренние и внешние угрозы, религиозный экстремизм.*

В настоящее время наблюдается значительный рост угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. В связи с этим важной задачей как в чисто академическом плане (с точки зрения анализа эволюции новых вызовов и угроз безопасности), так и в плане прикладном (с точки зрения определения приоритетов внешней политики РФ и политики в сфере безопасности) является изучение ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие данной угрозы.

Угроза возврата центральноазиатских боевиков с Ближнего Востока

В октябре 2015 г. В. В. Путин на заседании Совета глав государств — участников СНГ заявил, что «на стороне ИГИЛ¹ уже воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ»². На тот момент официально объявленная ФСБ России оценка числа российских боевиков, воюющих на стороне ИГ в Сирии и Ираке, составляла 2 400 человек³. Следовательно, ещё порядка 2 600—4 500 боевиков приходится на другие страны постсоветского пространства. При этом из оценок международных экспертов хорошо известно, что основная масса этих боевиков происходит из центральноазиатских стран [15].

Однако центральноазиатские (как и кавказские боевики) воюют на Ближнем Востоке не только за ИГ. В Сирии и Ираке представлено довольно больше число этнических группировок

¹ ИГИЛ (ИГ) — организация, запрещенная в РФ.

² Заседание Совета глав государств СНГ. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств, 16 октября 2015 г., URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515>

³ Официальная оценка ФСБ на тот момент — см. ТАСС, 18.09.2015, URL: <http://tass.ru/politika/2272750>.

с участием выходцев из Центральной Азии («Джамаат Имам Бухари», «Джейш-аль-Мухаджирин», «Джамаат Сайфулла Шишани», «Таухид валь-Джихад» и т. д.).

По данным за декабрь 2015 г. базирующейся в США «Суфан групп»⁴, количество боевиков, выехавших из стран Центральной Азии в Сирию и Ирак, составляет:

Таблица 1

Число боевиков из стран Центральной Азии в Сирии и Ираке

Страна	Число боевиков
Узбекистан	500
Киргизия	500
Таджикистан	386
Туркменистан	360
Казахстан	300
Всего	2046

Важно осознавать, что на каждого боевика, воюющего в Сирии и Ираке, приходится сотни сочувствующих в разного рода «спящих ячейках» террористической сети на местах. Эти люди, как и возвращающиеся боевики, получившие боевой опыт, могут быть использованы для проведения терактов, организации беспорядков или даже партизанских действий. Как указал известный киргизский эксперт и богослов Кадыр Маликов (потом это подтвердили таджикские структуры), только ИГ выделила порядка 70 млн долл. на подрывную работу в Центральной Азии⁵. Однако российские эксперты фиксируют активизацию притока средств во все страны постсоветского пространства (в контексте противостояния операции России в Сирии) по совершенно разным каналам, связанным с распространением религиозного экстремизма, а отнюдь не только по каналам ИГ.

Ситуация в Афганистане и угроза странам Центральной Азии

Выходцы из Центральной Азии участвуют в боевых действиях не только на Ближнем Востоке, но и в ряде других стран и регионов мира (Афганистан, Пакистан, Ливия, и т. п.). При этом за последние пару лет произошло перебазирование большого количества международных боевиков-террористов в Северный Афганистан из Северо-Западного Пакистана [10].

В последние годы за счёт усилий целого ряда международных игроков (прежде всего, Саудовской Аравии и Катара) сложилось определённое взаимодействие между тяжелой ситуацией в Афганистане и на Ближнем Востоке: в Йемене, Ираке и Сирии, где имеет место противостояние блока во главе с Саудовской Аравией (его условно называют «суннитским», и он недавно был официально оформлен как «альянс исламских государств против терроризма»⁶) блоку во главе с Ираном (его условно называют «шиитским», и он официально не оформлен). Ряд источников полагает, что упомянутое выше перебазирование боевиков из Пакистана в Афганистан произошло на саудовские деньги с целью подготовки боевиков либо для действий против Ирана (Иран активно нанимал афганских хазарейцев-шиитов с целью использования их как боевиков на Ближнем Востоке), либо против шиитов на месте (ИГ и «Аль-Каида» активно организуют теракты против шиитов в Пакистане и Афганистане), либо для последующей переброски боевиков на Ближний Восток. Этот перенос войны с Ближнего Востока на Афганистан представляет серьёзную угрозу бывшим советским республикам Центральной Азии.

Особую тревогу представляет то, что в контексте российской военной операции в Сирии го-

⁴ The Soufan Group. Foreign fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. December 2015, URL: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate_FINAL.pdf

⁵ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило 70 млн долл. на создание своих ячеек в Афганистане, URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 млн долл. Какова доля Казахстана? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>. В последней сноске даётся текст выступления известного специалиста по Центральной Азии и Афганистану А. Князева, который утверждает, что основная часть этих денег пришла из Катара, а, для сравнения, по его оценке, весь бюджет иностранных влияний в «революцию тюльпанов» в Киргизии мог составлять всего порядка 5 млн долл.

⁶ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/17/saudi-arabias-islamic-military-alliance-against-terrorism-makes-no-sense/>

сударства Саудовского блока оказались дополнительно заинтересованы в дестабилизации России и постсоветского пространства. В частности, с этим связан приход в последнее время в Афганистан с Ближнего Востока «больших денег», например, по данным «Аль-Джазире», боевики ИГ получают в 10 раз больше, чем боевики Талибана. «Аль-Джазира» также привела ходящие в Афганистане слухи о том, что проникновение ИГ в Афганистан произошло при участии пакистанской межведомственной разведки — ISI⁷ (эти слухи хорошо известны и российским специалистам, интервьюирующим афганцев). По мнению многих афганских и российских экспертов, финансирование соответствующей операции ISI шло с Ближнего Востока. То есть, имеет место однотипная операция, сходная с той, что происходила в период формирования «Аль-Каиды» во время советской войны в Афганистане, а затем в период формирования Талибана в 1990-е гг. В ходе всех этих операций звено ISI, связанное с Саудовской Аравией, Катаром и рядом других нефтедобывающих монархий, выступало «менеджером» и распорядителем предоставленных соответствующими монархиями финансовых средств.

Особо активное проникновение ИГ в Афганистан наблюдается на востоке (там эта «за-раза» распространяется через моджахедов-«интернационалистов» арабского и пакистанского происхождения, живущих со времен советской войны в Афганистане и влияющих на местных пуштунов) и на севере страны (там её носителями являются преимущественно подкупленные этнические группировки, в частности узбекские и туркменские, а также часть международных террористов, вернувшихся из Пакистана). Особенно опасна присяга, принесённая ИГ представителями части Исламского движения Узбекистана (ИДУ)⁸, а также — «Имаратом Кавказ» (последний имеет связанные с ним ячейки в Центральной Азии и связанных с ним боевиков в Афганистане и Пакистане). Исторически — это две самые опасные террористические организации постсоветского пространства.

ИГ активно расширяет своё влияние, пользуясь внутренним расколом в Талибанах, сложившемся после смерти муллы Омара. Этому активно способствует обилие у ИГ финансовых средств. По данным В. Герасимова, главы Генштаба РФ, в Афганистане находится связанных с ИГ 2–3 тыс. боевиков⁹. Это создает в перспективе угрозу вторжений через бывшую советско-афганскую границу, ныне границу новых независимых государств Центральной Азии. Особенно эта тенденция становится актуальной в связи с нарастающим разгромом «центра» ИГ в Сирии и Ираке совместными действиями России и США и сложившейся тенденцией к переносу активности ИГ в другие страны мира: Ливию, Нигерию, Афганистан и т. п. В частности, Центральная Азия и Афганистан отнесены в рамках ИГ к «вилаяту Хорасан».

Кроме боевиков ИГ в Афганистане пребывает, по оценкам афганских сил безопасности, переданным Совету Безопасности ООН, около 6 500 иностранных боевиков (основная их масса относительно недавно пришла из Пакистана)¹⁰. В основном это мелкие группировки, связанные с «Аль-Каидой». Тревожная для постсоветских стран тенденция заключается в том, что Талибан и ИГ воюют между собой в основном на востоке Афганистана, в том числе в связи с борьбой за контроль над наркотическими доходами, тогда как на севере страны, не в последнюю очередь усилиями ближневосточных «спонсоров», сложилась тенденция к взаимодействию ИГ, Талибана и ряда мелких группировок, связанных с «Аль-Каидой». Более того, это взаимодействие часто происходит под чёрным знаменем ИГ. В частности, при взятии Кундуза, где участвовали представители всех перечисленных выше групп, первоначально захватчики подняли именно чёрное знамя ИГ, и лишь затем, чтобы раньше времени не пугать северных соседей, поменяли его на белое знамя Талибана.

Активное просачивание ИГ произошло на границу Туркменистана. Там чёрное знамя подняли местные племена туркмен, прежде всего потомки бывших басмачей, бежавших из Центральной Азии в 1920–30 гг. под ударами советских войск. Эти племена всегда были настроены очень антисоветски, а также антисекулярно, и в период Второй мировой войны немецкой военной разведкой (Абвером) даже планировалось вторжение их в СССР под знаменем «джихада». Поэтому приход денег с Ближнего Востока (по некоторым оценкам из Катара, для того чтобы

⁷ URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan-151101074041755.html>

⁸ URL: <http://palm.newsru.com/world/07aug2015/uzbekistan.html>

⁹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

¹⁰ Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 мая 2015 г. на имя председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С. 9. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

помешать прокладке газопровода ТАПИ и не создавать конкуренцию сжиженному катарскому газу) подхлестнул давнюю неприязнь афганских туркмен к их секулярным соседям на севере, которых они считают наследниками советской власти. Эти обстоятельства, по мнению многих наблюдателей, стали причиной резкой и для многих достаточно неожиданной дестабилизации прежде благополучной туркмено-афганской границы.

Ситуация в остальных частях Афганистана остаётся достаточно сложной. Уменьшающееся военное присутствие американцев воодушевляет талибов, а силы законного правительства в целом демонстрируют неспособность самостоятельно проводить серьёзные военные операции. К тому же имеет место массовое дезертирство из рядов правительственных сил. Уже сейчас 29 % беженцев, приходящих в Европу, идёт из Афганистана, по данному показателю эта страна занимает второе место после Сирии (среди этих беженцев достаточно много офицеров и чиновников, связанных с кабульским правительством). В целом сейчас оппозиционные правительству партизанские силы (прежде всего, афганские талибы) располагают до 50 тыс. человек, объединённых более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности¹¹.

Вторжение «чистых» талибов в Центральную Азию маловероятно даже в случае падения кабульского режима — в том числе и потому, что Талибан распался на большое количество враждующих группировок. Однако это не означает, что такое вторжение не смогут организовать силы ИГ и ряда более мелких групп, связанных с «Аль-Каидой», при попустительстве талибов (как упоминалось выше, такое сотрудничество уже имело место при взятии Кундуза). Такое вторжение уже исторически имело место во время «Баткенской войны» в Киргизии (вход в эту страну отряда ИДУ). Повторение такого рода событий имеет большую вероятность. В частности, это может произойти не только из-за идеологических причин или «подогрева» событий со стороны ближневосточных спонсоров, но и из-за борьбы боевиков за контроль над каналами сбыта наркотиков по Северному маршруту в Россию через Таджикистан, Киргизию и Казахстан.

Сочетание внутренних и внешних угроз для центральноазиатских стран

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлении *усиливаются целым рядом негативных внутренних факторов, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам (fragile states)*¹². «Хрупкость» государств создаёт потенциал их крушения и образования «несостоявшихся государств» (failed states), не контролирующих собственную территорию. Именно такие государства являются идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок типа ИГ. В связи с этим ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в The Fragile States Index в 2015 г.¹³

Таблица 2

Страны Центральной Азии в The Fragile States Index, 2015

Страна	Место в мире из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)	Баллы (больше число баллов означает рост угрозы)	Категория
Узбекистан	51/178	85,4	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)
Таджикистан	57 /178	83,4	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)
Киргизия	62/178	82,2	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)

¹¹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

¹² Этот более эвфемистичный термин в последние годы стал употребляться вместо использовавшегося ранее выражения failed states (несостоявшиеся государства). — Прим. ред

¹³ The Fragile States Index 2015. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015>

Туркменистан	78/178	77,5	Warning (Предупреждение об угрозах)
Казахстан	110/178	68,3	Low Warning (Предупреждение о не очень серьёзных угрозах)

Приведённые оценки показывают, во-первых, что серьёзная угроза разрушения государственности в Центральной Азии существует (High Warning), хотя она пока и не материализовалась, как это уже произошло во многих странах Африки и Азии. Во-вторых, они свидетельствуют о серьёзной дифференциации стран региона.

Поскольку приведённый индекс основан на экспертных оценках и носит субъективный характер, то интерес представляет, во-первых, его динамика, во-вторых, его сопоставление с российским индексом «Политического атласа МГИМО», построенном на объективных статистических данных. В приведённой ниже Таблице 3 в этой связи приведены оценки «хрупкости» государств Центральной Азии из западного рейтинга The Fragile States Index (положение относительно других стран) и российского «Политического атласа МГИМО» (тот же показатель). Чем ниже в рейтинге The Fragile States Index стоит страна, тем хуже, так как она приближается к статусу «несостоявшегося государства» (то есть этот индекс перевёрнутый). Индекс за 2012–2014 гг. показывает примерно сходные оценки с 2015 г. Он оценивает как достаточно опасное положение в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, в то время, как положение в Туркменистане и особенно в Казахстане представляется достаточно благополучным. Российский индекс, напротив, суммирует негативные баллы, а значит, чем ниже итоговое место среди всех 192 стран, вошедших в выборку, тем ситуация с государственностью хуже. С его точки зрения наибольшие риски просматриваются в Киргизии (он вообще занимает предпоследнее место в мире по силе государственности), а также в Таджикистане.

Таблица 3

Сопоставление положения центральноазиатских государств в The Fragile States Index и в Индексе государственности «Политического атласа МГИМО»¹⁴

Страна	The Fragile States Index			Индекс государственности «Политического атласа МГИМО» [9a]
	2012	2013	2014	
Казахстан	107/177	109/178	111/178	111/192
Киргизия	41/177	48/178	58/178	191/192
Таджикистан	46/177	51/178	55/178	172/192
Туркменистан	81/177	81/178	74/178	87/192
Узбекистан	39/177	44/178	48/178	94/192

Среди факторов, способствующих росту угрозы безопасности стран региона, можно обозначить *большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию*. Последняя является основным в мире потребителем афганского героина. При этом экспертам по безопасности хорошо известно, что доходы от наркоторговли часто используются для финансирования терроризма и религиозного экстремизма¹⁵. Наличие этой «связки» известно, например, по упомянутой выше «Баткенской войне», так как вторжение ИДУ в Киргизию было связано, в том числе, с прокладкой маршрутов для торговли героином.

Ещё одним важным фактором, способствующим росту угрозы со стороны радикального исламизма, является *очень высокая коррупция в регионе*. Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, все страны региона расположены в самом конце списка, зачастую уступая даже государствам Африки южнее Сахары. Особенно негативно выглядит восприятие международными экспертами Туркменистана и Узбекистана, описываемых как одни из самых коррумпированных государств мира (девят 170 место из 174).

¹⁴ The Fragile States Index 2014. URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>

¹⁵ US Drug Enforcement Administration DEA Congressional Testimony – Narco-Terrorism: International Drug Trafficking and Terrorism – a Dangerous Mix. URL: <http://www.justice.gov/dea/pubs/cngrtest/ct052003.html>, Accessed August 9, 2012.

Таблица 4

Центральноазиатские государства в Индексе восприятия коррупции¹⁶

Страна	The Corruption Perceptions Index		
	2012	2013	2014
Казахстан	133/174	140/177	126/175
Киргизия	154/174	150/177	136/175
Таджикистан	157/174	154/177	152/175
Туркменистан	170/174	168/177	169/175
Узбекистан	170/174	168/177	166/175

Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью, особенно с нарко-торговлей, из которой могут финансироваться, как мы уже отмечали, террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одним из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами, в том числе и ИГ, в регионе.

Третьим по значимости фактором является *бедность*. Страны региона (особенно, части Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, расположенные в Ферганской долине) характеризуются очень высокой степенью аграрного перенаселения при дефиците воды и плодородной земли. Это ведёт к безработице и скоплению большого количества маргинализированной молодёжи, которая очень легко поддаётся «обработке» со стороны радикальных исламистов. Проблема ещё больше усиливается в связи с деградацией созданных в советское время систем социального обеспечения, образования и медицины. Трудовая миграция в Россию (дававшая до недавнего времени до 50 % ВВП Таджикистана, 33 % ВВП Киргизии и 15 % ВВП Узбекистана) была одним из важных «клапанов», предотвращавших социальный взрыв. Однако девальвация рубля в 2014–2015 гг., а также сокращение спроса на рабочую силу в РФ привели к резкому «иссыканию» этого источника доходов населения. Это, в свою очередь, привело к серьёзному обострению ситуации, особенно в Таджикистане.

Рост бедности наблюдается на фоне тенденции к социально-экономической «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26 % от общей численности населения¹⁷, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

Четвертым кризисным фактором, угрожающим государственности стран региона, является проблема *наличия так называемых персонализированных режимов султанистского типа* [14], существующих на фоне «клановых систем», определяющих внутриэлитные сетевые конфигурации [12]. Соответствующие системы можно считать разновидностью «гибридных режимов», исторически сложившихся на постсоветском пространстве [9] (один из вариантов определения таких систем — «суверенные демократии» [8]).

Ко всему вышеперечисленному можно добавить *наличие серьёзных межгосударственных конфликтов* из-за воды между вышележащими (Таджикистаном, Киргизией) и нижележащими (Узбекистаном, в меньшей степени Туркменистаном и Казахстаном) по течению рек странами [3]. Эти конфликты серьёзно затрудняют сотрудничество стран региона, в том числе и в борьбе с угрозами безопасности.

Одновременно влиятельные в регионе великие державы (Россия, США, Китай, ЕС, исламские страны) вовлечены в борьбу за влияние в регионе [4]. *Конфликты между их интересами могут в худшем случае усиливать угрозы безопасности, а в лучшем случае — нейтрализуют усилия великих держав по помощи странам региона в преодолении различных вызовов.*

¹⁶ URL: <https://www.transparency.org/research/cpi/overview>

¹⁷ URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html

Эта ситуация многовекторности [1] представляет собой особый вызов для внешней политики России в регионе дополнительно к угрозам безопасности, которые в нём возникают [13]. России в этой ситуации приходится не только обеспечивать безопасность соседнего с ней региона в рамках деятельности ОДКБ, но и «вкладываться» в политику сохранения своей «мягкой силы» в соответствующей части мира [2]. А это, в свою очередь, связано как с экономической ролью российских мегаполисов, являющихся точками притяжения для центральноазиатской трудовой миграции [11], так и с процессами формирования национальной идентичности россиян [7] (инклюзивной или эксклюзивной по отношению к представителям Центральной Азии).

Роль религиозного фактора: национальные и региональные особенности стран Центральной Азии

Как отметил известный киргизский богослов Кадыр Маликов, в Центральной Азии наблюдается массовое «разочарование в светских институтах власти и в традиционном духовенстве. Традиционное духовенство не может адекватно отвечать на современные политические вопросы, оно ограничено исключительно исполнением обрядов. Отвечать на вопросы, связанные с политикой, джихадом, они не могут, будучи в этих областях некомпетентными. Вдобавок к этому всему можно упомянуть высокий уровень коррупции, в особенности в правоохранительных органах, несправедливость суда, общую слабость государства, существующие социальные проблемы... Это всё накладывает определённый отпечаток. И в этом отношении в Центральной Азии складываются все условия для радикализации»¹⁸.

Мировоззренческий кризис, характерный отнюдь не только для Центральной Азии, но и для всех стран постсоветского пространства (да и не только для него), проявляется в том, что отнюдь не всегда в ИГ и другие террористические структуры уходят самые обездоленные (хотя есть и такие примеры, особенно среди гастарбайтеров). Есть много примеров людей, даже имевших собственный бизнес. Эти бизнесмены увозили свои средства в Сирию и Ирак и отдавали их там на нужды радикальных группировок¹⁹.

После получения независимости государства региона в лице правящих элит активно поддерживают политически приемлемые для них формы мусульманской религии, пытаясь таким образом создать национальные формы ислама, легитимирующие существующие политические системы светских государств.

Наиболее тревожная ситуация в плане потенциала распространения нестабильности и влияния радикального ислама сложилась в настоящее время в Таджикистане. Здесь среди специфических негативных факторов следует отметить соседство с Афганистаном, особенно сложную социально-экономическую ситуацию, а также до сих пор сказывающиеся разрушительные последствия гражданской войны первой половины 1990-х гг.

Одновременно наблюдается ускорение радикализации в обществе, в частности, затронувшее и правоохранительные органы. Наиболее вопиющим в этом плане фактом в 2015 г. было дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурода Халимова. Осенью 2015 г. имел место военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Этот мятеж официальные власти также связали с влиянием радикального ислама. Достаточно слабым представляется территориальный контроль центрального правительства над рядом регионов Таджикистана, в частности Горным Бадахшаном. Охрана таджико-афганской границы после ухода российских пограничников также достаточно слаба, что опасно с учётом ускоренной дестабилизации обстановки в приграничных регионах Афганистана.

Определённую опасность в плане распространения радикального ислама представляют и «перегибы» правительства в борьбе с исламизмом. К ним можно отнести массовое закрытие мечетей, введение жёсткого «дресс-кода», противоречащего исламским традициям, и запрет умеренной Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Перечисленные меры могут привести к усилению радикального исламистского подполья.

Киргизия также подвергается серьёзным угрозам. К числу специфических для данной страны рисков можно отнести геополитический раскол страны на север и юг. Государственные структуры этой страны, как показала, в частности, упоминавшаяся выше «Баткенская война»,

¹⁸ Кадыр Маликов об исламской угрозе в ЦА. URL: <http://www.islamsng.com/authors/Malikov/9334> 01.07.2015

¹⁹ Там же.

отличаются традиционной слабостью, которая ещё больше усилилась после имевших место двух революций (2005 и 2010 гг.). Наибольшие риски радикального исламизма имеются на юге страны, особенно среди многочисленной узбекской диаспоры. К тому же ситуация здесь усложняется острым межэтническим конфликтом между киргизами и узбеками, который привёл к погромам в 2010 г.

Ситуация в Туркменистане традиционно считалась одной из самых стабильных в регионе (это демонстрируют и приведённые выше рейтинги государственности). Тем не менее в 2014–2015 гг. имеет место серьёзное ухудшение ситуации, связанное с тяжелой ситуацией на туркменско-афганской границе, куда проникло «Исламское государство» [5, с. 35–37]. В этой ситуации официальный нейтральный статус Туркменистана начинает демонстрировать свои негативные стороны. У страны нет сильной армии для защиты границы, а обращение за военной помощью, в частности к России, противоречит концепции нейтралитета. Ситуация внутри страны тоже неблагоприятна. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что согласно приведённым выше в тексте данным по числу боевиков в Сирии и Ираке по относительному показателю (число боевиков-террористов на 1 млн жителей) Туркменистан занимает первое место на постсоветском пространстве.

Ситуация в Узбекистане в плане противостояния государства и экстремистских направлений ислама характеризуется существенными противоречиями. С одной стороны, Узбекистан является местом происхождения сильнейших в регионе экстремистских группировок, таких как ИДУ. В 1999 г. в Ташкенте имели место массовые теракты, организованные ИДУ (тогда эта организация была связана с «Аль-Каидой»). В мае 2005 г. в Андижане (Ферганская долина) имело место восстание, организованное радикальной исламистской организацией «Акрамия» (*Акримийлар*). С другой стороны, мощные силовые структуры и общая репрессивная политика государства привели к тому, что деятельность религиозных экстремистов в стране находится под определённым контролем.

В настоящее время на фоне обостряющегося социально-экономического кризиса в стране наблюдается определённый рост исламистской пропаганды и террористической активности. Узбекистан занимает на постсоветском пространстве второе место после России по числу боевиков, уехавших воевать в Сирию и Ирак. Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В Узбекистане существует традиционное «разделение труда» между региональными кланами, которое характеризуется пословицей: «Самаркандец правит, ташкентец считает деньги, ферганец молится». Эта пословица подчёркивает особую роль ислама именно в Ферганской долине, а также факт того, что ключевые духовные лица в Узбекистане традиционно – из Ферганской долины. В ходе постсоветской эволюции политической системы страны к власти твёрдо пришли самаркандский (к нему относится сам президент) и ташкентский (он контролирует экономику) кланы. Поэтому ферганский клан, по мнению многих экспертов, традиционно использовал угрозу исламского экстремизма как способ повышения собственного влияния. Понимание этих внутриклановых «раскладов» очень важно в свете возможности обострения межклановой борьбы после смерти И. Каримова.

Казахстан является наиболее благополучной страной региона с точки зрения проблемы распространения религиозного радикализма. Это объясняется следующими специфическими факторами: стабильным состоянием экономики (порядка 2/3 ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане), достаточно высокой степенью модернизации общества в советский период, наличием большой прослойки русскоязычного населения, а также историческими традициями распространения ислама среди казахов.

Критически важной с точки зрения распространения радикального ислама является ситуация в двух регионах. В Южном Казахстане, относящемся к «оседлой зоне», влияние исламских институтов в жизни общества традиционно было сильно. Процессы возрождения ислама в этом регионе стали сопровождаться и появлением «нетрадиционных» его форм, в частности салафизма. Ещё более сложная ситуация в последние годы складывается в Западном Казахстане. Интенсивное промышленное освоение нефтегазовых запасов региона привело к тому, что он стал местом концентрации социально маргинализированных групп, особенно мигрантов (среди них особенно заметны оралманы – этнические казахи, возвращающихся в Казахстан зачастую из довольно отсталых стран). О сложной ситуации в регионе свидетельствуют рабочие волнения в Жанаозене в 2011 г. (они, правда, не имели исламской компоненты). В этой сложной среде есть потенциал для роста влияния радикальных исламистских группировок.

Таким образом, подводя итог проведённому выше анализу, можно отметить следующие ключевые факторы, сказывающиеся на росте террористической угрозы на центральноазиатско-афганском направлении.

1. В настоящий момент сложилась серьёзная угроза возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего с Ближнего Востока.
2. В настоящее время ситуация в Афганистане характеризуется тенденцией к серьёзному росту нестабильности. Это создает серьёзную угрозу странам постсоветской Центральной Азии.
3. Ситуация в Центральной Азии характеризуется сочетанием целого ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: хрупкость ряда государств, большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие серьёзных межгосударственных конфликтов как между странами Центральной Азии, так и между вовлечёнными в регион великими державами.
4. Потенциал развития религиозного экстремизма различен в разных странах Центральной Азии. Наибольшие опасения у экспертов представляет ситуация в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане; в Казахстане и Киргизии проблемы в этом плане есть в ряде регионов.

The Threat of International Terrorism in the Central Asian and Afghan Direction: Key Factors

Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute for International Studies,
MGIMO University, 119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru

Summary. *The article deals with analysis of the factors affecting the growth of terrorist threat to Russia from Central Asian and Afghan direction. The author of the paper defines and analyzes the following key factors.*

1. Threat of return of Central Asian terrorist fighters from the Middle East and other conflict zones of the world. 2. Serious growth of instability in Afghanistan that provokes the threat of incursions of terrorists into the countries of Central Asia. 3. Critical connection of some external and internal threats to Central Asian security, which includes: state fragility, drug transportation from Afghanistan to Russia through the Northern Route, high corruption, demodernization of socio-economic sphere, serious interstate conflicts between Central Asian states themselves as well as between the key world powers involved into Central Asian affairs. 4. Serious potential of development of religious extremism in Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan, as well as in some regions of Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Keywords: *Central Asia, Afghanistan, drug trafficking, internal and external threats, religious extremism.*

Литература / References

1. Алексеева Т. А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. — М., 2012.
2. Беспалов С. В., Власов А. В., Голубцов П. В., Казанцев А. А., Караваев А. В., Меркушев В. Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. — М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.
3. Проблемы пресной воды. Глобальный контекст политики России. Экспертно-аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 62–70.
4. Боришполец К. П. Геополитика Центральной Азии // Мир перемен. — 2008. № 3. — С. 182–185.
5. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы // Аналитические доклады. Институт международных исследований. — М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 1 (45).
6. Казанцев А. А. Грамматика русской идеи, или как создавать новые идеологии в России // Полис. Политические исследования. — 2010. № 3. — С. 100–113.
7. Казанцев А. А. Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. — 2007. № 7–8. — С. 84–90.
8. Казанцев А. А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий //

- Полис. Политические исследования. — 2001. № 5. — С. 116–122.
9. *Казанцев А. А.* Центральная Азия: Светская государственность перед вызовом радикального ислама // Валдайская записка. — 2016. № 2 (42). URL: <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/central-asia-secular-statehood-challenged-by-radical-islam/>
- 9а. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М.: МГИМО-Университет, 2007.
10. *Сергеев В. М., Кузьмин А. С., Алексеенкова Е. С., Казанцев А. А.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. Политические исследования. — 2007. № 2. — С. 31–43.
11. *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
12. *Kazantsev A.* Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. 2008. Т. 60. № 6. P. 1073–1088.
13. Sultanistic Regimes / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
14. Syria Calling: Radicalization in Central Asia // Europe and Central Asia Briefing N°72 Bishkek/Brussels, 20 January 2015/

Л. Ю. Гусев

Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах – членах ШОС

Леонид Юрьевич Гусев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Аналитического центра Института международных
исследований МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: lgoussev@yandex.ru

***Аннотация.** После обретения независимости республики Центральной Азии столкнулись с вопросом обеспечения региональной безопасности. Основные трудности в этом направлении связаны с влиянием зон политической нестабильности и конфликтов на Кавказе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в Афганистане, на Среднем и Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, способствует распространению в странах Центральной Азии деятельности различных представительств и фондов исламистской направленности. В этом контексте в статье рассматриваются методы борьбы с террористическими группировками в отдельных странах центральноазиатского региона.*

***Ключевые слова:** региональная безопасность, Центральная Азия, экстремистские структуры, борьба с террористическими группировками*

После обретения независимости республики Центральной Азии столкнулись с трудностями обеспечения региональной безопасности. На это повлияли события, связанные с гражданской войной в Таджикистане в 1992–1997 гг. и вторжением на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999–2000 гг. вооружённых формирований боевиков Исламского движения Узбекистана. Эти события стали пиком проявления угроз терроризма и экстремизма¹.

На распространение угрозы терроризма в Центральной Азии влияют конфликты на Кавказе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в Афганистане, на Среднем и Ближнем Востоке [1]. Особенно этому способствует ситуация в Афганистане, где талибы оказывают большую организационную и материальную поддержку ИДУ, радикальной таджикской оппозиции и уйгурским сепаратистам². Результатом такой политики за последние полтора года стало появление ячеек «Исламского государства» (запрещённого в России) [3].

В странах Центральной Азии действуют различные представительства и фонды исламистской направленности. Среди них активную деятельность осуществляют такие организации, как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вакъ Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодёжи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» [5].

В последнее время активность в исламизации общества проявляют прибывшие миссионеры из исламских стран, таких как Саудовская Аравия, Пакистан, Иран и Турция [4]. Пользуясь их поддержкой, свою деятельность здесь осуществляют такие радикальные течения, как «Салафиты», «Акромиды», «Ваххабиты», «Нурджулар».

Ответной реакцией на происходящие события становится активная борьба с этими группировками в отдельных странах Центральной Азии, входящих в ШОС.

Правительство Таджикистана за последние пять лет усилило борьбу с экстремистскими группировками. Так, в конце 2010 – начале 2011 гг. местные «силовики» провели крупную операцию по уничтожению боевиков в Раштской долине. В конце июля 2012 г. в г. Хорог, адми-

¹ URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1296021720>

² Там же.

нистративном центре Горно-Бадахшанской автономной области была проведена спецоперация по обезвреживанию группировки Толиба Айёмбекова, которая причастна к убийству генерала спецслужб, начальника управления Госкомитета нацбезопасности по ГБАО Абдулло Назарова³. В конце ноября 2014 г. в Таджикистане были задержаны 20 террористов, которые готовили диверсионные акты на севере страны. Все преступники были членами группировки «Исламское движение Узбекистана»⁴. При обыске у задержанных обнаружили так называемые «пояса шахидов», взрывчатку, детонаторы и экстремистскую литературу.

Как сообщил глава МВД республики, генерал-лейтенант милиции Рамазан Рахимзода, преступники прошли подготовку в спецлагерях в одном из зарубежных государств и планировали взорвать ряд стратегически важных промышленных объектов в Таджикистане⁵. Чуть ранее, 12 ноября 2014 г. правоохранительные органы республики уже обезвредили группу экстремистов из 12 человек. Все её участники были членами террористической группировки «Джамоати Ансаруллох» и вербовали сограждан для участия в джихаде в Сирии⁶.

В связи с этими событиями в 2014–2015 гг. была проведена ещё более жёсткая кампания по борьбе с «религиозным экстремизмом». В частности, представители правительства присутствовали на проповедях в мечетях и там, где проповеди были сочтены излишне радикальными, мечети закрывались (чаще всего помещения затем передавались различным культурным центрам) [5]. Всего было закрыто порядка 2 000 мечетей. Только в районе Абдурахмани Джоми (Хатлонская область на юге Таджикистана) было закрыто 50 мечетей⁷. Во всех городских центрах жёсткие меры предпринимались по обеспечению антирелигиозного «дресс-кода»: административной кодификации подверглись одежда, например ношение женщинами платков, ношение бород мужчинами и т. п. Осенью 2015 г. даже началась кампания по борьбе с женщинами-проповедницами, так как их деятельность также была сочтена способствующей распространению экстремизма.

В 2015 г. одним из ярких примеров экстремизма было дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурода Халимова. В своём видеообращении полковник заявил на фоне пальм и бородатых вооружённых людей, что он находится в Сирии, где будет «бороться за права мусульман». Полковник обещал вернуться в Таджикистан, чтобы установить там законы шариата⁸.

Осенью 2015 г. произошёл военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Во время него в двух террористических атаках в Таджикистане погибли 17 военнослужащих человек. Атаки были проведены в Душанбе и Вахдате, бывшем Орджоникидзебаде — городе в 20 километрах к востоку от таджикской столицы⁹.

Сам генерал-майор Абдухалимом Назарзода был членом Партии исламского возрождения (ПИВТ) и бывшим полевым командиром Объединённой таджикской оппозиции (ОТО). После подписания мирного соглашения в 1997 г. он был введён в ряды вооружённых сил Таджикистана по 30-процентной квоте¹⁰. После мятежа ПИВТ была запрещена. Правда, сами её руководители утверждали, что структуры партии к мятежу причастны не были.

Политика, проводимая властями Узбекистана в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, традиционно является чрезвычайно жёсткой. Однако узбекские экстремистские структуры (особенно ИДУ) — самые сильные и агрессивные в регионе. Так, по мнению британской газеты Financial Times, террористическая группировка ИДУ доказала, что она представляет долгосрочную угрозу, а в настоящее время взаимодействует с «Аль-Каидой» и пакистанской террористической группой «Лашкар-э-Тайба».

В конце 1990-х гг. группировка ИДУ насчитывала всего несколько сотен узбекских и таджикских боевиков, но теперь группа насчитывает тысячи боевиков из всех центрально-азиатских

³ Памир возвращается к миру, но в Таджикистане опасаются раскола страны. URL: <http://ria.ru/analytics/20120731/713687993.html>

⁴ URL: <http://mir24.tv/news/incident/11608068>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://islamnews.tj/tajikistan/1070-neoficialnye-mecheti-preobrazovali-v-kulturnye-centry.html>

⁸ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660483>

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660483>

государств, а также Китая, Турции, Азербайджана и Чечни¹¹. Следует отметить, что глубинные причины роста экстремизма в этой стране кроются, в том числе, в политических, социально-экономических и межэтнических проблемах, особенно характерных в современных условиях для наиболее густонаселённых районов Ферганской долины. Ферганская и Каратегинская долины являются также удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований¹².

В Казахстане в связи с рядом событий (взрывы в Актобе и Астане, вооружённые столкновения в г. Жанаозень) также активно обсуждается проблема роста террористической деятельности. В этом государстве, как и в Центральной Азии в целом, главными проводниками идей террора являются исламистские течения и организации. В этой связи для минимизации их воздействия на сознание жителей республики руководство Казахстана предприняло ряд мер по усилению работы, направленной на повышение религиозного образования, а также духовного развития казахстанского общества. Для этого в республике было создано специализированное ведомство — Агентство по делам религий. В этих же целях осуществлён мониторинг более 10 тыс. Интернет-порталов, в результате чего судом г. Астана вынесены решения о признании незаконной и прекращении распространения на территории страны продукции 51 иностранного сайта за пропаганду экстремизма и терроризма. Предпринимаемые Казахстаном меры по борьбе с указанными негативными проявлениями, а также проводимая руководством страны политика толерантного отношения ко всем конфессиям и национальностям, в целом, способствуют сохранению в стране безопасности¹³.

Террористическая активность в Казахстане имеет серьёзное международно-политическое измерение. Ряд экспертов, например, руководитель киргизского аналитического центра Prudent Solutions Э. Усубалиев, указывая на направленность волнений в казахстанском Жанаозене против китайского собственника, отмечает потенциальную возможность объединения казахстанского подполья с уйгурскими сепаратистами. Эксперт также считает, что создание террористических групп и распространение идеологии джихада в нефтеносных районах Каспия и северо-запада Казахстана могут в будущем угрожать интересам КНР в регионе¹⁴.

Развитие джихадистского подполья в Казахстане может потенциально оказать влияние и на казахстанско-российские отношения, особенно учитывая связь террористов из Казахстана и джихадистов на Северном Кавказе (прежде всего в Дагестане) и вероятное использование территории Казахстана для дестабилизации на российском Северном Кавказе. «Если верить информации в прессе об участии казахских боевиков в войнах на Северном Кавказе и в Афганистане, то становится понятной их цель: Северный Кавказ — получение опыта взрывного дела, Афганистан — опыт ведения боевых действий», — отмечает киргизский эксперт Э. Усубалиев¹⁵.

Бывший директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при президенте Казахстана Болат Султанов в ходе форума по вопросам взаимодействия стран Центральной Азии и Афганистана, прошедшего 4 декабря 2012 г. в Астане указал на то, что «Уже сейчас террористические организации в Ферганской долине чувствуют себя довольно вольготно. И даже функционируют базы отдыха, и существуют тайные схроны с вооружением»¹⁶. Он отметил, что с этой реальной угрозой тесно переплетается другая опасность, связанная с надвигающейся милитаризацией Центральной Азии вследствие вывода из Афганистана боевого оружия НАТО, военной техники и снаряжения. По его словам, часть перевозимого через страны Центральной Азии вооружения с учётом уровня коррупции в этих странах может быть расхищена и попасть на чёрный рынок¹⁷. Он привел пример, когда американское оружие, захваченное партизанами во Вьетнаме, затем весьма активно было задействовано в Никарагуа и в других странах Латинской Америки¹⁸.

¹¹ В Центральной Азии зреет кризис, а крупные державы интересуется лишь «Большая игра». URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/38077>

¹² URL: <http://www.cisnews.org/expert-opinion/2866-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-strany-centralnoy-azii-byut-trevogu.html>

¹³ Там же.

¹⁴ URL: <http://polit.uz/archives/7745>

¹⁵ Там же

¹⁶ Террористы в Ферганской долине чувствуют себя вольготно и даже открывают базы отдыха — директор КИСИ. URL: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/32659>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Для южной части Киргизии традиционной угрозой является перенос деятельности экстремистских групп из соседнего Таджикистана и Узбекистана. Одной из причин этого является слабость правоохранительных структур этой страны. В основном речь идёт о жизни узбекской диаспоры. Сами киргизы вовлечены в эту деятельность сравнительно слабо, в том числе, из-за низкого уровня исламизации. Так, в октябре 2012 г. в Киргизии был задержан член международной террористической организации «Исламское движение Туркестана», разыскиваемый спецслужбами Узбекистана уроженец Ферганской области Хабибулло Сулейменов¹⁹.

Однако деятельность псевдопросветительских групп, таких как «Хизб-ут-Тахрир» (формально не ставящих задачу вооружённой борьбы, но включенных в списки террористических организаций, одобренных специальными службами ключевых государств мира), постепенно начала охватывать и киргизов.

В последние годы появилась новая тенденция. Джихадистские группы Казахстана, вытесняемые из этой страны, стали оказывать влияние на салафитские джамааты в Киргизии. В частности, появление в Киргизии группы «Джейш уль Махди» в 2009–2010 гг. и обострение ситуации в Казахстане в религиозной сфере примерно в этот же период можно рассматривать как звенья одной цепи²⁰.

Кроме того, тревогу властей Киргизии вызывает быстрая переориентация на новую среду и гибкость в действиях радикальных религиозных групп, к которым плотно примыкает запрещённая в стране решением Верховного суда террористическая организация «Жайшуль махди», основанная на принципах джихада против неверующих. В Киргизии известны случаи, когда заключённые в тюрьму члены этих организаций за короткое время сумели обратить сокамерников в своих ярых сторонников. На этом фоне постоянные перевороты внутри Духовного управления мусульман Киргизии лишь усугубляют проблему²¹.

В феврале 2014 г. президент Киргизии А. Атамбаев, выступая на заседании Совета обороны республики, посвящённом государственной политике в религиозной сфере, отметил, что в настоящее время отдельные представители мусульман путают культуру арабов, народов Бангладеш и Пакистана с исламской религией. Он указал на то, что: «Они игнорируют нашу исконную народную культуру и навязывают людям другую культуру. На наших улицах сейчас много тех, кто отрастил бороды и носит дамба́лы (штаны). Вместо открытых, красочных нарядов навязывают нашим девушкам чёрное, такое у нас обычно носят овдовевшие женщины. Безусловно, мы мусульмане, это религия наших предков, но в то же время мы, прежде всего, киргизы! Не надо это забывать!»²². Он также добавил, что «государство и представители власти имеют полное право вмешиваться в религиозную сферу, в деятельность органов духовенства. Если посмотреть на некоторые мусульманские страны, политики используют религию в своих целях, превратили религию в политическое оружие. На примере Афганистана, Ирака, Египта, Сирии можно увидеть то, что происходит в государстве, когда духовенство вмешивается в политику. В этих странах народ разделён на два лагеря, и идёт гражданская война. И в Киргизии отдельные политики в связке с духовными служащими стремятся смешать религию с политикой. Это очень опасно. Нельзя допускать подобных политических игр»²³.

Одним из последних проявлений терроризма в стране был взрыв у ворот китайского посольства в Бишкеке утром 30 августа 2016 г. Его совершил террорист-смертник, который на машине протаранил ворота дипломатической миссии и взорвался. В результате сам смертник погиб. Все пострадавшие — граждане Киргизии²⁴.

Госкомитет национальной безопасности (ГКНБ) Киргизии через несколько дней заявил, что теракт в посольстве Китая в Киргизии совершил член «Исламского движения восточного Туркестана» по заказу действующих в Сирии уйгурских террористических группировок, связанных с группировкой «Джабхат ан Нусра» (террористическая организация, запрещённая в России).

Однако нужно отметить, что в целом власти Киргизии в последнее время серьёзно усилили

¹⁹ URL: <http://www.24kg.org/investigation/139737-v-kyrgyzstane-zaderzhan-chlen-mezhdunarodnoj.html>

²⁰ URL: <http://polit.uz/archives/7745>

²¹ URL: <http://centrassia.ru/kirgistan/17-kyrgyzstan-poligon-terroristicheskogo-internacionala.html>

²² Президент Киргизии: Под видом исламской религии арабские страны пытаются навязать свою культуру. URL: <http://www.for.kg/news-249554-ru.html>

²³ Там же.

²⁴ URL: <http://www.newsru.com/world/30aug2016/kirg.html>

борьбу с религиозным экстремизмом и влиянием различного рода салафитских течений. Это достаточно позитивная тенденция.

Таким образом, можно констатировать, что угроза со стороны исламистских террористических групп для стран Центральной Азии довольно высока и для противодействия ей необходимо объединить усилия России и её партнёров по ШОС и ОДКБ [6].

В этой связи России (прежде всего, по линии ОДКБ) было бы желательно увеличить затраты на поддержку модернизации вооружённых сил и силовых структур центральноазиатских государств в соответствии с имеющимися возможностями [2].

Также необходимо совершенствование организационной структуры ОДКБ для противодействия террористическим угрозам. В связи с этим необходимо продолжать укреплять сотрудничество между структурами ШОС и ОДКБ, ведущееся уже пять лет.

Что же касается непосредственно ШОС, то было бы целесообразно усилить деятельность Региональной антитеррористической структуры организации, находящейся в Ташкенте, кроме того, рассмотреть создание в рамках ШОС специальных, постоянно действующих объединённых подразделений по борьбе с наркоторговлей и экстремизмом [5]. Формирование единых полицейских сил и их организационных структур могло бы усилить работу в этом направлении.

Для того чтобы ШОС стала одним из центров международных усилий по борьбе с терроризмом и экстремизмом, необходимо развивать координацию деятельности силовых ведомств стран — членов ШОС со структурами ООН и других международных организаций.

The Fight Against Terrorism and Extremism in the Central Asian Countries – Members of the SCO

Leonid Gusev, PhD (History), Senior Research Fellow
Analytical Center of the Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: lgoussev@yandex.ru

***Summary.** After obtaining independence the republics of Central Asia faced with difficulties of regional security maintenance. The first threat to regional security comes from political instability in the Caucasus, the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China, Afghanistan, the Middle and Near East. The second dangerous factor is a terrorist activity in the Central Asia accompanied by growth of various offices and funds of Islamist orientation in the Central Asia. With these factors in mind, the author considers possible methods of combating terrorists in different countries of the Central Asia.*

***Keywords:** regional security, Central Asia, the extremist structures, the fight against terrorist groups.*

Литература / References

1. Гусев Л. Ю. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии // Современные евразийские исследования. — 2016. № 2. — С. 61–74.
2. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам — членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. — М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017.
3. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / Аналитические доклады. Институт международных исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1 (45).
4. Федорченко А. В., Крылов А. В. Научная оценка апофеоза исламистского радикализма // Международная жизнь. — 2016. № 2. — С. 181–187.
5. Казанцев А. А. Центральная Азия: Светская государственность перед вызовом радикального ислама // Валдайская записка. № 2 (42), январь 2016 г. URL: <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/central-asia-secular-statehood-challenged-by-radical-islam/>
6. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. — 2008. Т. 60. № 6. — P. 1073–1088.

Исторические ракурсы

С. И. Чернявский

Февральская революция 1917 года и судьба военнопленных Первой мировой войны

Чернявский Станислав Иванович, доктор. ист. наук, профессор,
директор Центра постсоветских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД РФ
E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

***Аннотация.** Первая мировая война поставила перед российскими дипломатами ряд практических вопросов. Первый — возвращение на родину оказавшихся на чужбине российских подданных, второй — оказание помощи многочисленным военнопленным. Всего в России было зарегистрировано 1 451 160 иностранных военнопленных, а во вражеских странах — 2 501 250 русских.*

После Февральской революции сфера деятельности заграничных учреждений МИД значительно расширилась. Дипломаты должны были обеспечить возвращение на родину политических эмигрантов, среди которых господствовали либо монархические, либо революционные настроения. Временное правительство стремилось переложить на МИД все сложные вопросы, связанные с отбором, кого целесообразно возвращать в Россию.

После Октябрьской революции 1917 г., согласно Договору о перемирии между Россией и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией от 2 (15) декабря 1917 г. и договору между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией от 3 марта 1918 г., пленные подлежали обмену и отправке на родину.

Численность русских военнопленных к середине 1917 г. составляла 2 417 тыс. До 1918 г. в Россию прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей, всего 775 тыс. (32 %). На начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. (68 %). За исключением умерших в плену 190 тыс., остались в Европе — 95 тыс., вернулись в прибалтийские государства — 215 тыс. Таким образом, не вернулись в Россию 500 тыс. (21 %) русских военнопленных.

Вопросы гуманитарного сотрудничества по-прежнему находятся в центре внимания российского Министерства иностранных дел. Россия вносит достойный вклад в работу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции, взаимодействует с Советом Европы и ОБСЕ.

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Февральская революция, Министерство иностранных дел, военнопленные, политические эмигранты, гуманитарное сотрудничество.*

Февральская революция 1917 г. внесла существенные коррективы в деятельность всего государственного аппарата Российской империи, в том числе Министерства иностранных дел. Несмотря на монархический настрой подавляющего числа руководящих сотрудников МИД, они «с пониманием» отнеслись к произошедшим событиям. В отличие от военного ведомства руководство МИД активно шло на расширение сотрудничества с Государственной думой. На это настраивали МИД и послы в ведущих западноевропейских странах — Великобритании, Франции, скандинавских государствах, призывавших «модернизировать» монархию и создать хотя бы видимость демократического принятия важнейших решений. Министры А. П. Извольский и С. Д. Сазонов пытались проводить эту линию с тем, чтобы сделать существующую систему государственного управления более совместимой с западноевропейскими, придав ей внешнюю привлекательность.

Поддержка Думы была необходима министерству для решения важных практических вопросов, поставленных войной перед дипломатами. Первый — возвращение на родину россий-

ских подданных, оставшихся в силу начала военных действий на чужбине, к концу 1916 г. был в целом решён. Второй — оказание помощи многочисленным военнопленным — требовал поддержки депутатов.

Первая мировая война показала не только техническую отсталость России, но и, мягко говоря, «бесталанность» её генералитета. Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество русских генералов, оказавшихся в плену у германских войск. В сражениях при Танненберге 26–30 августа 1914 г., в Августовских лесах в феврале 1915 г. и при сдаче крепости Новогеоргиевск 19 августа 1915 г. русская армия понесла значительные потери в генеральском составе. По приводимым российским исследователем О. С. Нагорной данным, при окружении 2-й (Наревской) армии в Восточной Пруссии в плену оказались 16 генералов. При окружении 20-го армейского корпуса 10-й армии в Мазурии к немцам попали 13 генералов. Еще 17 генералов сдались при осаде крепости Новогеоргиевск. Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. в плену оказались 12 генералов [5].

Согласно официальным данным, представленным МИДу Главным управлением Генерального штаба, Центральным справочным Бюро и соответствующими союзными правительствами количество военнопленных на декабрь 1916 г. составляло:

	В России	Во Франции	В Англии	В Германии	В Австро-Венгрии	В Турции	В Болгарии
Германцев	134 000	162 541	50 000	—	—	—	—
Австрийцев	1 300 000	—	—	—	—	—	—
Турок	17 160	—	—	—	—	—	—
Болгар	—	—	—	—	—	—	—
Французов	—	—	—	335 000	—	—	—
Англичан	—	—	—	32 000	—	—	—
Русских	—	—	—	1 400 000	1 095 000	6 200	50

Всего в России было зарегистрировано 1 451 160 военнопленных, а во вражеских странах — 2 501 250 русских. В плену в России находилось офицерских чинов германской армии — 2 371, генералов среди них не было, полковников — было 3, штаб-офицеров — 12, врачей — 98. В германском плену офицерских чинов русской армии было 20 486 (генералы, офицеры, военные чиновники, священники, сестры милосердия), из них генералов — 57, врачей приблизительно — 600–800¹.

Российская законодательная база о военнопленных к началу войны основывалась на положениях Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», в которой особо оговаривалось «человеколюбивое отношение» неприятельского правительства к попавшим в плен. В рамках этого во многом декларативного международно-правового акта 7 октября 1914 г. в России утвердили Положение о военнопленных. По нему военнопленными считались только «лица неприятельских сухопутных и морских вооружённых сил (кроме шпионов)», подданные воюющих с Россией государств, входящие в состав экипажей торговых судов и сопровождающие неприятельскую армию — газетные корреспонденты и репортёры, маркитанты, поставщики и др. С ними предписывалось «обращаться человеколюбиво», не препятствовать в «исполнении обрядов их вероисповеданий», сохранять при них собственность в неприкосновенности (кроме оружия, лошадей, военных бумаг) и т. д. Военнопленных разрешалось привлекать к «казённым и общественным работам», но «не изнурительным и не имеющим отношения к военным действиям». «Оплате вознаграждением» они не подлежали.

В соответствии с указанным Положением на территории России военнопленных предполагалось содержать при местных войсках в виде команд в ведении тех начальников воинских частей, при которых они состояли. Пищевое довольствие предполагалось «по возможности наравне с нижними чинами русских войск». Высшие офицерские чины должны были кормиться сами из выплат согласно таблицы окладов жалования по чинам в русской армии от 1 мая 1899 г.²

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

² Известия МИД. 1915. Кн. I. С. 49–61.

Огромные потери воюющих государств и беспримерная жестокость, с которой велись боевые действия, показали иллюзорность принятых норм международного права. Более того, масштабы взятых в плен военнослужащих и гражданских лиц настолько превосходили возможности воюющих государств по их содержанию, что они даже гипотетически не смогли бы применить указанное законодательство.

16 декабря 1915 г. в составе МИД создали Отдел о военнопленных во главе с бывшим министром-резидентом в Дармштадте С. Д. Боткиным³. В числе первоочередных задач, поставленных министром перед новым подразделением, числился сбор информации о реальном положении военнопленных и наиболее серьезных случаях нарушения международного права⁴.

С первых же дней своей деятельности руководство Отдела о военнопленных стремилось обеспечить контроль за обращением с попавшими в плен офицерами и рядовыми русской армии. Поскольку испанские дипломаты, взявшие на себя (не бесплатно!) защиту российских интересов в Германии и Австро-Венгрии, весьма неохотно посещали места заключения военнопленных, МИД настаивал на плановой проверке концлагерей.

С каждым месяцем войны в воюющих государствах нарастала проблема продовольственного снабжения не только собственной армии и населения, но и военнопленных. Среди оказавшихся в плену миллионов солдат и офицеров многие были ранены, искалечены или страдали от болезней, связанных с плохим питанием и изнурительным трудом. Многие сходили с ума и кончали жизнь самоубийством.

Содержание и охрана военнопленных отвлекали немалые финансовые, людские и продовольственные ресурсы. Если здоровых людей ещё можно было использовать на работах и в определённой степени компенсировать затраты на их содержание, то лечение инвалидов, раненых и тяжело больных представлялось для воюющих государств обременительным, особенно с учётом того, что широко распространённый в этот период туберкулез «косил» не только военнопленных, но и гражданское население многих стран [2, с. 93].

Военные «стратеги» полагали нахождение большого количества русских солдат и офицеров во вражеском плену более полезным, поскольку оно обременяло противника, находившегося в тисках экономической блокады Антанты, и усугубляло его продовольственные проблемы.

Поскольку больные и раненые русские солдаты и офицеры не могли непосредственно повлиять на расклад военных сил и исход войны, они списывались со счетов. Приоритетной задачей Генштаба, как свидетельствуют архивные документы, отнюдь не являлось спасение наибольшего числа русских военнопленных от голода, болезней и смерти. Их судьба волновала генштабистов в последнюю очередь. Главной опасностью генералитет считал возможное развертывание с участием германских и австрийских военнопленных шпионажа против России с территории нейтральных стран.

На фоне преступного безразличия царского генералитета к судьбам тяжелораненых и изувеченных войной солдат и офицеров трагически звучат строки из «Песни павших» Лиона Фейхтвангера:

*Мы здесь лежим, желты, как воск.
Нам черви высосали мозг.
В плену могильной немоты
Землей забиты наши рты.
Мы ждем ответа!
Плоть наша — пепел и труха,
Но, как могила ни глуха,
Сквозь глухоту, сквозь сон, сквозь тьму
Вопрос грохочет: «Почему?»
Мы ждем ответа!»⁵*

³ Сергей Дмитриевич Боткин состоял на службе в МИД с 1892 г. Летом 1914 г. был назначен посланником в Дармштадте, но из-за начала войны не успел вступить в эту должность и должен был вместе с другими дипломатами из Берлина вернуться в Россию. В 1919–1920 гг. — посол России в Берлине, где одновременно возглавлял Русский Красный Крест (до 1936 г.).

⁴ Известия МИД. 1916. Кн. I. С. 63.

⁵ Перевод Л. Гинзбурга.

В обстановке 1917 г. представители Министерства иностранных дел Российской империи продолжали отстаивать интересы военнопленных, несмотря на противодействие Военного министерства. Не отрицая важности военных соображений и расчётов, дипломаты не могли не беспокоиться и о поддержании международного престижа правительства. Не собирались они игнорировать и всё более настойчивые требования общественного мнения внутри страны о помощи пленным. Для решения проблемы спасения от гибели больных и раненых важно было расширить круг государств, готовых принять большее количество русских и адекватным образом позаботиться о них.

16 марта 1917 г. МИД направил в правительство свои соображения по данному вопросу⁶. Предлагалось, в частности, объединить деятельность всех правительственных и общественных организаций, работающих в помощь военнопленным, взяв за образец имеющую значительные полномочия Французскую внепарламентскую комиссию. Указанное предложение неоднократно высказывалось как по линии Российского общества Красного Креста, представившего разработанный совместно с МИД соответствующий проект, так и председателем Государственной думы М. В. Родзянко на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста. Однако в обоих случаях предложения об объединении правительством одобрены не были.

Что касается проблемы интернирования военнопленных в нейтральных странах, то МИД предлагал не только принять предложение Дании о значительном увеличении числа переводимых в эту страну пленных, но и не ограничивать в принципе их предельного количества. Высказывалось также пожелание о возобновлении переговоров с Голландией, предлагавшей принять пленных, число которых могло бы достичь нескольких тысяч. МИД настаивал на немедленном согласии с предложениями Австро-Венгрии об обмене туберкулезными и отпуске на родину всех военнопленных, которые имели бы право на интернирование в нейтральную страну, но были лишены этой возможности в силу ограниченного числа свободных мест в таковых странах.

Дипломаты предлагали также срочно вывести тему о военнопленных из компетенции цензурных органов и отменить запрет воззваний по сбору средств в пользу пленных соотечественников, обеспечив публичность этого процесса. Предлагалось также облегчить получение русскими пленными корреспонденции и ускорить её доставку неприятельским пленным в России, пропускать письма без цензуры по истечении определённого срока по их получении; отменить цензуру книг; ускорить досмотр посылок и принять меры против порчи их содержимого (подробнее см. монографию автора [7]).

Февральская революция 1917 г. внесла радикальные изменения в деятельность российских дипломатических загранучреждений.

Прежде всего, ускоренными темпами велось обновление руководящего состава российских представительств. Одними из первых вынуждены были уйти в отставку посланники в Лиссабоне и Копенгагене — П.С. Боткин и К.К. Буксгевден, а также поверенный в делах в Берне М. М. Бибилов. Послу в Испании кн. Кудашеву П. Н. Милюков также предложил подать в отставку. Его место занял посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов, ставший первым послом Временного правительства.

На ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство назначало не профессиональных дипломатов, а представителей «политической общечественности», лояльной к республиканской власти. Должность российского посла в США занял Б.А. Бахметьев, по образованию инженер-гидравлик, кадет, стоявший во главе Русского заготовительного комитета в Нью-Йорке, сформированного в 1916 г. правительством для военных заказов. Посланником в Швейцарии стал И. Н. Ефремов, прогрессист, бывший Государственный контролёр Российской империи. Послом во Францию назначили известного адвоката, одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова, а в Испанию, вместо внезапно подавшего в отставку А. В. Неклюдова — генерал-губернатора Финляндии, октябриста М. А. Стаховича⁷.

Разослав своих депутатов в качестве «комиссаров» в страны Антанты, новая власть благодаря активной деятельности зарубежных учреждений МИД получила международное признание. Вскоре Временный комитет Думы по соглашению с Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство. Из

⁶ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6208. Л. 12–13

⁷ Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // Международная жизнь. — 2001. № 9–10. — С. 71.

11 его членов 8 являлись депутатами Думы, в их числе и ставший министром иностранных дел П. Н. Милюков.

Известный политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Милюков прослужил в этой должности с 3/16 марта по 2/15 мая 1917 г. Лидер Конституционно-демократической партии (кадетской), он получил прозвище «Милюков-Дарданелльский» за настойчивые требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы⁸.

Новый министр всячески демонстрировал свою «непохожесть» на бывших руководителей, бравируя показным демократизмом и революционной демагогией. Это наглядно проявилось при его первой встрече с коллективом МИД. 3 марта 1917 г. руководящие чиновники Министерства иностранных дел, фактически не работавшего с 28 февраля по причине революции, получили извещения о намерении нового главы ведомства вступить в должность. Им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня. Никаких парадных мундиров — в пиджаках. Такой «неформальностью» встречи планировалось подчеркнуть демократизм и деловитость нового режима (к аналогичным «приёмам» прибегал в последующем советский министр иностранных дел времен «перестройки» Э. А. Шеварднадзе).

Несмотря на ускоренные замены профессионалов политическими деятелями, от П. Н. Милюкова требовали более радикальной ломки старого заграничного аппарата. Ярким эпизодом подобной деятельности стали результаты командировки «комиссара» Временного правительства С. Г. Сватикова, посланного за границу с поручением расформировать заграничную политическую агентуру департамента полиции. В его секретном докладе делаются весьма критические выводы о заграничном коллективе МИД⁹.

«Все черносотенцы, — утверждал Сватиков, — оставлены на своих местах и пользуются усиленной поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как “жиды, шайка жидов, завладевшая Россией, Советы Собачьих Депутатов” и т. п., являются высокохарактерными для тогдашних представителей России за границей. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой Россией. Представители России даже в благотворительной области продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжкой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покровительством г-жи Извольской. Характерной чертой для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся, после короткого перерыва, преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова»¹⁰.

Как ни парадоксально, новая власть любым путём стремилась «добить» монархистов, рассматривая их как «контрреволюционеров» и не обращая внимания на реальную угрозу со стороны левацких элементов.

В срочном порядке менялась внешняя атрибутика российских загранучреждений — с посольского флага убрали двуглавого орла, выбрасывались царские портреты, а на дипломатических паспортах, бланках посольств удалялись слова «императорское» и изображение орла. Кстати, аналогичный процесс проходил с российскими загранучреждениями после распада Советского Союза, когда из зданий посольств выносили бюсты Ленина и затирали не только государственный герб на табличках у входа, но и название государства (СССР), которое ранее представляет посольство.

После Февральской революции сфера деятельности российских дипломатических загранучреждений значительно расширилась. Впервые им вменялось в обязанность тесное сотрудничество с находящейся в стране пребывания российской диаспорой, независимо от её политических воззрений. Дипломаты должны были принять меры не только к обеспечению

⁸ Милюков достаточно подробно описал свою недолгую деятельность в качестве министра иностранных дел в своих многочисленных публикациях (См., например, [3; 4]).

⁹ Сергей Григорьевич Сватиков (1880—1942) — общественный деятель, журналист, член РСДРП (меньшевик). С 17 мая 1917 г. был назначен на должность комиссара Временного правительства с особым поручением. Отчёты Сватикова Временному правительству и другие материалы, связанные с ним (См.: ГАРФ. Ф. 324). С 1920 г. Сватиков находился в эмиграции, где изучал историю русского общественного движения.

¹⁰ Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Централхив. — М.-Л., 1927. — С. 25—38.

беспрепятственного возвращения на родину политических эмигрантов, но и «объединить, примирить и направить» русские диаспоры, внутри которых господствовали либо монархические, либо революционные настроения [4].

Малочисленность российских загранучреждений, необходимость решать в первую очередь вопросы чисто дипломатического характера, связанные с усилением поддержки воюющей России страной пребывания посольств, распыляла их силы. Дополнительную сумятицу вносили телеграммы П. Н. Милюкова с требованием сосредоточиться на возвращении русских эмигрантов, по разным причинам покинувшим в своё время родину. В результате дипломатам нередко приходилось отправлять морским путём на родину политэмигрантов одновременно с военнопленными, что приводило к дракам на борту.

Одним из первых распоряжений П. Н. Милюкова на посту министра стало указание посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. В направленной им 9 марта 1917 г. циркулярной телеграмме в дипломатические представительства за границей предлагалось считать более не действительными «сообщённые в разное время Министерством иностранных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию воспрещён по политическим соображениям».

Ввиду последовавшего ныне акта о политической амнистии, все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои значатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещён как осуждённым по суду за общеуголовные преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение»¹¹.

При этом Временное правительство требовало от загранучреждений МИД взять под контроль волну реэмиграции, отделяя «благонадёжных оборонцев» от «крамольных интернационалистов» и освобождённых из плена военнослужащих. В условиях разгрома осведомительной системы внешней контрразведки сделать это было практически невозможно. Поэтому контроль над реэмиграцией, установленный согласно циркулярной телеграмме министра иностранных дел от 18 марта 1917 г., оказался фикцией:

«На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию, в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. Милюков».

То же подтверждалось последующей телеграммой от 1 апреля: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадёжности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашего предыдущего указания».

Неустойчивая внутриполитическая ситуация в России вынуждала министра постоянно лавировать, что вносило двусмысленность в его распоряжения и создавало дополнительные трудности сотрудникам загранучреждений.

Милюков колебался. 5 апреля он направил дипломатическим представителям в Лондоне и Париже инструкцию, фактически перечёркивающую предыдущие указания: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сем великобританскому (французскому) правительству»¹².

Новости из России были с восторгом встречены российскими гражданами за рубежом. В посольства стали поступали многочисленные ходатайства о возвращении на родину от самых различных групп граждан: трудовых эмигрантов, лиц, выезжавших на время за рубеж и задержавшихся из-за войны, от учащихся, а также военнопленных.

Все они, в соответствии с «Правилами об оказании помощи русским подданным за границей», установленными Временным правительством, имели право на получение пособий и ссуд для возвращения на родину¹³. Отправляемым на родину политэмигрантам выдавали особые

¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

¹² Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. - М.; Л., 1927. С. 3–9.

¹³ АВПРИ. Ф. 757. Оп. 455г. Д. 1а. Л. 45–45 об.

проездные листы, куда вписывали ссуды и пособия, как выданные в месте отправления, так и полученные в пути. Эмигрантам, ожидавшим отправления, а также их семьям, не имевшим возможности их сопровождать, разрешалось выдавать ссуды и пособия на проживание.

Разрешив всем желающим эмигрантам беспрепятственный въезд на родину, Временное правительство переоценило свои возможности. Бравируя «революционностью», оно оказалось не в состоянии контролировать мощный поток реэмиграции ни политически, ни технически. Особенно наглядно это проявилось в неспособности помешать выезду из Швейцарии 3 апреля первой, «ленинской», группы политэмигрантов. Все попытки российской миссии задержать «ленинцев» не встретили поддержки со стороны охваченного внутренними разногласиями Временного правительства.

«Вчера, — докладывал 1 (14) апреля из Стокгольма посланник в Швеции Неклюдов, — здесь остановился Ленин и ещё несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями швейцарского социалиста толка Циммервальда Фрицом Платтенем, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через 2 недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретиться в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире»¹⁴.

Как известно, сразу же по возвращении в Петроград В. И. Ленин провозгласил свои «апрельские тезисы», ставшие практическим руководством к подготовке новой революции.

Об остроте эмигрантского вопроса в Швейцарии свидетельствует телеграмма поверенного в делах Андрея Михайловича Ону из Берна от 5(18) апреля: «В Швейцарии пока образовались две организации для эвакуации эмигрантов: одна в Цюрихе носит скорее интернационалистический характер, другая в Берне — так называемые “обороновцы”, желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. Ввиду бедности многих эмигрантов общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семьям и больным».

В телеграмме того же поверенного в делах от 7 (20) апреля сообщалось: «Среди эмигрантов упорно распространяются слухи, что Англия пропустит в Россию только “надёжные элементы”. Немало эмигрантов уже ликвидировали свои дела в Швейцарии и желают во что бы то ни стало ехать в Россию поскорее. Поэтому следует ожидать, что под влиянием указанного слуха они будут уезжать через Германию, подобно тому, как уехала группа Ленина»¹⁵.

Не менее тревожные сведения шли в Петроград из Парижа. В телеграмме от 30 марта (12 апреля) поверенный в делах во Франции Матвей Маркович Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придётся действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную эмиграцию. Есть надежда найти небольшой пароход, который провёз бы четыреста — пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 франков с человека до Архангельска. О числе же желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более что неизвестно, сколько ещё прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чём прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих своё поведение побуждениями политического характера»¹⁶.

¹⁴ Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. — М.; Л., 1927. — С. 5.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же.

Временное правительство, исходя из внутривластных соображений, стремилось максимально переложить на центральный аппарат МИД и его загранучреждения все сложные вопросы, связанные с отбором возвращенцев. Речь шла, в частности, о возвращении на родину эмигрантов, покинувших её по национальным и религиозным причинам.

Министерство иностранных дел полагало, что русские граждане, покинувшие Россию по причинам национального и религиозного характера, «всецело входят в категорию политических эмигрантов» и потому на них распространяются льготы, предоставленные этим последним. Подобный подход встретил резкую оппозицию Военного министерства, настаивавшего на том, что принадлежность к какой бы то ни было национальности не считалась в России нелегальной и до государственного переворота и не вызывала специальных преследований. Лишь для некоторых национальностей (главным образом, евреев) существовали известные правовые ограничения в отношении, например, места жительства и в других областях. Поэтому к категории «национальных эмигрантов» формально не должно быть причислено ни одно лицо русского подданства.

«Что же касается категории эмигрантов, покинувших Россию по причинам религиозным, то среди них могут оказаться лица самых разнообразных категорий. Сюда могут относиться все лица, подлежащие или подвергшиеся уголовному преследованию за какие-либо религиозные преступления или проступки; лица, принадлежащие к нелегальным, не разрешённым ранее или прямо воспрещённым, например изуверским сектам, и вероучениям, и т. д. Поэтому и в отношении эмигрантов “религиозных” предоставление общей льготы, допущенной при возвращении в Россию эмигрантов политических, казалось бы, не вызывается соображениями справедливости и могло бы с точки зрения наших военных интересов оказаться явно опасным, ввиду естественного предположения о возможном наплыве под видом таких эмигрантов самых нежелательных элементов, ручательств за коих, разумеется, не может быть дано русскими эмигрантскими заграничными комитетами политических эмигрантов»¹⁷.

Наибольшую тревогу реэмиграция вызывала в Военном министерстве. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к министру А. Ф. Керенскому Главного управления Генерального штаба (далее — ГУГШ).

Военное ведомство настаивало на немедленном прекращении льготного порядка возвращения политэмигрантов. ГУГШ докладывало, что в результате состоявшейся в марте 1917 г. договорённости между министрами военным и иностранных дел, согласно которой всем находящимся за границей русским политическим эмигрантам была предоставлена возможность льготного возвращения в Россию, из-за границы прибыло уже значительное количество эмигрантов. Они продолжают прибывать большими партиями, что делает практически невозможным контроль над возвращающимися гражданами. Всё чаще выясняются случаи недостаточно тщательной проверки и установления личности эмигрантов со стороны наших заграничных представителей, благодаря чему под видом политических эмигрантов в Россию проникают лица, не принадлежащие к этой категории. Таким способом, в частности, направляются в Россию (главным образом через Владивосток) огромные партии (по несколько тысяч человек) русских подданных, причисляющих себя к представителям крайнего анархизма, в действительности же не принадлежащих вовсе к определённым политическим партиям, а лишь прикрывающихся партийным именем и составляющих категорию беглых уголовных преступников и военных дезертиров.

Германские агенты или лица, способствующие неприятелю в его военных против России действиях, проникали в Россию не только под ложным именем политических эмигрантов, но нередко и действительно принадлежат к категории последних, и это заставляло ГУГШ признать, что при осуществлении льготного порядка допуска эмигрантов обеспечение границы является совершенно недостаточным. Во многих случаях эмигранты получали консульские визы на въезд в Россию одновременно громадными партиями, что создавало значительное скопление их в посещаемых проездом союзных и нейтральных странах и затрудняло их перевозку до российской границы и дальнейшее движение по стране.

В записке на имя министра обороны А. Ф. Керенского руководство Генерального штаба указывало, что, по его сведениям, «ожидается прибытие в Россию до 250 000 человек, и количество это, особенно при прибытии большими партиями, не может не вызывать самых грозных перспектив как по заботам о снабжении их продовольствием, так и по чрезмерной обременительно-

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 70–71.

сти для наших железных дорог; главные линии, по коим происходит движение эмигрантов — Сибирская магистраль и линия Торнео — Петроград — являются вместе с тем главнейшими путями доставления нам снабжения из-за границы; пункты Торнео и особенно Владивосток, до чрезвычайности перегружены ожидающими отправления внутрь страны грузами, железные дороги обладают весьма слабой провозоспособностью, и, в связи с этим, наплыв большого количества эмигрантов создаёт новую угрозу правильного снабжения армии. Сосредоточение же эмигрантов в пограничных с нами странах в ожидании отправления в Россию вызывает явное недовольство Японии и Швеции, указывавших уже на то, что правительства этих стран могут счесть себя вынужденными арестовывать группы наших эмигрантов и насильственно водворять их в наши пределы»¹⁸.

В секретной справке Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) России от 12 июля 1917 г. отмечалось, что со времени объявления амнистии эмигранты неполитические исполняли в местах своего выезда при посредстве русских консулов все требуемые формальности наряду с обыкновенными путешественниками, то есть заполняли опросные листы и затем ожидали ответа из Петрограда на поданное ходатайство.

«В совершенно иное положение, — подчёркивается в справке, — были поставлены политические эмигранты. Им для получения от консулов удостоверения, дающего право на въезд, достаточно было простого заявления нашим консулам о желании возвратиться, сопровождаемого поручительством местного эмигрантского комитета о том, что данное лицо действительно состоит в эмиграции по мотивам политического характера. После этого фамилии отъезжающих сообщались по телеграфу через Правовой департамент МИД в ГУГШ, но сообщались в сущности лишь для сведения, потому что в распоряжении Главного управления Генерального штаба не было никаких средств, чтобы воспрепятствовать проезду нежелательных эмигрантов через границу. Эмигранты ехали обычно большими партиями и сплошь да рядом держали себя вызывающе по отношению к чинам пограничного надзора.

В случае каких-либо затруднений, чинимых им, они терроризировали пограничные власти угрозами принести жалобу в Петроградский или Гельсингфорский Совет рабочих и солдатских депутатов. Представители обоих Советов неизменно обнаруживали тенденцию становиться на сторону эмигрантов против военных властей, не входя в рассмотрение дела по существу. Совершенно несомненно, что среди эмигрантов могли находиться лица, подозрительные с точки зрения шпионажа. Так, в числе прочих беспрепятственно были допущены Лев Бронштейн (псевд. Троцкий) и Анжелика Балабанова, которые значились в чёрном списке, составленном Междусоюзническим иностранным бюро в Париже. Число лиц, лишь недавно нанятых германским правительством, ещё не занесённых ни в какие списки и успевших проехать, пользуясь временным ослаблением надзора, разумеется, не может быть установлено.

Их вызывающее поведение есть лишь частный случай общего порядка, нетерпимого с точки зрения государственной обороны, но установившегося в силу того, что военные власти были объектами давления со стороны чуждых им и недостаточно компетентных органов»¹⁹.

Дипломатические представители России за рубежом (в частности, поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков) также настаивали на временной приостановке отправки политэмигрантов на родину. В телеграмме от 11/24 июля 1917 г. он сообщал: «Вопрос о дальнейшей отправке на государственный счёт политических эмигрантов с континента и из Лондона в Россию становится настолько серьёзным, что я вынужден всецело присоединиться к мнению некоторых вполне заслуживающих доверия лиц из эмигрантской среды. Не подлежит сомнению, что из Европы под видом политических эмигрантов уже проникли в Россию анархисты и уголовники и иные антигосударственные элементы. Ни посольства, ни консульства не имеют фактически возможности проверять подлинную принадлежность людей к политической эмиграции и должны полагаться на отзывы эмигрантских комитетов. Ввиду того, что взгляды таковых изменились с возвращением в Россию огромного большинства эмигрантов, отзывы комитетов не имеют теперь того значения и не дают тех гарантий, как прежде. Мне представляется необходимым, чтобы правительство циркулярно оповестило посольства в Лондоне, Париже и Риме и бернскую миссию, что впредь до назначения особых комиссаров здесь и в Париже с широкими полномо-

¹⁸ 13 и 28 июля 1917 г. были подписаны соглашения Временного правительства с Англией и Францией о взаимном привлечении подлежащих военной службе русских граждан, проживавших в Англии и Франции, соответственно, в английскую и французскую армии, а английских и французских граждан в России — в русскую армию (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1957. Л. 127, 130).

¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 52–53.

чиями и ответственностью отправка эмигрантов временно приостанавливается. Это даст возможность переправить в Россию большее количество военнопленных и военнообязанных»²⁰.

Как уже говорилось, нередко между возвращавшимися на родину на одном пароходе эмигрантами и бывшими военнопленными возникали ссоры из-за разности политических взглядов. Так, генеральный консул России в Бергене докладывал, что в проследовавшей в июле 1917 г. через Берген партии соотечественников, среди которых насчитывалось 300 политэмигрантов и 400 возвращающихся из плена солдат, происходили во время переезда из Англии на пароходе трения, обострившиеся до такой степени, что со стороны солдат слышались угрозы выбросить в море слишком ярых пацифистов. Солдаты, опасаясь какого-либо предпочтения эмигрантам, настояли на том, чтобы их отправили отдельно с первым поездом, заказанным для перевозки партии. Вообще предпочтительнее было бы отправлять хотя бы только солдат из Франции или Англии в Россию прямо морем через Архангельский или Мурманский порт²¹.

В октябре 1917 г., буквально за день до переворота, в МИД подвели итог своей трёхлетней гуманитарной деятельности. В составленной по этому поводу справке давалась краткая история вопроса²². В преамбуле документа напоминалось, в частности, что забота о русских гражданах, оставшихся за границей по военным обстоятельствам или задержанным в неприятельских странах, была поручена образованному при Первом департаменте Министерства временному Отделу денежных переводов. К нему впоследствии присоединили делопроизводство по сводке отчётов о выданных заграничными учреждениями и защищающими российские интересы в неприятельских странах нейтральными дипломатическими и консульскими учреждениями ссудах и пособиях неимущим русским гражданам.

С начала войны по октябрь 1917 г. Отделом по 118 860 переводам было переведено свыше 18 млн рублей.

По информации Отдела, до конца 1917 г. необходимо выделить на нужды военнопленных: 4 млн французских франков, 8 млн швейцарских франков, 300 тыс. фунтов стерлингов, 500 тыс. шведских крон, 370 тыс. норвежских крон, 2 млн датских крон, 1 500 тыс. голландских гульденов, 800 тыс. итальянских лир и 12 млн американских долларов, что в русской валюте составляло около 40 млн рублей.

* * *

Вряд ли кто из составлявших данный документ мог себе представить, что через несколько недель Российская империя уйдёт в прошлое.

Согласно Договору о перемирии между Россией и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией от 2(15) декабря 1917 г. и договору между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией от 3 марта 1918 г., пленные обеих сторон подлежали обмену и отправке на родину.

Детали самого процесса стороны оговорили в дополнительных договорах. Все годные к военной службе подлежали отправке на родину «наивозможно быстрее», остальные — «возможно скорее», имущество и часть невыплаченного жалования возвращалась пленным, правительства возмещали издержки на содержание военнопленных в стране пребывания. Интернированным и гражданским пленным предоставлялось право «остаться или выехать в другую страну», остальные возвращались на родину бесплатно. Вопрос о возвращении на родину раненых и больных пленных, а также лиц старше 55 лет в течение шести месяцев, был разрешен лишь в конце января 1918 г. специальным соглашением между странами — участницами этого процесса. Отпущенных из лагерей переправляли через Швецию, Ригу, Двинск, Барановичи сухопутным путём, водным — через Балтийское и Чёрное моря и по Дунаю. Восьмая статья мирного договора, подписанного в Бресте, также оговаривала отпуск всех военнопленных на родину.

С учётом «большевистского настроения» русских военнопленных государства Антанты тормозили их отправку на родину, мотивируя это необходимостью возвращения лишь «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям». На деле предполагалось использовать военнопленных для усиления русской Северной армии (25 тыс. военнопленных) и Вооружённых сил Юга России (40 тыс.).

²⁰ Там же. Л. 84.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 508. Оп. 1. Д. 53. Л. 136—137.

²² АВПРИ. Ф. 159. Оп. 731. Д. 234. Л. 1—4 об.

По подсчётам российского историка И. Б. Беловой, численность русских военнопленных к середине 1917 г. составляла 2 417 тыс. До 1918 г. в Россию прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей, всего 775 тыс. (32 %). На начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. (68 %). За исключением умерших в плену 190 тыс., остались в Европе — 95 тыс., вернулись в прибалтийские государства — 215 тыс. Таким образом, не вернулись в Россию 500 тыс. (21 %) русских военнопленных [1, с. 190].

Весной 1917 г. с целью объединения усилий общественных организаций и государственных структур в деле помощи военнопленным при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных. В октябре-ноябре 1917 г. на очередной международной конференции в Копенгагене между Россией и Центральными государствами были согласованы правила по содержанию, управлению и организации помощи военнопленным.

После заключения 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора для планомерного обмена военнопленными в апреле была создана советско-германская смешанная комиссия, а в июле-августе — советско-австрийская и советские комиссии попечения о пленных на территории Германии и Австро-Венгрии.

Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев, учреждалась Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), открывшая затем свои органы на местах. Решения Коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР.

Ноябрьские революционные события 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии нарушили начавшуюся работу по обмену военнопленными, способствуя их массовому стихийному возвращению. В связи с неконтролируемым потоком реэмигрантов В. И. Ленин 23 ноября 1918 г. утвердил циркуляр Центропленбежа, подтверждавший полномочия этой организации как высшей инстанции, ведавшей делами военнопленных.

Особый акцент делался на солдат бывшего Русского экспедиционного корпуса во Франции. Русский экспедиционный корпус — обобщающее наименование экспедиционных войск, участвовавших в Первой мировой войне на территории Франции и Греции в рамках интернациональной помощи и обмена между союзниками по Антанте. Русские экспедиционные войска включали в себя четыре отдельные особые пехотные бригады общей численностью личного состава в 750 офицеров, 45 000 унтер-офицеров и солдат, которые прибыли в течение 1916 г. во Францию (подробнее см. [6]).

В августе 1918 г. Франция через шведское правительство сделала официальное заявление Советской России о том, что не будет препятствовать возвращению в Россию находящихся во Франции русских солдат при содействии Международного Красного Креста и трёх представителей Российского общества Красного Креста (РОКК) [6]. Кроме того, правительству РСФСР сообщалось, что французское правительство приступает к систематической репатриации не только находящихся во Франции русских солдат, но и 33 тыс. русских пленных из Германии, перешедших во Францию в период перемирия. Первые эшелоны с российскими солдатами-инвалидами из Франции в Россию отправились весной 1919 г.

Надежды на мирный труд, которыми поддерживали себя русские военнопленные в лагерях на чужбине, не оправдались: сразу после возвращения им пришлось пережить ещё большие испытания в кровавом море Гражданской войны, или вновь оказаться на положении военнопленных уже в большевистских лагерях.

Гражданская война в России и польско-советская война 1920 г. приостановили процесс возвращения военнопленных на родину. Тем не менее в апреле-мае 1920 г. были подписаны двусторонние соглашения между РСФСР и Германией, Венгрией, Италией об отправке на родину военнопленных и интернированных, если они того пожелают.

Впоследствии, после завершения официального обмена военнопленными, эта тема в Советской России стала полузапретной. Память о погибших в лагерях хранили только эмигранты, помнившие ужасы плена. Так, во Франции при кладбище бывшего лагеря Ла Куртин, где были расстреляны восставшие русские военнопленные, в 1930-х гг. была выстроена часовня, где совершаются панихиды по погибшим.

В связи со столетним юбилеем начала войны летом 2014 г. прошли памятные церемонии во многих европейских странах.

Появился и памятник Героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве. Высту-

пая 1 августа 2014 г. на церемонии его открытия, президент Российской Федерации В. В. Путин заявил: «Сегодня мы восстанавливаем связь времён, непрерывность нашей истории, и Первая мировая война, её полководцы, солдаты обретают в ней достойное место (как у нас в народе говорят, “лучше поздно, чем никогда”), а в наших сердцах приобретает та священная память, что заслужили по праву воины Первой мировой».

В мировой истории много примеров того, какой страшной ценой оборачивается нежелание слышать друг друга, попрание чужих прав и свобод, законных интересов в угоду своим интересам и амбициям. Неплохо бы научиться смотреть и считать хотя бы на шаг вперед.

Человечеству давно пора понять и принять одну самую главную истину: насилие порождает насилие. А путь к миру и процветанию складывается доброй волей и диалогом и памятью об уроках прошедших войн, о том, кто и зачем их начинал»²³.

До сих пор вопрос о судьбах интернированных после репатриации в Россию практически не исследован. По большей части их имена забыты.

Как писал великий русский поэт Г. Державин,

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

* * *

Как и в прошлые годы, вопросы гуманитарного сотрудничества по-прежнему находятся в центре внимания российского Министерства иностранных дел. Разумеется, с годами меняются приоритеты и на этом направлении деятельности. Сегодня в числе первоочередных задач — действия по обеспечению прав человека путём участия в Совете ООН по правам человека, конвенционных органах ООН по правам человека и Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека. Важная роль принадлежит международному гуманитарному сотрудничеству. Россия вносит достойный вклад в работу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции, взаимодействует с Советом Европы и ОБСЕ.

После 1991 г. на территориях бывших советских республик и между ними возникли кровавые конфликты. Попытки их мирного разрешения вновь выдвинули на передний план гуманитарного сотрудничества вопросы личной безопасности граждан, спасение из беды гражданского населения и урегулирование проблем, связанных с военнопленными. Организация гуманитарных конвоев в «горячие точки», экстренная медицинская помощь и другие задачи вновь стоят на повестке дня деятельности МИД.

Как и всегда, в моменты тяжких испытаний для нашей страны дипломатическая служба остаётся неразрывной частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, её славных традиций, но и как пример, достойный подражания для новых поколений российских дипломатов.

The February Revolution of 1917 and the Fate of Prisoners of the First World War

Stanislav Chernyavskiy, PhD (History), Director, Center for Post-Soviet Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University, 119454, 76 Vernadsky Ave,
E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Summary. *The First World War put a number of practical issues before the Russian diplomats. The first one was sending home Russian citizens stranded in foreign countries, and the second, helping numerous prisoners. Total 1.451.160 of foreign prisoners of war was registered in Russia, and in enemy countries, 2.501.250 Russians.*

²³ Открытие памятника героям Первой мировой войны, 1 августа 2014 года // Сайт президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46385>

After the February Revolution, the scope of activities of Russian MFA foreign institutions expanded significantly. Diplomats were to ensure the repatriation of political refugees, among which dominated either monarchical or revolutionary sentiments. The Provisional Government has sought to drop on the Ministry, as much as possible, all the complex issues related to discrimination between desirable and non-desirable returnees.

After the October Revolution of 1917 under the Treaty of the Armistice between Russia and Bulgaria, Germany, Austria-Hungary and Turkey 2 (15) in December 1917 and the agreement between Russia and Germany, Austria-Hungary, Bulgaria and Turkey from March 3, 1918, prisoners of both sides had to be exchanged and sent home.

The number of Russian prisoners of war by the middle of 1917 was 2.417.000. Until 1918 in Russia came from captivity 715.000 people with disabilities and 60.000 fled from the camps. At the beginning of 1918 in captivity were 1.642.000 (68 %). Except 190.000 died in captivity, 95.000 remained in Europe, 215.000 have returned to the Baltic States. Thus, 500.000 (21 %), Russian prisoners of war did not return to Russia.

Issues of humanitarian cooperation are still the focus of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia is making a worthy contribution to the work of the Office of the UN High Commissioner for Refugees and the International Organization for Migration, cooperates with the Council of Europe and the OSCE.

Keywords: *The First World War, February Revolution, the Ministry of Foreign Affairs, prisoners of war, political refugees, humanitarian cooperation.*

Литература / References

1. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. — М.: АИРО XXI, 2014. — С. 431.
2. Карелин В. А. Проблема интернирования военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. — 2010. № 1. — С. 93–105.
3. Милуков П. Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991.
4. Милуков П. Н. История второй русской революции. — Минск: Харвест, 2002.
5. Нагорная О. С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). — М., 2010.
6. Павлов А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. — М.: Вече; СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011.
7. Чернявский С. И. Российские дипломаты в Первой мировой войне. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Professor **Stanislav Chernyavskiy** is a career diplomat (the Plenipotentiary Envoy in resignation) who held positions at the USSR embassies in Canada, Belgium, Algeria, Azerbaijan, in the USSR (Russia) Representation at the United Nations in Geneva. He is the author of more than 40 scientific publications including the monographs — *Humanitarian Mission Of Russian Diplomacy: The Great War Experience (1914–1918)* (2016); *Russian diplomats in the Great War (1914–1918)* (2014); *Ten Years of History of Azerbaijan: 2003–2013* (2013); *The Commonwealth of Independent States: Realities and Prospects* (2008); *Azerbaijan: Choosing the policy course* (2004); *The Azerbaijan Republic Foreign Policy (1988–2003)* (2003); *Azerbaijan's New Way* (2002); *The History of the Russian Orthodox Church in Switzerland (1817–1917)* (2000).

В. М. Муханов

О несостоявшейся итальянской интервенции в Закавказье в 1919 г.

Муханов Вадим Михайлович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. ИМЭМО РАН.
119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

***Аннотация.** В 1919 г. возникла идея замены британских оккупационных войск на Кавказе на итальянские. В статье рассматривается процесс обсуждения и принятия решения по этому вопросу, позиции различных британских политических и военных деятелей, а также влияние внутривосточной ситуации в самой Италии на окончательное решение по вопросу переброски на Кавказ итальянских войск. Именно резкое изменение политической жизни в Италии привело к отказу её официальных властей от военного похода в Закавказье и формирования итальянских оккупационных войск.*

***Ключевые слова:** Кавказ, Грузия, Азербайджан, Великобритания, Италия, интервенция, оккупация, Гражданская война.*

Кавказ по итогам 1917 г. оказался в незнакомом для него положении оторванного от метрополии региона. Завершающий год мировой войны диктовал условия, требовавшие скорейшего «прислонения» к одному из воюющих блоков. Грузия и Азербайджан однозначно выбрали страны Четверного союза — Германию и Турцию (точнее говоря, они были поделены между союзниками как сферы их влияния и контроля). Летом 1918 г., вскоре после объявления независимости, на грузинской территории высадились немецкие войска, быстро занявшие ключевые пункты, а в Азербайджан вступили турецкие части, которые вместе с малочисленными местными добровольцами составили Кавказскую исламскую армию. Именно последняя под турецким командованием смогла разбить вооружённые силы Бакинского Совета и взять под контроль территорию новоиспечённой Азербайджанской республики. Армения по понятным причинам ориентировалась на страны Антанты, поэтому вплоть до поражения Турции и Германии находилась в крайне тяжёлом положении и весьма враждебном окружении. После победы Антанты Германия и Турция вынуждены были убрать все свои соединения из кавказского региона. Закавказский край, будучи весьма важным в транзитно-ресурсном плане, сразу попал в сферу интересов Великобритании, и уже в конце 1918 г. началась высадка британских оккупационных войск. Последние расположились как в Тифлисе и Баку, так и в более мелких населённых пунктах, которые, однако, представляли стратегический интерес для оккупационной администрации. Крайне важно для неё было контролировать Бакинский нефтяной район и линию керосинопровода Баку — Батум, портовые города и т. д.

Надо признать, что немецкое присутствие в Грузии спасло её от турецкого нашествия, однако за это молодая республика должна была заплатить непомерную цену — пожертвовать самостоятельностью. Немецкое, а затем и длительное британское военно-политическое присутствие можно оценить как оккупацию со всеми соответствующими последствиями этого состояния для Грузинской республики. При этом грузинские политики, как социал-демократического, так и националистического толка, были вынуждены признать, что по сравнению с периодом пребывания в Российской империи для них многое изменилось в худшую сторону [5].

Согласно общепризнанному определению этого термина, оккупация — это военное и обычно временное занятие вооружёнными силами определённого государства, не принадлежащей ему территории, но не сопровождающееся обретением суверенитета над ней. При оккупации

власть оккупированного государства практически прекращается, административное управление территориями осуществляется военным командованием оккупационных войск. Командование последних издают на оккупированной территории односторонние (нормативные) акты в отношении местного населения и местных органов власти и обеспечивают их выполнение мерами принуждения, то есть несут как административные, так и полицейские функции.

Этот термин в полной мере подходит для определения того положения дел, которое существовало в завершающий период Первой мировой войны, а затем и Гражданской войны как на Кавказе, так и в некоторых других частях Российской империи. Можно вспомнить длительную оккупацию Прибалтики, в которой немцы появились в 1915 г., а ушли в конце 1918 г., Белоруссии, Украины, Дальнего Востока, Севера (Архангельский и Мурманский районы), Крыма и Новороссии.

Оккупационные режимы на окраинах империи создавали в разные годы Турция, Германия, Австро-Венгрия; затем Великобритания, США, Франция, Япония. Что касается Кавказского региона, то здесь мы фиксируем оккупационные войска Германии, Турции и затем Великобритании. Неоднократно обсуждалось прибытие оккупационных войск из США, Франции и Италии, но это так и не было реализовано, в первую очередь из-за противодействия их влиятельного союзника — Великобритании.

Таким образом, реальная картина происходящего на Кавказе, и в Грузии в частности, серьёзно отличается от той формальной линии, предлагаемой нам сегодня. Местные органы власти в период европейской оккупации были своеобразной ширмой, тогда как реальными хозяевами положения в Грузии сначала стали немцы и частично турки, а затем британцы. В хронологическом плане эту линию можно выстроить следующим образом: практически сразу после объявления независимости в майские дни 1918 г., то есть с лета и по конец осени, — германская оккупация Грузии, а затем с зимы 1918 г. и по лето 1920 г. — британская оккупация (из Тифлиса англичане ушли осенью 1919 г., задержавшись в Батумской области, то есть Аджарии, до июля 1920 г.), и только с лета 1920 г. по февраль 1921 г. грузинское политическое руководство во главе с Ноем Жордания чувствовало себя самостоятельным правителем республики.

До лета 1920 г. многие ключевые вопросы решались оккупационным командованием, но никак не грузинским правительством, которому приходилось делать хорошую мину при плохой игре, то есть демонстрировать свою самостоятельность населению при отсутствии реальных рычагов контроля над республикой (начиная от вопроса прибытия иностранных войск и занятия грузинской территории до вопросов границ, взаимоотношения с соседями, административного управления, экономической, налогообложения и сбора налогов, вопросов печати и свободы слова и т. п.).

* * *

Показательно, что практически одновременно с приходом на Кавказ, с самого начала 1919 г., в британских военно-политических кругах стало зреть решение об его оставлении, так как он представлялся многим хлопотным и нестабильным регионом, несмотря на всю ресурсно-транзитную привлекательность. Плюс к этому наступала поствоенная демобилизация, и британское руководство планировало серьёзное сокращение как военных расходов, так и численности вооружённых сил. Как уточняет авторитетный историк Ричард Ованнисян, «к началу 1919 г. премьер-министр уже пришёл к выводу, что сокращающиеся вооружённые силы нужно сосредоточить в тех регионах, где намеревалось надолго сохранить британское присутствие. Эту точку зрения незамедлительно поддержали Казначейство и министерство по делам Индии, а после значительных колебаний генеральный штаб под руководством сэра Генри Уильсона и Военное министерство, перешедшее от явно нацеленного на вмешательство руководства лорда Альфреда Милнера к несколько более осторожному подходу Уинстона Черчилля» [8].

К весне эта мысль окончательно созрела, оформившись в идею замены британских войск итальянскими и передачи всей ответственности за регион правительству Италии (для сохранения контроля союзников над Закавказьем). Подобный выбор был обусловлен несколькими причинами: первая и главная заключалась в том, что Италия не представляла серьёзной угрозы британским интересам в регионе, да и в мире, и не являлась основным соперником Великобритании (в отличие от Франции), вторая — в том, что Италии необходимо было компенсировать отсутствие серьёзных территориальных приобретений по итогам войны.

Итальянцы, как и другие победители, желали участвовать в дележе колоний побеждённых государств, в первую очередь Германии. Однако Италия практически ничего не получила, отодвинутая в сторону лидерами Антанты. Как вспоминал итальянский дипломат Альдрованди Марескотти об одном из ключевых обсуждений данного вопроса, «в документе этом предусматривается раздел германских колоний. Все её колонии передаются Франции, Англии и доминионам, Японии. Италии — ничего» [2]. В частности, Италия претендовала на Того и Камерун, но по секретному англо-французскому соглашению мая 1916 г. эти территории отходили в сферу интересов Франции, именно как колонии.

«Италия, как сказал без обиняков Тардьё, не пользовалась никаким влиянием на конференции...», так зафиксировал положение дел в Париже следующий за В. Орландо премьер-министр Италии Ф. Нитти [7]. Как отмечал последний, «на Парижской конференции голос Италии не пользовался почти никаким весом, она следовала то за Францией, то за С.-Штатами, иногда за Англией, без какой бы то ни было ясной руководящей идеи» [7, с. 71]. Италия была отодвинута от раздела великими державами и осталась, по мнению Нитти, «без сырья» и не получила «ни одного куса германских колоний» [7, с. 70].

Премьер-министр Италии В. Орландо неоднократно озвучивал желание его страны участвовать «в справедливой пропорции» в оккупации Австрии, Турции и бывших германских колоний в Африке и на Тихом океане. Например, 28 января 1919 г. как раз в связи с вопросом о распределении германских колоний и мандатах на них Орландо заявил, «что Италия готова принять любой принцип, лишь бы он был справедлив, и Италия могла бы участвовать в деле насаждения цивилизации. Положение это настолько верно, что даже при отсутствии статьи XIII Лондонского договора следовало бы его применить. Вопрос этот имеет крайне серьёзное значение» [7, с. 233]. Отсылка к 13-ой статье Лондонского договора была весьма справедлива, так как она гласила, что «в случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счёт Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия могла бы требовать предоставления ей некоторых равноценных компенсаций, именно в урегулировании в её пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними колоний Франции и Великобритании» [2, с. 234].

Поэтому весной 1919 г. британские политики и решили в качестве своеобразной компенсации за неполученные африканские колонии выделить Италии Закавказье, тем более что одновременно речь шла о сокращении британских оккупационных войск. Таким образом, это решение было весьма выгодно Лондону, который, сохраняя определённый контроль над регионом (район Батума)¹, допускал туда союзные войска, сокращая тем самым риски и расходы на содержание собственных вооружённых сил.

Эта идея была поддержана Ллойд-Джорджем и была переведена в практическую плоскость². 15 марта премьер-министр Великобритании сделал официальное предложение о передаче «мандата» своему итальянскому коллеге. Последний с большим энтузиазмом воспринял его и после короткого обсуждения дал свое согласие (22 марта)³.

¹ Британская оккупация Батума, в отличие от всего Кавказа, закончилась только летом 1920 г.

² Отметим, что единства по этому вопросу в Лондоне не было. В частности, лорд Керзон выступал категорически против отправки итальянцев на Кавказ, считая, что последние могут вызвать дезорганизацию власти в регионе и даже анархию, что приведёт к новым военным действиям и в конечном счёте к победе большевиков [8, с. 95].

³ Детали обсуждения зафиксированы в английском меморандуме от 22 марта 1919 г.: «Г-н Орландо сказал, что как он понимает, народ Грузии и Азербайджана стремится к независимости. Премьер-министр (Ллойд Джордж — В.М.) заметил, что мандат конечно должен будет принять свободный характер, дающий значительную степень местной автономии. Затем г-н Орландо выразил опасение, что генерал Деникин может вторгнуться на Кавказ и поставить его под свой контроль. Премьер-министр ответил, что генерала Деникина уже остановили, и он не получит какой-либо помощи оружием, если вторгнется в эту страну. Он указал, что в настоящее время применяются оккупационные силы около 24 000 солдат, но до сих пор у них было мало беспокойства. В ходе беседы было отмечено, что Россия зависит от Баку и Батума из-за их нефтяных поставок, очень важных в промышленном отношении, и что по этой причине большевики хотели бы овладеть Баку и Батумом.

Г-н Орландо также сказал, что у него будут сложности со своей собственной социалистической партией относительно принятия мандата на Кавказ.

В заключении этой части встречи г-н Орландо обязался внимательно рассмотреть, примет ли Италия мандат на Кавказе...

Замечание: 22 марта, в субботу граф Альдрованди сообщил сэру Морису Хэнки, что г-н Орландо поручил ему сказать для сведения г-на Ллойд Джорджа, что Италия примет мандат над Кавказом, не причиняя ущерба своим требованиям в других местах» (Цит. по: [8, с. 140—141]).

Лорд Керзон, будучи противником передачи контроля над регионом Италии, был поставлен перед свершившемся фактом, и поэтому не скрывал своего разочарования и одновременно ехидства по поводу опасений итальянского премьера в наступлении Деникина и возможного конфликта с ним. В частности, в его личных бумагах есть такая запись (от 4 апреля): «Сегодня я получил телеграмму из Парижа, говорящую, что мы должны немедленно увести войска с Кавказа в пользу

Как вспоминал итальянский дипломат Л. Альдрованди Марескотти (один из членов итальянской делегации на конференции), «по поручению Орlando я предпринял в марте шаги перед генералом Генри Вильсоном, заявив, что Италия готова заменить своими войсками британские войска в Закавказье. Генерал Вильсон весьма одобрительно отнесся к этому предложению, высказав, впрочем, некоторое сомнение относительно выгодности этого обязательства. Ллойд Джордж принял предложение, заметив, однако, при этом вполголоса: «Что ж, итальянцы думают таким образом получить закавказскую нефть? Нефтяные промыслы являются частной собственностью!». 2 апреля Ллойд Джордж сообщил Вильсону и Клемансо о состоявшемся между Италией и Англией соглашении о замене британских войск в Закавказье итальянскими. Вильсон сделал недовольное лицо» [2, с. 234].

В начале апреля в Закавказье отправили специальную военную миссию под командованием полковника М. Габбы для ознакомления с районом предполагаемой деятельности, точнее говоря, для разведки (упор предполагалось сделать на Азербайджане, Грузии и Батумской области, так как для Армении планировалась отдельная страна-мандатарий). Последняя высадилась в Батуме 10 мая (сопровождающим лицом от британских сил был назначен полковник К.Б. Стокс) [8, с. 95, 142].

Британское командование в Закавказье даже проинформировало грузинское правительство о замене своих войск на итальянские. Советоваться же с Жордания и другими закавказскими лидерами союзники и не собирались, последние были просто поставлены в известность о смене своего куратора. Это ясно демонстрирует реальное положение дел в Закавказье в годы Гражданской войны, показывая, как далеки были от настоящей независимости и свободы закавказские республики, в частности Грузия.

Логичное недовольство грузинской стороны в связи с неожиданным известием о замене банально проигнорировалось. В ходе беседы с официальным представителем британского командования в регионе генералом Кори Ной Жордания спросил: будут ли итальянцы самостоятельны в своих действиях или подчинены британскому командованию? В ответ Кори заверил, что их «сменщики» «будут действовать так же, как и англичане, от имени Антанты». Вот тут глава грузинского правительства не смог сдержаться и высказался достаточно откровенно: «Такая частая перемена войск, без нашего ведома и согласия, очень неприятна. Мы уже познакомились с англичанами, они заверили нас в своих симпатиях и здесь, и по их сообщениям из Лондона, и вдруг теперь приходят итальянцы, — мы не знаем их намерений» [1].

Заинтересованность Италии в приобретении контроля над Закавказьем можно понять. По оценке современного историка Дж. Месхидзе, далеко «не только нефть являлась для Италии предметом устремления. Интервенция могла бы открыть перед ней перспективы проникновения в Черноморский регион, возобновить транспортные сообщения и торговлю со странами Востока и, что немаловажно, поднять авторитет государства в глазах и политических партнёров, и соперников» [4]. Подобное объяснение интересов Италии в участии в оккупации Закавказья поддерживает и Р. Ованнисян. По его мнению, замена на Кавказе британцев открыла бы для них прибыльные рынки и обеспечила обильные поставки нефти, угля, меди и других жизненно важных полезных ископаемых, а также усилила бы позицию Италии на переговорах о заключительном ближневосточном договоре». Кроме того, это могло уменьшить критику правительства внутри страны, где сильны были обвинения в том, что итальянские политики ничего не смогли добиться на мирной конференции в Париже [8, с. 140].

Помимо всего прочего, британский выбор сменщиков обусловлен и отсутствием других желающих. Американское руководство не хотело брать мандат даже на Армению и уж тем более посылать крупные военные силы на Кавказ.

Британские политики во второй половине мая стали давить на своих итальянских коллег с требованием начать действовать, тем более что эвакуация британских сухопутных и морских сил должна была начаться с середины июня 1919 г. Потенциально итальянцы могли отправить в Закавказье самостоятельную военную экспедицию численностью до 40 тыс. человек. Итальянское командование планировало задействовать в этой операции части 12-го и 35-го армейских корпусов, которые должны были в начале лета отплыть в направлении кавказского побережья [4, с. 151, 154].

итальянцев: если это правда, то мне не кажется очень важным, какую разделительную линию продиктуем мы Деникину, поскольку в том момент, когда мы уйдем и появятся итальянцы, у последних не будет причин интересоваться, подобно герцогу Веллингтону, что происходит по другую сторону холма. Так как голова Деникина появится на его вершине» (Цит. по: [8, с. 143–144]).

Окончательное решение премьер-министр Италии и его команда обещали объявить после возвращения из региона полковника Габбы, который должен был привести полноценный доклад о ситуации на Кавказе. Пробыв там две недели, глава итальянской миссии отправился в Рим для отчёта, оставив подчинённых собирать материал (2 июня он высадился на итальянском берегу) [8, с. 153].

Последний подчёркивал важность подобной экспедиции для Италии в политическом и экономическом аспектах, отмечая при этом крайне непростую и запутанную военно-политическую ситуацию в регионе и глубокий социально-экономический кризис (при наличии серьёзной внешней угрозы в лице турок, с одной стороны, и большевиков — с другой). Габба считал необходимым получение полного контроля над Батумом и окрестностями как главным кавказским портом (главное — портом снабжения всех войск!), а также достижение реальной договорённости с Деникиным о линии разграничения, дабы успокоить ситуацию в закавказских республиках, опасавшихся вторжения белогвардейских частей. Ещё одним серьёзным доводом в пользу оккупации региона стали собранные офицерами миссии данные по водно-минеральным, земельным и лесным ресурсам, отраслям промышленности и коммерции, средствам связи и транспорту. Представленная статистика позволяла сделать вывод о том, что «Италия обеспечит себя горючими видами топлива, рудными минералами, лесозаготовками, хлопком, шерстью, кожей и ремесленными товарами, а также выгодными рынками для экспорта. Более того, земля и климат идеально подходили для крупномасштабной итальянской иммиграции. Военные расходы были бы легко восполнимы даже в случае временного урегулирования...» [8, с. 154].

Ознакомившись с докладом Габбы и его рекомендациями, премьер-министр Италии поручил военному министру Энрико Кавиглиа подготовить к отправке на Кавказ итальянский экспедиционный отряд численностью в 40 тыс. солдат к 20 июня 1919 г. В связи с этим известием уход британских оккупационных сил был отложен до 15 июля [8, с. 155]. Британцы, обещавшие первоначально обеспечить перевозку итальянских частей на своих судах, в середине июня отказались от такой помощи, заявив, что им самим не хватает для доставки домой собственных подразделений и для осуществления объявленной демобилизации. Итальянская сторона была поставлена перед проблемой доставки своих частей на Кавказское побережье собственными силами. Орlando, желавший получить контроль над регионом, потребовал от министерства транспорта обеспечить военных необходимым количеством судов и решить эту насущную проблему, представлявшуюся ему последней преградой перед триумфальным появлением в Закавказье.

Однако реальная ситуация в Италии была не столь радужной, что подпитывало острую внутривосточную борьбу, а вскоре и привело к официальному отказу Рима от участия в интервенции в Кавказском регионе. Эпопея о замене британских оккупационных сил в Закавказье окончилась крахом в конце июня 1919 г., что было предопределено падением кабинета Витторио Орlando. Последний 23 июня покинул пост премьер-министра Италии, который занял Франческо Саверио Нитти. Одним из его первых действий в новом качестве стала отмена решения своего предшественника об отправке итальянских войск на Кавказ⁴. На мирной конференции

⁴ Сам Нитти впоследствии в своей книге так аргументировал правильность принятого им решения: «Когда я принял бразды правления в июне 1919 г., итальянская военная экспедиция в Грузию, подготовленная не только с согласия, но и по желанию Антанты, была уже готова. Бывшие там немногочисленные английские войска отзываются. 12-й армейский корпус, состоявший из двух пехотных дивизий и отряда альпийских стрелков, был готов к походу. Грузия имеет огромные минеральные богатства, и в то время полагали, что она могла бы снабдить Италию большим количеством недостающего ей сырья. Меня поразило, что не только правительство, но и целый ряд очень умных финансистов и вообще лиц прогрессивного образа мыслей были убежденными сторонниками этой экспедиции.

Я же, несмотря на встреченное мною сильное противодействие, решил тотчас же и раз навсегда отказаться от этого предприятия, оказывая содействие чисто коммерческой инициативе.

Конечно, союзники не стремились сознательно вовлечь Италию в печальную авантюру. Однако последствием экспедиции была бы, несомненно, прямая война Италии с московским правительством, что привело бы к непредвиденным результатам.

В самом деле, прошло немного времени, и Грузия попала в руки большевиков, отправивших туда двадцатипятитысячную армию. С этого времени грузины не могут освободиться от них. Если бы Италия организовала эту экспедицию, она оказалась бы вовлечённой в ужасную военную авантюру, театр военных действий представлял бы необычайные трудности в смысле своей удалённости, дороговизны транспорта и т. д. И с какой целью?

Грузия до войны — часть Российской империи, и ни одна из стран Антанты не считала это несправедливым. Наоборот, несмотря на то, что Россия владела уже обширной территорией и господствовала на Кавказе, Антанта обещала ей ещё Константинополь, проливы и значительную зону в Малой Азии. Как можно было стремиться отнять у России территорию, которую она законно считала своей? В том случае, если Грузия и другие кавказские народы были бы достаточно сильны, чтобы сохранить свою государственную самостоятельность, никакое чужеземное господство над достигшим высокой культурной ступени арийским населением было бы недопустимо» [7, с. 123–124].

в Париже официальное заявление по этому поводу сделал 27 июня новый глава итальянского МИД Томмазо Титтони⁵ [4, с. 130].

Все приготовления были остановлены, а операция полностью прекращена. Начальник штаба итальянской военной миссии в Закавказье подполковник Карло Микели в августе 1919 г. вынужден был издать в Тифлисе официальное коммюнике из Рима с разъяснениями, где, в частности, говорилось: «Просим известить британского командующего и местные правительства, что прибытия итальянских войск на замену британским не произойдет. Итальянское правительство желает установить дружеские отношения с местными правительствами, а также поддерживать торговлю, промышленность и финансовые предприятия» [8, с. 159]. Взамен военной миссии обещалась отправка торговой делегации для развития экономических отношений с закавказскими республиками, в первую очередь с Грузией и Азербайджаном.

Окончательную точку в этом вопросе поставил новый министр иностранных дел Италии Т. Титтони, который в ответ на вопросы своих коллег озвучил на заседании Мирной конференции в Париже 11 августа официальную позицию с объяснением: «Одно время Италия думала о посылке войск в Грузию и Азербайджан, но не в собственно Армению. Грузия требовала полной независимости и при этом условии не выдвигала возражений оккупации силами итальянских войск. С другой стороны, адмирал Колчак не желал пожаловать Грузии независимость, хотя он, возможно, был готов пожаловать автономию. Если бы Италия приняла мандат на требовавшихся грузинами условиях, то ей пришлось бы принять на себя ответственность по охране грузинской независимости. Этого мы конечно не могли сделать. В любом случае подлежавшее охране пространство было огромным; потребуется около 40 000 солдат, и к тому же пришлось бы искать дополнительных кораблей и поставок. Последние должна была представить на время Великобритании, хотя в настоящее время оказалось, что у Британии нет в наличии кораблей. Первоначальные расходы составили бы ... 75 миллион лир, а ежегодная стоимость достигла бы 1 миллиарда лир. Италия не может принять столь тяжелого бремени, и потому данная мысль должна быть оставлена» [8, с. 159]. Итальянский приход в Закавказье так и остался несбыточным миражом...

Британские войска были окончательно выведены с Кавказа летом 1920 г., когда в регионе уже начался процесс силовой советизации с приходом туда 11-й Красной армии и активизации там деятельности Кавказского бюро РКП (б) под руководством Серго Орджоникидзе [6; 3].

On the Failed Italian Intervention in Transcaucasia in 1919

Vadim Mukhanov, Ph.D. (history), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO; 76 Vernadsky Ave., 119454, Moscow.
Leading Researcher, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Summary. In 1919, the idea appeared to replace the British occupation forces in the Caucasus with the Italian ones. The article discusses the process of making a decision on the issue, the position of various British political and military leaders, as well as the impact of the political situation in Italy on the final decision concerning the

Как объясняет подобное решение Дж. Месхидзе, «для Нитти, бывшего министра финансов, была характерна логика экономической целесообразности, а его политические приоритеты никак не были связаны с содействием народам Кавказа в их поисках обретения независимости... Более того, в течение своего пребывания на вершине власти он пытался нормализовать отношения с Советской Россией и вполне разделял выраженную в Меморандуме от 14 января 1920 г. точку зрения Ллойд Джорджа о тщетности старых методов борьбы с большевизмом, необходимости ликвидации блокады и начале торговли через кооперативные организации, без вмешательства правительства. Первым официальным шагом, направленным на урегулирование итало-российских взаимоотношений, стала достигнутая 27 апреля 1920 г. договорённость об обмене военнопленными. Затем последовало соглашение (на полуофициальной основе) между кооперативными организациями: Россия поставляла Италии хлеб и нефть, а та взамен медикаменты, сельскохозяйственные машины и электротехнические товары» [8, с. 130].

⁵ В связи с отменой итальянской операции и отсутствием «сменщиков» британское командование утвердило окончательной датой ухода британских войск 15 августа, дабы иметь временной запас для организации планомерного и безопасного их отхода из региона [8, с. 157].

transfer of the Italian troops to Caucasus. It was a dramatic change in the political life in Italy that has led to the cancellation of military campaign in the Caucasus and formation of the Italian occupation forces.

Keywords: *Caucasus, Georgia, Azerbaijan, Great Britain, Italy, intervention, occupation, Civil war.*

Литература / References

1. «Демократическое правительство» Грузии и английское командование / Подготовил к печати С. Е. Сефом, предисл. М. Н. Покровского. — Тифлис, 1928. — С. 66–67.
2. Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.). / Пер. с итал. М. А. Дояни; ред. и вступ. статья Б. Е. Штейна. — М., 1944. — С. 232.
3. Волхонский М. А., Муханов В. М. Россия на Кавказе. Пять веков истории. М., 2009. С. 221–307.
4. Месхидзе Дж. И. Итальянская интервенция в Грузию в 1919 г.: планы и обстоятельства // Вестник СПб ГУ. Серия 2. История. — 2007. № 1. — С. 129.
5. Минорский В. Заметки о Закавказье // Современные записки. — Париж, 1921. III. — С. 203.
6. Муханов В. М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40) / Под ред. В. В. Дегоева. — М., 2014. — С. 171–228.
7. Нитти Ф. Европа без мира. — Пг.-М., 1923. — С. 68.
8. Ованнисян Р. Международные отношения Республики Армения 1918–1920 гг. / Пер. с англ. Г. Г. Махмуран. — Ереван, 2007. — С. 138.

М. А. Волхонский

**История Лазаревского института
в первой половине XIX в.
в контексте политики Российской империи
в Закавказье: «Заведение, где будут изучать восточные языки
в обширном размере»**

Михаил Алексеевич Волхонский, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

***Аннотация.** В статье освещается история создания и преобразования Лазаревского института в первой половине XIX в. Он был основан в Москве в 1815 г. семьёй богатых армянских промышленников как частное учебное заведение и прошёл сложный эволюционный путь: от училища для детей из бедных армянских семей до одного из признанных в России центров изучения и преподавания восточных языков. Ключевую роль в истории Лазаревского института сыграли два фактора: энергичная культурно-просветительская деятельность семьи Лазаревых, а также заинтересованность правительства Российской империи в подготовке для кавказской администрации переводчиков и чиновников со знанием восточных языков.*

***Ключевые слова:** Российская империя, Лазаревский институт, преподавание восточных языков, семья Лазаревых, А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский, А. Х. Бенкендорф, С. С. Уваров, В. П. Бутков.*

В 2015 г. исполнилось 200 лет со времени основания Лазаревского института восточных языков — одного из самых неординарных учебных заведений Российской империи в XIX — начале XX вв. Основанное в Москве в 1815 г. семьёй богатых армянских промышленников это частное учебное заведение прошло сложный, необычный для своего времени эволюционный путь: от училища для детей из бедных армянских семей до высшего учебного заведения — одного из признанных центров востоковедения в России. В статье освещается история создания, а затем преобразования «армянского училища господ Лазаревых» в «Московский Лазаревых институт восточных языков» в первой половине XIX в.

Уроженцы знаменитого в Иране армянского торгового города Нор-Джуга Лазаревы (Егизаряны, Лазаряны) в 1720-х гг. переехали и обосновались в России [3, с. 11–12]. Глава семьи Л. Н. Лазарев смог составить своей семье огромное состояние на торговле драгоценными камнями, а также на производстве шёлка и его поставках к императорскому двору [14, с. 17]. Его наследники — сыновья Иван, Минас и Еким Лазаревичи — используя свое богатство, а также связи при дворе императрицы Екатерины II [11, с. 24–26], активно участвовали в жизни армянской общины Российской империи. Лазаревы также были известны своей широкой благотворительностью в сфере культуры и образования. Иван Лазаревич много времени и средств уделял вопросу приобщения «армянского юношества» к европейским наукам и культуре. В 1785 г. он решил основать особое армянское учебное заведение [1, с. 30]. Окончательно замысел оформился у И. Л. Лазарева в 1791 г. после гибели в одном из сражений русско-турецкой войны 1787–1791 гг. единственного его сына — А. И. Лазарева, премьер-майора, адъютанта светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Памятником сыну должно было стать армянское учебное заведение, проект которого в 1799 г. составил архимандрит Григорий Тер-Степанян (Степанов) Ара-ратский. Предполагалось, что это будет приют для обучения около 30 учеников, в котором будут

преподавать двое учителей [13, с. XIV–XV]. Осуществить задуманное И. Л. Лазарев не успел, но в составленном чуть более чем за полтора года до смерти, 4 января 1800 г., завещании он отдельным пунктом предписал своему наследнику, младшему брату Е. Л. Лазареву, внести после его смерти в Московский опекунский совет 200 тыс. ассигнациями, чтобы «имеющею составиться из процентов значительною суммою соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» [13, с. VI].

Стремясь исполнить волю старшего брата, Е. Л. Лазарев первоначально решил открыть училище в Новой Нахичевани, взяв за основу уже имевшийся проект [13, с. XIV–XV]. Но в 1810 г. он решил основать армянское учебное заведение в Москве, отдав под него часть владений Лазаревых в Столповом (Армянском) переулке. Основание училища для армянских детей стало для Лазаревых общим семейным делом. В письме своим сыновьям Ивану и Христофору Е. Л. Лазарев писал: «Это важное дело, полезное и национальное... Весь мир глядит на нас. Может быть, начав дело, понеся затраты, мы не сможем завершить его и среди народов и наций, своих и чужих, опозоримся» [1, с. 30]. Желая ускорить ход дела, Е. Л. Лазарев решил сразу выделить на сооружение здания и первое его обзаведение свыше 300 тыс. рублей [4, с. 16]. Шедшая полным ходом подготовка к открытию училища была прервана Отечественной войной 1812 г. Несмотря на значительные материальные потери, которые понесла семья Лазаревых во время занятия Москвы французскими войсками [1, с. 32], уже в начале 1813 г. началось строительство комплекса зданий училища [13, с. 2]. Одновременно 18 марта 1814 г. Е. Л. Лазарев обратился с прошением к министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому с просьбой разрешить открыть училище, а также внести его «в состав или в число Государственных публичных Гимназий или училищ» [18, л. 41–42]. Получив разрешение, Лазаревы 10 мая 1814 г. провели «с полною и блистательною церемониею» освящение и закладку камня на месте сооружения главного здания училища [13, с. VI–VII]. А через год, 12 мая 1815 г., состоялось торжественное открытие занятий в частично отстроенном здании училища.

Первоначально в училище принималось ежегодно 30–40 воспитанников армянского вероисповедания в возрасте от 10 до 14 лет, которые должны были содержаться за счёт капитала, пожертвованного основателями училища. В то же время, хотя училище задумывалось, прежде всего, как армянское учебное заведение, в его стенах сразу же стали обучаться «дети других наций из дворян и чиновников». Поэтому с первых дней своего существования училище стало русско-армянским учебным заведением. Весь курс обучения составлял два года. Учебная программа училища в соответствии с первоначальным замыслом Е. Л. Лазарева преследовала цель дать ученикам «элементарное учение» [7, с. 32].

15 июня 1818 г.¹ Е. Л. Лазарев, оставив за собой звание Попечителя, передал фактическое управление учебной и хозяйственной частью училища своим сыновьям — Ивану Екимовичу и Христофору Екимовичу [20, с. 86]. Братья поставили перед собой цель уравнивать основанное их семьей учебное заведение с государственными гимназиями, так как лишь в этом случае оно могло превратиться в крупный образовательный и культурный армянский центр. Кроме того, введение гимназических дисциплин сделало бы учебное заведение Лазаревых более популярным в глазах русского дворянства и купечества, привлекая в его стены большее количество пансионеров и полупансионеров, а значит, повышая доходы частного учебного заведения. С 1818 г. начал формироваться особый образовательный профиль будущего Лазаревского института. Учебная программа училища расширилась, а весь курс обучения был разделён на три класса: нижний, средний и высший [20, с. 41]. При этом Лазаревы не собирались отказываться от изначальной своей цели — создать учебное заведение, в стенах которого воспитывалась бы и образовывалась армянская элита. В училище должно было сохраняться преподавание армянского языка, а также дисциплин, входивших в курс подготовки армянских священнослужителей. Лазаревы сознательно взяли курс на создание в учебном заведении нескольких параллельных друг другу учебных курсов — для армянских воспитанников и пансионеров и для русских пансионеров и полупансионеров.

Постоянный приток желающих пройти обучение в училище, а также успешные выпуски закончивших курс воспитанников (в 1821 г. пять из двенадцати выпускников училища смогли успешно поступить в Московский университет) [20, с. 42–43] подтолкнули попечителей ходатайствовать перед министерством народного просвещения о даровании училищу «Высочайше утверждённого устава по примеру других учебных заведений». Однако быстрое положительное

¹ В некоторых исследованиях указывается другая дата — январь 1816 г.

решение вопроса осложнялось тем, что Лазаревское училище по ряду признаков выпадало из системы средних учебных заведений Российской империи. Программа училища включала обучение армянскому языку, изучение армянской литературы, чего не было в курсе государственных гимназий. Тем не менее, братья Лазаревы не только не собирались отказываться от особенностей учебной программы, но, наоборот, попытались их закрепить через утверждение особого устава для своего детища.

В 1817 г. они впервые обратились в Министерство народного просвещения с просьбой позволить училищу называться «Армянской Лазарева академией», а также уравнивать его в правах с Московской практической академией коммерческих наук и др. подобными учебными заведениями. Но проект был отклонён Главным правлением училищ министерства под предлогом, что училище не может называться академией, поскольку не является чисто научным заведением, занимающимся «единственно усовершенствованием наук и обогащением их новыми открытиями» [20, с. 97]. Тогда, желая сохранить преподавание армянской словесности и в то же время получить для училища официальный статус учебного заведения, братья Лазаревы решили сделать ставку в учебной программе на преподавание восточных языков. Это дало бы училищу конкурентное преимущество перед другими образовательными учреждениями, а кроме того, позволило сохранить в качестве предметов армянский язык и словесность, не вызывая придирок со стороны чиновников министерства народного просвещения. Возможно, идею сделать главным профилем училища преподавание в нём восточных языков подсказал старшему из братьев И. Е. Лазареву его опыт службы в Министерстве иностранных дел, где он с 1811 г. служил в Азиатском департаменте [2, с. 24–27].

В итоге в 1823 г. попечители училища представили министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну новый проект устава учебного заведения под названием «Армянская Лазарева гимназия высших наук и восточных языков» [4, с. 22]. Согласно проекту, в новой гимназии должны были преподаваться армянский, персидский, турецкий и арабский языки. Параграф 4-й проекта устава ясно определял основную цель училища: подготовка лиц из армян и представителей других национальностей, «нужных по политическим и торговым отношениям империи», к государственной службе для того, чтобы, «с одной стороны, удовлетворять настоящие потребности в учителях и переводчиках сих языков, с другой – способствовать... полезному распространению исторических и статистических сведений о народах и странах азиатских» [4, с. 22]. Учёный комитет при Главном правлении училищ, ознакомившись с прошением Лазаревых, предложил принять для училища новое название, а также приравнять его в правах к другим гимназиям. Составить проект устава и штата гимназии Лазаревых Учёный комитет предложил Московскому университету. Однако «на сем дело сие и остановилось» [20, с. 98].

Натолкнувшись на сопротивление со стороны министерства, которое не могло принять необычную учебную программу училища, Иван и Христофор Екимовичи Лазаревы нашли своеобразный способ, чтобы получить для своего учебного заведения официальный статус. Попечители решили поставить во главе училища влиятельного государственного деятеля. В качестве возможного покровителя выбор пал на всесильного в то время при дворе императора Александра I главного начальника военных поселений, генерала от артиллерии графа А. А. Аракчеева. Решение подсказал Лазаревым их старинный друг, известный государственный деятель М. М. Сперанский [17, с. 176–179; 15, с. 6], который лично составил проект прошения на имя императора [15, с. 77–78]. Внеся в первоначальный проект ряд изменений и дополнений, 19 июня 1824 г. попечители обратились к Александру I с прошением передать училище под главное начальство графа А. А. Аракчеева [10, с. 127–128]. На этот раз министерство не возражало против инициативы Лазаревых. В письме к Аракчееву в декабре 1824 г. министр народного просвещения адмирал А. М. Шишков подтвердил, что поскольку армянское училище Лазаревых не подчиняется ему напрямую, а является особым учебным заведением, созданным в первую очередь для образования армянских детей, то оно может быть поставлено в ведение особого начальника [10, с. 131].

Хлопоты Лазаревых, поддержанные М. М. Сперанским, увенчались успехом. На заседании 8 августа 1824 г. Комитет министров подробно рассмотрел их прошение. Ознакомившись с мнениями Шишкова, а также Аракчеева, выразившего свое согласие стать главным начальником училища, Комитет согласился удовлетворить прошение Лазаревых. Через два месяца, 8 ноября 1824 г., журнал Комитета министров был высочайше утвержден, а 30 июня 1825 г. вышел указ о подчинении армянского училища главному начальству генерала от артиллерии графа Аракчеева [20, с. 96–99]. Училище Лазаревых было уравнено в правах с гимназиями, но по-прежнему

не имело устава. В этой связи попечители особенно надеялись на протекцию главного начальника училища. Их ожидания отчасти оправдались, поскольку Аракчеев немедленно взялся за составление устава, затребовав от Лазаревых необходимые сведения [20, с. 95]. Согласно «Обзору Лазаревского института...», в Штабе военных поселений по распоряжению А. А. Аракчеева были составлены в разных видах проекты устава Лазаревской гимназии [13, с. 8]. В 1826 г. по распоряжению Аракчеева проект устава был направлен в Министерство народного просвещения [21, с. 60]. Но смена царствований, события на Сенатской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г. — всё это отодвинуло решение вопроса об уставе гимназии Лазаревых на несколько лет.

* * *

Вопрос об уставе Лазаревской гимназии ещё долго «лежал под сукном», если бы не важные внешнеполитические события, произошедшие на южных окраинах Российской империи. 10 (22) февраля 1828 г. в деревне Туркманчай близ Тебриза был подписан мирный договор, который завершил русско-персидскую войну 1826—1828 гг. В результате к Российской империи была присоединена Восточная Армения, в чем Лазаревы приняли непосредственное участие. Ещё в сентябре 1826 г. Христофор Екимович Лазарев «вследствие Высочайшей воли» получил от вице-канцлера графа К.В. Нессельроде предписание «находиться при Генерал-Адъютанте Графе Бенкендорфе для исполнения возлагаемых на него поручений по внешним и внутренним азиатским сношениям» [2, л. 24—27 об]. Лазареву был поручен сбор информации о положении дел в Персии, Османской империи и Закавказье. Составленные им доклады через графа А. Х. Бенкендорфа передавались императору Николаю I. В своих докладах Х. Е. Лазарев выступал сторонником проекта возрождения Армянского царства в границах Российской империи по образцу Царства Польского или Великого княжества Финляндского. Император Николай I ввиду приближавшейся русско-турецкой войны частично пошёл навстречу армянским деятелям. Своеобразным компромиссом стало создание Армянской области и внесение изменений в императорский титул: указом Правительствующего Сената император был провозглашён «Государем Армянской области» [12, с. 244]. В докладах Х.Е. Лазарева содержались в числе прочего и предложения по переселению армянского населения из Персии в создаваемую Армянскую область, так как, согласно статьям Туркманчайского мирного договора, правительство Персии обязалось не препятствовать. Осуществление этой важной миссии было поручено полковнику Л. Е. Лазареву, под командованием которого из Персии переселилось 40 000 армян [7, с. 20—21].

Для управления вошедшими в состав Российской империи территориями Закавказья требовались чиновники, хорошо знавшие не только местные языки — армянский, грузинский, азербайджанский, но также культурные особенности жизни местных народов. В этом контексте в правительственных кругах сформировался взгляд на гимназию Лазаревых как на учебное заведение, которое могло бы выпускать хорошо подготовленных для службы в Закавказье чиновников, что было связано в первую очередь с преподаванием там восточных языков. С другой стороны, в Санкт-Петербурге не могли не обратить внимания на детище Лазаревых в перспективе начавшего активно развиваться в начале XIX в. отечественного востоковедения, не только приобретшего отчётливые институциональные формы, но также постепенно выходившего за пределы удовлетворения сугубо практических нужд государства [5, с. 5—24; 6, с. 74—86.] В России, как и в Западной Европе, интерес к Востоку проявился после Великой французской революции, которая ужасами «революционного террора» вдребезги разбила миф о разумном, просвещённом человеке «французских просветителей». Среди европейских интеллектуалов «обострилось внимание ко всему неевропейскому, прежде всего — к Востоку» [22, с. 11].

Между тем со смертью 26 января 1826 г. фактического основателя и попечителя гимназии Е. Л. Лазарева его должность занял старший сын И. Е. Лазарев, а должность директора стал исполнять Х. Е. Лазарев. Через год, в 1827 г., ушёл в отставку граф А.А. Аракчеев, вместе с этим сложив с себя обязанности главного начальника гимназии Лазаревых. Необходимо было снова искать покровителя для учебного заведения. В январе 1828 г. братья обратились с прошением к Николаю I о назначении главным начальником гимназии начальника III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа. Простение Лазаревых поддержал Армянский епархиальный архиепископ Иоаннес, который в письме от 13 января 1828 г. к императору, в частности, подчёркивал: «Ин-

ститут сей на особенных правилах и для особого народа устроенный, не иначе может процветать, как при удостоении его особенного Монаршего покровительства и при сохранении особого Главного начальства» [10, с. 134–135].

Годом ранее, в начале 1827 г., министр А. С. Шишков вновь отклонил представленный Лазаревыми проект устава, потребовав чётко определить: будет ли гимназия общеобразовательным или специальным учебным заведением по преподаванию восточных языков. Однако Лазаревы не хотели превращать своё учебное заведение в узкоспециализированное училище по подготовке переводчиков с восточных языков. В ответе министру они подчеркивали, что гимназия существует уже более десяти лет, в течение которых одни выпускники поступили в Московский университет, а другие — успешно служат переводчиками. Они настаивали на необходимости сохранить в гимназии как широкую гимназическую общеобразовательную учебную программу, позволявшую выпускникам поступать в университеты, так и специализированную программу изучения восточных языков. Лазаревы подчёркивали, что главная цель основанного ими учебного заведения состояла в том, «чтобы юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставлять способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков» [4, с. 24].

Для разрешения вопроса об уставе «Лазаревых гимназии» в сентябре 1827 г. Комитет устройства учебных заведений поручил академику А. К. Шторху, одному из видных экономистов начала XIX в., подготовить его учебный план и устав. Детально ознакомившись с деятельностью учебного заведения Лазаревых и убедившись в серьёзной постановке в нём преподавания восточных языков, а также подготовки учителей и священнослужителей для армянских училищ и храмов, академик ходатайствовал о придании ему статуса лицея или института. В своём отчёте А. К. Шторх особенно подчеркнул большую пользу изучения восточных языков в Лазаревской гимназии [4, с. 24]. На заседании 26 декабря 1827 г. Комитет устройства учебных заведений определил дать учебному заведению Лазаревых новое название «Лазаревых Институт Восточных языков» [21, с. 68]. В январе 1828 г. Комитет устройства учебных заведений постановил, чтобы попечители училища приняли участие в составлении нового устава вместе с членом Комитета действительным статским советником А. К. Шторхом [10, с. 135].

В феврале 1828 г. статс-секретарь Н. Н. Муравьев, согласно «высочайшей воле», препроводил на рассмотрение министра народного просвещения всеподданнейшие прошения статских советников И. Е. и Х. Е. Лазаревых о подчинении гимназии Лазаревых главному начальству А. Х. Бенкендорфа [21, с. 18]. В марте 1828 г. на заседании Комитета устройства учебных заведений оба вопроса — об уставе и главном начальнике — были рассмотрены одновременно. Рассмотрение проекта устава института решили отложить ввиду предстоявшего общего преобразования системы учебных заведений в Российской империи. Что касается вопроса о подчинении Лазаревского института главному начальству А. Х. Бенкендорфа, то члены Комитета, не видя препятствий к положительному решению, в то же время подчеркнули, что «Институт не должен выходить из общего заведывания Министерства Народного Просвещения и при подчинении его новому Начальству». В том же месяце журнал Комитета устройства учебных заведений был высочайше утвержден [21, с. 18].

Несомненно, что в министерстве испытывали определённое недоверие к Лазаревскому институту. С одной стороны, институт отличался от казенных заведений учебной программой, включавшей изучение армянского и других восточных языков, а с другой — существовал на частные пожертвования. И тот, и другой факты вызывали в ведомстве беспокойство. В частности, в министерстве опасались, что институту не хватит средств на собственное содержание. Однако новый главный начальник института был совершенно уверен в пользе существования института. В письме к А. М. Шишкову от 12 апреля 1828 г. А. Х. Бенкендорф, в частности, писал: «...общая цель Института состоит в том, чтобы доставить юношеству способы к воспитанию и образованию в науках, служащих приготовлением на службу военную и гражданскую. Сверх того, юношество Армян, обитающих под покровительством России и усердную преданность новому своему отечеству оказавших, получив образование в Главном Учебном Заведении, с большою удобностью соединится с коренными Россиянами» [20, с. 114].

Показателем того высокого значения, которое в правительственных кругах стали придавать Лазаревскому институту, стали приёмы в его стенах в 1829 и 1830 гг. делегаций высокопоставленных представителей Персии и Османской империи. Российские власти с удовольствием демонстрировали им учебное заведение, готовившее профессиональных чиновников со знанием восточных языков. В ноябре 1829 г. институт посетил персидский принц Хосров-мирза со

своей свитой [20, с. 122–123]. В январе 1830 г. Лазаревский институт посетила группа турецких дипломатов — посланник трехбунчужный паша Гюрджу Халил Рифат, министр султана и хранитель государственной печати Неджиб-эфенди, а также секретарь турецкого посольства Сарим-эфенди. Для турецких дипломатов была произнесена пансионером института князем Г. И. Манук-беем на турецком языке речь, в которой кратко излагалась история «возрождения Армян в благотворной России», а также основные вехи создания и деятельности института. Турецким дипломатам были поднесены эстампы и книги на восточных языках, напечатанные в типографии института [20, с. 131].

* * *

4 октября 1834 г. Лазаревский институт в сопровождении его главного начальника графа А.Х. Бенкендорфа посетил Николай I. Как было сказано в официальном описании «высочайшего посещения»: «По обозрению Института, Государь Император благоволил изъявить Высочайшее своё удовольствие за устройство и найденный порядок Главному Начальнику Института Г. Генерал-Адъютанту Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а вскоре официально объявлено о сем достопамятном для Института событии...» [21, с. 155–156]. Интерес императора к институту предвещал близкие преобразования в жизни учебного заведения.

В середине 1830-х гг. под руководством министра народного просвещения графа С. С. Уварова полным ходом шла реформа учебных заведений Российской империи. Согласно высочайшему утвержденному мнению Государственного совета от 25 июня 1834 г., все высшие и средние учебные заведения империи должны были быть распределены по нескольким разрядам. 17 августа 1834 г. министр народного просвещения обратился к графу А. Х. Бенкендорфу с предложением включить состоявший в его ведении Лазаревский институт во 2-й разряд. Получив согласие, С. С. Уваров внёс общее представление в Государственный совет [21, с. 30–32]. Высочайшим указом от 20 ноября 1835 г., утвердившим расписание высших и средних учебных заведений, Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков был помещён во 2-й разряд наравне с гимназиями, корпусами и институтами [21, с. 38–44].

Через некоторое время главный начальник института представил на имя императора докладную записку от 28 июня 1837 г. о даровании Лазаревскому институту прав и преимуществ наравне с учебными заведениями 2-го разряда. Николай I поручил рассмотреть дело института Комитету министров. На заседаниях 3 и 31 августа 1837 г. Комитет, рассмотрев записку графа А. Х. Бенкендорфа и выслушав особое мнение С. С. Уварова, принял решение удовлетворить прошение главного начальника института. Указом от 21 октября 1837 г. закреплённые в журнале Комитета министров права института Лазаревых были подтверждены и обнародованы. Чиновникам и преподавателям были присвоены права действительной государственной службы с присвоением каждой должности в институте соответствующего класса по Табели о рангах [21, с. 53–56].

Добившись для Лазаревского института прав учебных заведений 2-го разряда, главный начальник занялся приведением в порядок его внутреннего распорядка. В отношении от 30 сентября 1837 г. граф А. Х. Бенкендорф предписал Совету института «учинить все зависящие распоряжения, равно в точность соблюдать и исполнять все те правила, которые законом и указами повелены для всех учебных заведения 2-го разряда». Для приведения внутреннего распорядка института в соответствие с общеимперским законодательством главный начальник предложил взять за основу изданное в 1830 г. «Постановление Восточного Лазаревых института» [21, с. 58–63].

Работа над приведением в соответствие «Постановления...» института с указами и законами об учебных заведениях 2-го разряда вызвала вопросы. Уже устоявшаяся структура управления институтом несколько отличалась от принятой в гимназиях, лицеях и корпусах. Поэтому необходимо было законодательно подтвердить эти особенности. В первую очередь речь шла о закреплённом в «Постановлении ...» правиле о передаче по наследству в фамилии Лазаревых звания и должности попечителя института. Также необходимо было добиться разрешения на существование в институте такой структуры, как совет, куда входили попечитель, директор, инспектор и некоторые из старших учителей. Кроме того, Лазаревы хотели закрепить правило об обязанности воспитанников, окончивших институт с отличием, прослужить в нём после окончания шесть лет в должностях старших и младших учителей. Оставались и другие вопросы: кому начальство института должно было направлять финансовые отчеты и какие мундиры должны были теперь носить преподаватели и чиновники института?

Все эти вопросы граф А.Х. Бенкендорф внёс на рассмотрение Комитета министров. Новое ходатайство встретило сопротивление со стороны министра народного просвещения, который, выражая недоверие начальству института, указывал на ненадёжность финансовых источников содержания института [10, с. 143]. В реальности, скорее всего, речь шла о ведомственной ревности. Министерство не хотело мириться с существованием учебного заведения, которое находилось под номинальным его ведением и отличалось от других образовательных учреждений Российской империи особыми порядком управления и учебной программой. Тем не менее Комитет пошёл навстречу главному начальнику института. Высочайше утвержденным журналом Комитета министров от 29 марта и 26 апреля 1838 г. за институтом были утверждены почти все испрашенные дополнительные права [21, с. 100–106].

Комитет обязал воспитанников после окончания института прослужить в нём шесть лет в должностях старших и младших учителей. При этом было поставлено условие, что занять должность учителя воспитанник мог только после окончания с успехом полного курса университета, а также сдачи испытания для получения «надлежащей учёной степени». Положительно был решён вопрос о форменной одежде преподавателей и учащихся института, что являлось важным внешним признаком того, что институт приобрёл официальный статус. Попечителю, директору, инспектору, учителям и другим чиновникам института разрешалось носить мундир и мундирные фраки того же фасона, который носили в гимназиях Московского учебного округа с той разницей, что на пуговицах должен был быть не губернский, а государственный герб [21, с. 105–106]. В то же время Комитет по настоянию С. С. Уварова отклонил ходатайство начальства института о дозволении им выпускать воспитанников, обучавшихся греческому языку, с чином 14 класса. В журнале Комитета были скрупулезно перечислены те параграфы устава гимназий и училищ, утверждённого 8 декабря 1828 г., которые не могли быть распространены на Лазаревский институт. В заключении журнала Комитет министров, желая предотвратить новые ходатайства о расширении прав института, жёстко подчеркнул: «Засим никаких более прав и преимуществ Институту сему не представлять и всякое о том домогательство на будущее время устранять» [10, с. 146].

Несмотря на первоначальное недоверие министра народного просвещения к Лазаревскому институту, его отношение к учебному заведению постепенно смягчилось. 17 июня 1840 г. С.С. Уваров «изволил почтить Институт восточных языков своим посещением». Очевидно, министр решил устроить неожиданную инспекцию институту, который вызывал у него неприятие. Как следует из рапорта командира института генерал-майора П.П. Римана, проверка окончилась благополучно, поскольку С.С. Уваров лично убедился в основательности даваемого в институте образования в рамках гимназической программы [10, с. 146–147].

Одной из особенностей учебного заведения Лазаревых с первых дней его существования являлась подготовка в его стенах будущих священнослужителей армяно-григорианского исповедания. В связи с успешным завершением интеграции института в систему учебных заведений Российской империи его руководство решило придать официальный статус обучению армянских воспитанников, готовившихся принять духовное звание, для чего планировалось учредить при институте «Духовное отделение» [8, с. 47]. Составленный проект был сначала направлен на рассмотрение в Эчмиадзинский Армяно-Григорианский Синод, который своим постановлением от 21 июля 1839 г. его одобрил [19, л. 1–8]. После внесения уточнений, предложенных графом А.Х. Бенкендорфом, министром народного просвещения С.С. Уваровым, а также министерством внутренних дел, проект «правил духовного отделения» поступил на рассмотрение Комитета министров, журнал которого с положительным решением был 31 января 1841 г. высочайше утверждён [10, с. 147].

* * *

Следующей важной вехой в развитии Лазаревского института как учебного заведения, специализирующегося на востоковедении, стало утверждение в 1848 г. его нового устава. Отправной точкой новых преобразований в институте стал 1844 г., когда на должность Наместника на Кавказе был назначен граф (с 1845 г. — князь) М.С. Воронцов. Он получил огромные полномочия, которые должны были, по мысли Николая I, помочь завершить Кавказскую войну и окончательно присоединить Кавказ к Российской империи. В качестве одного из главных инструментов для выполнения поставленной перед ним задачи князь М.С. Воронцов рассматривал политику в сфере образования. Кавказская администрация испытывала постоянный

кадровый голод. Несмотря на привилегии, которые имели чиновники, соглашавшиеся служить на Кавказе, их количество, а главное нравственный и профессиональный уровень, часто оставляли желать лучшего [23, с. 138–141]. Выход из порочного круга Наместник видел в создании условий для широкого привлечения к управлению краем уроженцев Кавказа. Князь М. С. Воронцов справедливо полагал, что включение представителей элиты народов Северного Кавказа и Закавказья в состав местной российской администрации значительно ускорило бы процесс интеграции края в состав Российской империи. Однако для этого необходимо было дать кавказским уроженцам соответствующее образование. В то же время Наместник вынужден был исходить из ситуации ограниченности образовательных средств и возможностей в пределах управляемого им края. Поэтому политика как Тифлиса, так и Санкт-Петербурга в этой сфере вынужденно основывалась на двух принципах – практическая польза от даваемого образования для государственной и военной службы, а также экономия, то есть минимальные затраты государства на организацию образовательного процесса [23, с. 140–141].

В 1848 г. было принято «Положение» о Кавказском учебном округе. В нём, в частности, подчёркивалась невозможность открытия там высших учебных заведений. Организация на Кавказе высшего учебного заведения требовала значительных затрат, тогда как Российская империя несла колоссальное финансовое бремя продолжавшейся Кавказской войны. В этой ситуации выходом стало направление кавказской молодёжи для получения образования в Санкт-Петербург и Москву. Чтобы поставить эту практику на регулярную основу, кавказская администрация разработала проект «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счёт казны, в высших и специальных учебных заведениях империи», который был доработан после обсуждения в Кавказском комитете. 11 июня 1849 г. «Положение о воспитании...» было введено в действие. В нём регламентировалась численность «кавказских воспитанников», а также определялись учебные заведения, в которых они должны были проходить подготовку. В 18 российских высших учебных заведениях обучались 160 человек. Надзор за ними в учебных заведениях осуществлял Кавказский комитет. Приём воспитанников проходил ежегодно согласно установленной квоте. «Кавказские воспитанники» готовились не только к гражданской или военной службе, но также к деятельности в сфере «торговли и промышленности». После окончания обучения молодые специалисты обязаны были прослужить на Кавказе не менее шести лет. Полученное уроженцами Кавказа образование было источником служебных привилегий и фактором, способствовавшим карьерному росту [16, с. 313–323].

Вполне естественно, что Лазаревский институт попал в список тех учебных заведений, куда предполагалось направлять «кавказских воспитанников». Еще в 1843 г. по прямому распоряжению императора Николая I в институт были направлены пять воспитанников из числа закавказских уроженцев «для приготовления себя на службу в тамошнем крае» [7, с. 50]. В 1846 г. с Высочайшего разрешения в Москву командировали управляющего делами Кавказского комитета, статс-секретаря В. П. Буткова, чтобы провести испытание «кавказских уроженцев, воспитывающихся в Лазаревском институте». Проверка показала, что «воспитанники учатся весьма удовлетворительно, заботливость о них начальства примерная, порядок во всем заведения отличный» [10, с. 149]. Тем не менее управляющий остался недоволен общим состоянием дела обучения «закавказских воспитанников» не только в Лазаревском институте, но также в других, в том числе высших учебных заведениях.

В представленной по результатам инспекции записке В. П. Бутков указал на то, что курс учения в институте, ограниченный пятью классами, слишком краток, если учесть, что в него входят все предметы гимназического курса, а сверх того ещё восточные языки. Не устраивало управляющего также то, что институтский курс, в частности преподавания восточных языков, не был окончательным, а предполагал дальнейшее обучение в Московском университете, притом, что в нём не было специального для этого отделения. В результате подчёркивал Бутков: «Кавказские воспитанники не только не могут усовершенствоваться в главном предмете их образования – восточной словесности, но легко могут забыть всё то, что они прошли по этой части в Лазаревском институте». В записке также указывалось, что воспитанники данного института не имеют никаких привилегий, даже тех, которые имеют выпускники Тифлисской гимназии. Поэтому, по мнению Буткова, «немногие из Кавказских уроженцев пожелают воспитывать своих сыновей в Лазаревском Институте, имея возможность воспитывать их с большею выгодой в Тифлисской гимназии» [10, с. 150].

Если в Лазаревском институте Бутков нашёл курс обучения воспитанников слишком «кратким и сжатым», то в С.-Петербургском университете обучение «кавказских воспитанников»,

по его мнению, страдало излишней полнотой. К 1846 г. Петербургский университет имел уже 30-летнюю историю преподавания восточных языков [5, с. 21]. Но, вероятно, именно в силу академичности преподавания университет плохо подходил на роль кузницы административных кадров для Закавказья. Инспекция показала, что поступившие в университет «закавказские воспитанники», не имея хорошего среднего образования, вынуждены были слушать «множество предметов, кои не слушаются прочими студентами» [10, с. 150]. Так, большая часть воспитанников плохо знала русский язык и не могла как остальные студенты «следить с настоящим успехом за курсом преподавания». Попытка преподавать «кавказским воспитанникам», помимо других предметов, еще 7 восточных языков приводила к тому, что они, начиная изучать их с азбуки, «никак не могут успеть изучить сии языки так, как бы следовало». И наконец, университетская система не позволяла иметь за «воспитанниками» жёсткого надзора, «который особенно необходим для Закавказских уроженцев, ещё довольно слабых в своих понятиях о пользе и необходимости учения» [10, с. 150]. Кавказский комитет ожидал, что воспитанники будут выходить из стен институтов и университетов уже полностью подготовленными к гражданской и военной службе на Кавказе. На деле же выяснилось, что учебные программы ни Лазаревского института, ни С.-Петербургского университета не соответствовали — каждая по-своему — «предположенной Государем Императором цели, приготовления из Закавказских уроженцев чиновников для этого края, основательно знающих туземные языки» [10, с. 151].

В итоге Бутков пришел к следующему выводу: «Для отвращения всех сих затруднений и приготовления для Закавказского края таких переводчиков, которые имели бы твёрдые и обстоятельные познания в тех именно восточных языках, кои наиболее употребительны за Кавказом, необходимо, чтобы Закавказские уроженцы готовились к этому с юношеского возраста и чтобы приготовление это имело целью не одни восточные языки, но и науки юридические, более или менее необходимые для губернского чиновника» [10, с. 151]. Другими словами, Бутков указывал на необходимость начинать преподавание восточных языков для «закавказских воспитанников» ещё на уровне гимназии, с тем чтобы затем они уже без затруднений усваивали университетский курс. Одним из способов решить означенную проблему явилось бы учреждение при одной из расположенных в Петербурге гимназий «особого восточного отделения». Кроме того, Министерство народного просвещения предлагало в качестве выхода из ситуации «усилить способы восточного отделения С.-Петербургского университета». Но в первом случае от казны требовались дополнительные субсидии в размере 10 тыс. руб. серебром в год, а во втором — 4 или 5 тыс. руб. серебром в год. Но как говорилось в записке: «Такие новые расходы при теперешнем положении дел, решительно невозможны» [10, с. 151].

В этой связи Бутков обратил особое внимание на Лазаревский институт, в котором преподавание восточных языков начиналось уже в младших классах и который содержался на деньги частных лиц. Статс-секретарь предложил подготовку чиновников из числа закавказских уроженцев «сосредоточить исключительно в Московском Лазаревых Институте» [10, с. 151]. Для реализации этой меры он разработал следующий план действий: «1) Рассмотреть курс Института и сделать его окончательным, так, чтобы воспитанники, выслушавшие в Институте весь курс, поступали уже не в университет, а прямо на службу. 2) Для этого... применить к Институту уставы, изданные для... лиц... но с тем, чтобы посвятить Институт, сверх предметов обыкновенного гимназического курса, ещё восточным языкам, а также наукам: юридическим для тех, кто будет готовиться на службу, и коммерческим для тех, кто пожелает готовиться к торговле. 3) Предоставить воспитанникам Института те права и преимущества, кои предоставлены воспитанникам означенных выше лицеев и за тем Институт, для единообразия, может быть, потребует назваться Московским Лазаревским лицеем. 4) Воспитывать в этом заведении, на казённый счёт, постоянно 30 закавказских уроженцев, то есть то самое число, какое назначено воспитывать ныне в Лазаревском институте и С.-Петербургском университете, с тем чтобы отпускаемая ныне на них из государственного казначейства сумма отпускалась уже в Лазаревский институт на усиление его штата» [10, с. 151 — 152]. Главный начальник института А.Ф. Орлов, являвшийся по совместительству также членом Кавказского комитета, полностью поддержал предложенный план преобразования института. Проект нового устава института был разработан совместно И.Е. Лазаревым и В.П. Бутковым, после чего передан на рассмотрение Кавказского комитета. Отдельные статьи проекта передали на рассмотрение министру народного просвещения, который, однако, подвергнул план преобразования института жёсткой критике.

Графа С.С. Уварова в проекте насторожила сложность создаваемого учебного заведения. Он прямо указал на то, что Кавказский комитет, преследуя прагматичные цели, выбрал палли-

ативное по сути средство их достижения. В письме к графу Орлову министр писал: «Всякое учебное заведение тем с большим успехом достигает своей цели, чем оно представляет менее сложности... К сожалению, предполагаемый Лазаревский лицей... не удовлетворяет такому требованию. В нём полагается: во-первых, соединить в сжатом виде и пригготовительное и высшее учебное заведение, то есть гимназию и собственно лицей... Во-вторых, в самом лицее, или в высших классах заведения предполагается совместить три совершенно разнородные цели образования воспитанников, с пригготовлением их: а) для службы гражданской в сопредельных с Азиею провинциях; б) для торговли с востоком, и в) на службу по духовному ведомству Армянского исповедания, так что все вообще воспитанники существенно разделяются не на два разряда, как сказано в одной из статей проекта, а на три... Таковая разнородность естественно производит несоразмерное с объёмом заведения скопление учебных предметов и замешательство в распределении их, ко вреду сего заведения» [10, с. 158]. Уваров обращал внимание на то, что невозможно вместить в пять классов программу семи классов обычной гимназии, тем более что некоторые из предметов согласно представленному проекту не будут далее преподаваться в лицее. По мнению министра, можно было попытаться уместить гимназическую программу в рамках шести классов, как это было сделано министерством в дворянских институтах и некоторых гимназиях. Но пять классов было явно недостаточно. [10, с. 159]

Особенно жёсткому разбору графа С.С. Уварова подверглись разделы проекта, касающиеся изучения в учебном заведении иностранных, в том числе восточных языков. Министр обратил особенное внимание, что в число общих для всех воспитанников изучаемых языков должны войти русский, французский, арабский, персидский и турецкий, кроме того, для тех, кто хотел поступать на государственную службу, обязательным будет латинский, а для предназначавших себя в торговлю — английский язык. Кроме того, воспитанники-армяне обязаны будут изучать армянский, а «закавказские воспитанники» — грузинский, армянский, татарский (азербайджанский). «Обучение столь многим языкам в одно и то же время, способное произвести совершенное смешение в понятиях молодых людей, притупить их способности, — писал министр, — не обещает решительно никакой пользы». [10, с. 160]

Министр предлагал: в случае, если финансовые возможности не позволяют выделить из Лазаревского института отдельно гимназию и лицей, то тогда в составе института необходимо было создать шесть гимназических (не включая в них пригготовительный седьмой класс), а также три лицейских класса. Он исходил из того, что главной целью Лазаревского института является подготовка «переводчиков и чиновников для гражданской службы в Закавказском крае, также духовных лиц Армянского исповедания». Уваров предлагал отказаться от третьего отделения, предназначенного для подготовки «воспитанников для торговли с Востоком». По его мнению, существование данного отделения «могло только затруднить успешный ход целого заведения и стеснить без пользы денежные средства Института» [10, с. 162]. Подход графа С.С. Уварова был прагматичным и учитывал, прежде всего, ясно обозначившуюся в 1840-х гг. потребность кавказской администрации в притоке в этот край хорошо образованных чиновниках из числа местных уроженцев. Поэтому министр предложил графу А.Ф. Орлову: «как дело идёт здесь об образовании для гражданской службы Закавказских уроженцев и о пригготовлении для тамошнего края способных чиновников и переводчиков» подключить к разработке проекта устава Лазаревского лицея Наместника на Кавказе М.С. Воронцова [10, с. 162–163].

В ответном письме от 12 марта 1848 г. граф А.Ф. Орлов вынужден был в принципе согласиться, что преподавание в одном учебном заведении одновременно сжатых гимназического и лицейского курса, да ещё при наличии трёх отделений, «произведёт скопление и замешательство в распределении учебных предметов». С другой стороны, главный начальник института исходил из реальных возможностей учебного заведения. Поэтому предложение разделить институт на гимназию и лицей, или ввести внутри него шесть гимназических и три лицейских класса, было отвергнуто, поскольку для этого ни у казны, ни у Лазаревых не было средств. Что касается сохранения трёх отделений, то это было явной уступкой Лазаревым, поскольку институт был создан в первую очередь для удовлетворения интересов армянской общины в Российской империи. В то же время критика со стороны министра народного просвещения заставила графа А. Ф. Орлова более чётко обозначить цель инициированного Кавказским комитетом преобразования Лазаревского института. Оказалось, что комитет преследовал не только узкую практическую цель — подготовка переводчиков и чиновников для Кавказского края. Речь шла о более широком замысле. Основное предназначение Лазаревского института граф А. Ф. Орлов определил следующим образом: «...главная цель Лазаревского института состоит в обучении

восточным языкам, не только приуготовительным, но общим и высшем, обнимающим преподавание восточных языков в том размере, как они читаются в С.-Петербургском университете» [9, с. 33]. Речь шла о том, чтобы ввести в Лазаревском институте наравне с общей гимназической учебной программой также университетский курс преподавания восточных языков. Согласно § 52 составленного проекта устава института весь курс обучения должен был делиться на восемь классов, из которых шесть являлись бы гимназическими, а два — специальными или высшими, предназначенными для преподавания восточных языков. В конце письма Орлов, желая окончательно прояснить для министра главную цель реформы института, писал: «В заключение долгом считаю присовокупить, что преобразованием Лазаревского Института... откроется в Москве заведение, которого именно для Москвы при настоящих торговых сношениях её с Востоком, не достаёт, заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере и которое, таким образом, будет заменять восточный факультет университета, не требуя никаких издержек со стороны казны» [9, с. 35]. 29 апреля 1848 г. подготовленный проект устава Лазаревского института был рассмотрен на заседании Кавказского комитета, который его одобрил с небольшими изменениями [10, с. 164]. 10 мая 1848 г. император Николай I утвердил журнал Кавказского комитета и подписал указ о преобразовании Лазаревского института [7, с. 54].

Проводя в 1848 г. преобразование Лазаревского института, правительственные круги в Петербурге попытались достигнуть одновременно несколько целей: во-первых, обеспечить для «закавказских воспитанников» возможность овладения на более высоком уровне (чем, например, в Тифлисской гимназии) дисциплинами гимназического курса; во-вторых, возможность изучения ими восточных языков «с юношества», то есть уже в гимназии; в-третьих, возможность дать «кавказским воспитанникам» университетский курс восточных языков и дисциплин в более сжатые сроки. Паллиативность данного плана, особенно в последнем пункте, была очевидной, а критика С. С. Уварова, как показало будущее, была справедливой. Тем не менее на тот момент это было лучшее решение, которое в итоге заложило основу для превращения уже во второй половине XIX в. Лазаревского института восточных языков в один из крупных академических центров востоковедения в России.

В истории становления Лазаревского института в первой половине XIX в. ключевую роль сыграли два фактора: во-первых, энергичная культурно-просветительская деятельность семьи Лазаревых, а во-вторых, заинтересованность правительственных верхов в появлении учебных заведений, главным профилем которых являлось бы преподавание восточных языков. Территориальные приобретения Российской империи в Закавказье сделали для правительства актуальным покровительство армянскому учебному заведению семьи Лазаревых, которое смогло взять на себя подготовку крайне необходимых для российской администрации на Кавказе и в Закавказье переводчиков и чиновников со знанием восточных языков. Особо привлекательным для правительства выглядел тот факт, что Лазаревский институт мог содержаться за счёт собственных средств, без финансовых вливаний из государственной казны. Кроме того, в Петербурге высоко оценивалась деятельность института по подготовке лояльной Российской империи армянской элиты. Каждый год из стен института выходила европейски образованная, со знанием как своего родного, так и русского языка армянская молодёжь, которая шла учителями в армянские школы, священниками — в армянские храмы, а также гражданскими чиновниками и военными — на российскую государственную службу.

«The School, where Eastern Languages Will Be Taught Widely»: The History of the Lazarev Institute in the First Half of the XIX Century in the Context of the Policy of the Russian Empire in the Caucasus

Mikhail Volhonsky, Ph.D. (history), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies
and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Summary. *The article highlights the history of creation and transformation of the Lazarev Institute in the first half of the nineteenth century. It was founded in Moscow in 1815 thanks to the family of rich Armenian industrialists as a private institution and underwent a complex evolutionary path from school for children from poor Armenian families to the Institute, one of the recognized in Russia centers for learning oriental languages. A key role in the history of the Lazarev Institute played two factors: energetic cultural and educational activities of Lazarev family, as well as the interest of the government of the Russian Empire in preparation for the Caucasian administration of interpreters and officials with knowledge of oriental languages.*

Keywords: *The Russian Empire, the Lazarev Institute, oriental languages teaching, Lazarev family, A. A. Arakcheev, M. M. Speransky, A. H. Benkendorf, S. S. Uvarov, V. P. Butkov.*

Литература / References

1. Амирханян А. Т. Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины XIV–XX века. — М., 1992.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1923.
3. Асадов Ю. А. Исфаганский род Лазаревых. — М., 2000.
4. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. — М., 1973.
5. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. — СПб., 1879.
6. Воевода Е. В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. — М., 2010.
7. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. — СПб., 1855.
8. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. — М., 1863.
9. Кананов Г. И. Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков. — М., 1865.
10. Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского Института восточных языков. 1815–1850 гг. — М., 1891.
11. Кузнецова Л. К. О жалованных князю Г. Г. Орлову портретах Екатерины II // Эрмитажные чтения к 100-летию со дня рождения В. Ф. Левинсона-Лессинга. — СПб., 1993.
12. Маргарян Г. К. Роль Христофора Лазарева в истории русско-армянских отношений // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. — М., 2006.
13. Материалы для истории Лазаревского Института Восточных Языков, издаваемый иждивением г. почётного попечителя князя Семёна Семёновича Абамелик-Лазарева. Вып. 1. — М., 1914.
14. Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. — Екатеринбург, 2013.
15. Письма графа М. М. Сперанского к Х. Е. Лазареву. — СПб., 1864.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 24. — СПб., 1850.
17. Рафиенко Л. С., Лазаревы, Сперанский М. М. // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. — М., 2006.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 5. Д. 152.
19. РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 174.
20. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. — М., 1838.
21. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых Института Восточных языков. — СПб., 1839.
22. Торкунов А. В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. — 2015. № 6.
23. Урушадзе А. Т. Развитие образовательной политики Российской империи и формирование «национальных кадров» на Кавказе (1845–1854 гг.) // Кавказский сборник. Т. 9 (41). — М., 2015.

Научная жизнь

Работа кавказоведческого семинара во втором полугодии 2016 г.

С осени 2015 г. в МГИМО и Институте востоковедения РАН проводится научно-практический семинар «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)». Его организаторами являются сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО В. М. Муханов и А. А. Ярлыкапов, а также ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН В. О. Бобровников.*

* * *

28 сентября 2016 г. в МГИМО состоялось восьмое заседание семинара. Оно было посвящено актуальной теме — «Проблема радикализации мусульман на Северном Кавказе».

С основным докладом выступил старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ А. А. Ярлыкапов, который подробно рассмотрел различные аспекты проблемы радикализации мусульман на Северном Кавказе. Он отметил, что тема эта крайне политизирована и даже раздута. Очевидна потребность в её академическом анализе, без крайностей и алармизма.

Постсоветские изменения в исламском поле характеризуются высокой степенью динамики. Одно из кардинальных изменений в государственных подходах — признание суфизма «традиционной» формой ислама, в отличие от практики имперских и советских времен, когда к суфизму относились как минимум подозрительно. Это позволило придать некоторым суфийским группам в Ингушетии, Чечне и Дагестане «официальный» статус.

В постсоветский период произошло заметное усиление мозаичности ислама за счёт появления новых групп мусульман. Особенно серьёзные темпы «мозаизации» показывают салафиты. Докладчик отметил также рост влияния альтернативных исламских сообществ и неформальных лидеров и центров. В связи с активным проникновением новых технологий наблюдается и так называемая виртуализация джамаатов, когда молодёжь формирует сообщества последователей шейхов, активно и целенаправленно проповедующих в сети Интернет. Одним из результатов постсоветской реисламизации является и всё более очевидное разделение региона на более светский Северо-Западный и более исламизированный Северо-Восточный Кавказ.

Касаясь непосредственно процессов радикализации мусульман, А.А. Ярлыкапов отметил, что они также были неровными и разнонаправленными. Возникшие в 1990-е гг. радикальные молодёжные джамааты прошли различный путь: одни — к экстремизму, другие — от экстремизма. Наиболее печальный пример — путь к экстремизму и насилию кабардино-балкарского джамаата, который завершился нападением на Нальчик в октябре 2005 г. Но есть и примеры джамаатов Карачаево-Черкесии и Адыгеи, которые сумели избежать ухода в экстремизм. Докладчик отметил высокое влияние войн в Чечне на процесс роста экстремистских настроений среди мусульман, при том, что экстремистские политические проекты на Северном Кавказе — будь то кадарская «Исламская территория» или «Имарат Кавказ» — потерпели крах. Этот крах

* Подробнее о первых семи заседаниях семинара см.: Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. О новом кавказоведческом семинаре // Ежегодник ИМИ. 2016. № 1 (15). С. 115–116; Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. О работе кавказоведческого семинара в первом полугодии 2016 г. // Международная аналитика. 2016. № 2 (16). С. 139–141. Ряд докладов семинара опубликован в качестве отдельных статей: Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 г.: Основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. 2016. № 1 (15). С. 117–128; Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии // Ежегодник ИМИ. 2016. № 1 (15). С. 129–137; Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. 2016. № 3 (17). С. 112–121.

произошёл в первую очередь благодаря позиции самих мусульман региона, которые отказали экстремистам в поддержке и не пошли вслед за ними.

С 2012–2013 гг. стало складываться впечатление, что экстремизм в регионе обрёл новое дыхание — в связи с появлением на Ближнем Востоке ИГ и его активной вербовочной деятельностью на Северном Кавказе. Однако на сегодня очевидно, что и объявленный здесь «Вилаят Кавказ» так же провалился, несмотря на то что террористическая угроза от него продолжает существовать и, скорее всего, на среднесрочную перспективу будет оставаться серьёзной проблемой.

Говоря о причинах радикализации, докладчик отметил, что при несомненном влиянии внешнего фактора всё же следует признать, что основными являются внутренние причины, в частности охвативший регион системный кризис (экономические проблемы, коррупция, отсутствие социальных лифтов и т. д.). Тревожным фактором является и то, что всё больше в экстремистские движения вовлекаются внешне успешные мусульмане, казалось бы, не относящиеся к группам риска.

Ярлыкапов отметил противоречивость государственной политики в отношении мусульман. В частности, по его мнению, политика поддержки «традиционного» ислама всё менее успешна, в частности, в силу невозможности его определения. Кроме того, она приводит к исключению большого числа мусульманских общин, не относимых к «традиционным», но и не радикальных, из сферы государственно-конфессиональных отношений.

Со вторым докладом выступила старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН Н. А. Нефляшева. Главное внимание она уделила адыгейскому кейсу, который, по её мнению, демонстрирует пример успешности политики дерадикализации, когда в трудные времена конца 1990-х — начала 2000-х гг. мусульманам республики удалось избежать развития по сценарию кабардино-балкарского джамаата. Особенно она выделила деятельность муфтия Нурбия Емижа (2002–2012 гг.), который активно привлекал мусульманскую молодёжь к деятельности в муфтияте республики, а также взял курс на привлечение интеллектуалов к сотрудничеству с Духовным управлением мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМРАиКК). Кроме того, ДУМРАиКК проводит серьёзную разъяснительную работу по теме непротиворечивости исламских норм и Адыгэ Хабзэ, что очень важно для удержания молодёжи от радикальных интерпретаций ислама.

Нефляшева также отметила, что при всей успешности адыгейского кейса в республике остаются возможности для распространения радикальных настроений. Об этом свидетельствует, например, факт ухода из города Адыгейска в ИГ 21 человека в 2015 г.

После выступлений докладчиков развернулась дискуссия, в ходе которой участники обсудили такие вопросы, как определение государством границ лояльности мусульман, с которыми будут выстраиваться взаимоотношения; о том, как соотносить понятия ислама и терроризма; о путях и способах дерадикализации мусульман.

В работе семинара приняли участие эксперты из ряда столичных научных центров (МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН, РГГУ, ИСПИ РАН, ИМЭМО РАН и др.), а также из российских региональных и зарубежных научных центров, в частности из Университета Хоккайдо (Япония).

* * *

26 октября 2016 г. в Институте востоковедения РАН прошло девятое заседание семинара, на котором с докладом по теме «Христианизация Алании: мифы и реальность» выступил доцент НИУ «Высшая школа экономики» А. Ю. Виноградов.

Докладчик рассмотрел несколько мифов относительно христианизации Алании, распространённых среди российских и зарубежных исследователей. Виноградов подробно остановился на мифе о том, что Алания была христианизирована задолго до X в. н. э. Он связал его с некритичным восприятием данных Епифания Монаха. В то же время единичные упоминания об аланах-христианах есть, но все эти люди упоминаются за пределами Алании. Докладчик рассмотрел и другие мифы, в частности те, которые связаны с годовщиной создания Аланской Церкви. На основе имеющихся источников А. Ю. Виноградов аргументировал, что христианизацию Алании можно датировать по времени крещения правителя, которое состоялось в 914 г., когда туда прибыл посланный Николаем Мистиком архиепископ Петр. Были также рассмотрены проблемы датировки по архитектуре и росписям аланских храмов.

После выступления докладчика состоялась оживленная дискуссия, участники которой констатировали, что необходимы дальнейшие исследования по рассматриваемой тематике для того, чтобы демифологизировать её. В дискуссии приняли участие сотрудники Института востоковедения РАН, Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ и других научных центров Москвы.

* * *

30 ноября 2016 г. в МГИМО прошло десятое заседание семинара по теме «Этнос и политика на Северном Кавказе», которое объединило два специальных доклада по указанной тематике.

С первым докладом — «Этнос в перспективе прагматической социологии» — выступил старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО Н.Ю. Силаев. В докладе был поднят ряд острых и даже провокативных вопросов. В частности — о существовании этноса как «сущности» и «объекта». Автор обратил внимание на то, что для многих людей, которые вовлечены в этнический активизм, этнос существует именно как «объект», как «коллективная личность». В академической же науке, по мнению автора, можно наблюдать ситуацию растерянности перед многообразием проявлений этнического в политике, многообразием, не укладывающимся, как кажется, ни в какую теорию или аналитическую рамку. Поэтому в докладе и был поставлен вопрос: можно ли найти аналитическую концепцию, рамку, которая могла бы охватить этническое во всем его многообразии?

Автор доклада предложил обратиться за помощью к прагматической социологии, прежде всего акторно-сетевой теории известного французского исследователя Бруно Латура. По мнению Н. Ю. Силаева, это концептуальное направление постулирует ряд важных для анализа феномена этноса или этничности положений. Во-первых, прагматическая социология отказывается от свёрхрефлексивной позиции исследователя, поскольку люди сами в состоянии построить описание того мира, в котором они живут и действуют. Задача исследователя заключается в том, чтобы проявить эти описания и следовать за ними в своём анализе, а не в том, чтобы провозгласить поверх них собственные «разоблачительные» объяснения. В частности, нет необходимости ни доказывать активистам «воображаемость» этноса (теряя на этой операции немалую часть собственной исследовательской проблемы), ни разделять их примордиалистские взгляды (утрачивая свою исследовательскую позицию). Вместо этого надо последовательно изучить, как устроен мир, в котором активисты живут и действуют, как этот мир соприкасается, взаимодействует с иными мирами. Во-вторых, прагматическая социология переносит акцент с групп и категорий на действия и ситуации. Любая группа существует ровно в той мере, в какой она утверждается и стабилизируется неким действием: пунктом закона, политической манифестацией, полемикой о свойствах и границах этой группы и т. д. «Нет действия — нет группы», — заявляет Латур. В частности, недостаточно постулировать существование этноса, будь то в качестве воображаемой или примордиальной группы. Нужно проследить, какими именно действиями создаётся и поддерживается эта группа. С одной стороны, слова и действия активистов создают, учреждают этнос как таковой, а с другой — не существует этноса вне его конкретных проявлений: этнических движений, фольклорных ансамблей, литературы и многого другого. При таком взгляде на месте этноса как цельной и гомогенной группы оказывается несколько коллективов, возможно, частично совпадающих по персональному составу, но построенных вокруг разных действий и объектов. При этом прагматическая социология включает в коллектив не только людей, но также вещи, которые способны стабилизировать этот коллектив и делать его воспроизводимым. Мир в понимании Латура состоит не из «природы» и «общества» как разграниченных областей, а из множества общностей людей и объектов, собранных в определённом порядке, который можно описать как гибрид и сеть.

В заключении автор доклада постулировал, что, включив вещи в анализ того явления, которое принято именовать этносом, прослеживая, какими именно действиями создается этническая группа, признав за активистами право на их собственную метафизику, мы получаем шанс решить две проблемы. Во-первых, мы преодолеваем теоретическую и методологическую границу между «этническим» и «неэтническим». Во-вторых, обретаем инструмент для обоснованного и детализированного сопоставления разных этнических движений в разных политических ситуациях, который не будет зависеть от спора по поводу примордиальной или воображаемой природы этноса.

Со вторым докладом — «Этнический дискурс на примере «черкесского движения» — выступил старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ

М. А. Волхонский. В докладе был представлен итог исследования дискурса «черкесского национального движения», осуществлённого в 2012 г. в рамках проекта «Черкесский вопрос: национальное движение в современной России» (ИСЭПИ). Исследование дискурса было проведено с использованием аналитических категорий, заимствованных из концепций: «этничности» Р. Брубейкера, «дискурса как формы социальной практики» Л. Филлипса и М. В. Йоргенсена, а также концепции «идеального дискурса национализма» К. Калхуна. В рамках данных концепций этничность определяется как «точка зрения на мир», а дискурс — как одна из форм социальной практики, в процессе которой дискурс одновременно создается и сам создает социальный мир.

В ходе исследования на основе собранного полевого материала (75 интервью с активистами «черкесского национального движения» в пяти регионах СКФО) была проанализирована структура «черкесского дискурса». Выделенные Калхуном ключевые понятия «идеального дискурса национализма», путём их соотнесения с устойчивыми темами, к которым обращались в интервью респонденты, позволили систематизировать последние, а также выделить на их основе устойчивые группы тем, связанных между собой по смыслу. В итоге был раскрыт общий порядок дискурса «черкесского национального движения», состоявший из набора дискурсов, каждый из которых объединял вокруг себя несколько тем-дискурсов. Например, дискурс «глубина черкесского этноса во времени» объединял такие темы-дискурсы, как «древность черкесов», «историческая роль черкесов», «Россия и черкесы»; «роль черкесской культуры в общероссийской культуре». Ключевыми для структуры оказались два дискурса — «общее происхождение черкесов», а также «исчезновение черкесов как этноса». В целом результаты исследования помогли лучше понять логику социальных практик «черкесских активистов», преследующих две основные цели — воспроизводство этничности и общественно-политическая мобилизация, в защиту «ущемлённых прав черкесов как этноса».

В работе семинара приняли участие эксперты ряда столичных научных центров (МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, Института этнологии и антропологии РАН, Института востоковедения РАН, Института географии РАН, РГГУ, РУДН, ИМЭМО РАН и др.), а также несколько зарубежных исследователей (из Польши и Японии).

* * *

21 декабря в МГИМО состоялось одиннадцатое, заключительное в 2016 г., заседание семинара по теме «Научное и культурное наследие барона П. К. Услара (к 200-летию со дня рождения)».

С первым докладом — «Барон П. К. Услар и колониальная этнография народов Северного Кавказа» — выступил кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН В. О. Бобровников. Докладчик напомнил участникам семинара биографию барона П. К. Услара — кадрового офицера русской армии, дослужившегося до генеральских чинов, блистательного лингвиста и этнографа. Время активной деятельности Услара пришлось на 1850–1860-е гг., когда на Кавказе начиналась этнография, в развитии которой играли большую роль российские военные. Бобровников отметил, что П. К. Услар создал грамматики семи кавказских языков, считавшихся бесписьменными, придумав для них письменность на основе кириллицы.

Со вторым докладом на тему «П. К. Услар как полевой лингвист» выступил кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН Тимур Анатольевич Майсак. Докладчик обратил внимание на то, что, не будучи профессиональным лингвистом, Услар действовал методологически грамотно даже с точки зрения современной лингвистики. Для его работы характерна правильная схема и методология описания языков, в которой присутствуют все необходимые разделы, использующиеся в современной лингвистике.

После выступлений докладчиков состоялась оживленная дискуссия, участники которой констатировали, что прошедший юбилей П. К. Услара остался практически незамеченным и не стал поводом для серьёзного академического внимания к фигуре учёного и к его многогранной деятельности. В частности, участники заседания из крупных научных институтов и университетов посетовали на крайне малую вовлечённость работ и записок Услара в научный оборот, на слабую изученность научно-просветительского наследия Услара и низкий интерес научного сообщества к публикациям документов и материалов, вышедших из-под пера барона. Кроме того, было обращено внимание на недостаточную изученность биографии Услара, в первую очередь

на необходимость введения в научный оборот документов, касающихся его службы и деятельности на Кавказе (к примеру, крайне важно издание его послужного списка и тех материалов кавказского периода, которые хранятся по сей день в российских архивохранилищах — РГВИА, РГИА и др.). В результате дискуссии участники пришли к единому мнению о необходимости дальнейшего изучения жизни, деятельности и многогранного наследия барона П. К. Услара.

В дискуссии приняли участие сотрудники и преподаватели МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, Института востоковедения РАН, Института языкознания РАН, ИНИОН РАН, РИСИ и других научных центров.

* * *

На заседаниях семинара в 2017 г. планируется обсудить такие темы, как Кавказ в 1917 г. (к 100-летию революции); гендерный фактор на Северном Кавказе; антропология путешествия на Кавказе; история армянской диаспоры в Сирии и процесс её переселения на родину в последние годы; наёмники в кавказских конфликтах в 1990-е и 2000-е гг.; социально-политическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии и перспективы их развития; система управления на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. (общее и различия); Кавказ и Балканы во второй половине XIX — начале XX вв.; научное наследие Н. Ф. Дубровина (к 180-летию со дня рождения) и др. Оргкомитет планирует по мере готовности публиковать доклады экспертов на страницах журнала.

В. М. Муханов, А. А. Ярлыканов

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».

*Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).*

Регистрационный номер ПИ № ФС77-58615 от 14.06.2014.

Редактор — *В. И. Шанкина*
Технический редактор — *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная вёрстка — *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8 (495) 434-20-44.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru

Тираж 500. Заказ №

Издательство ИМИ МГИМО МИД России

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.